

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1/ 2011

Май-Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2011

№ 1 (12)
Издается с 2006 года

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«ВестХКонсалтинг»

Редакция

И. Харичев (шефредактор)
Е. Степанов (заместитель шефредактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 17.05 2011
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31.95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (495)235-89-35
Факс: (495)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «ВестХКонсалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.westxconsulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 16

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМОС

3 *А. Рожнов*
Чемпион

ЭКСПЕРИМЕНТ

10 *А. Фурман*
Машина времени

ПОСЛЕЗАВТРА

16 *Э. Просецкий*
Испытание

23 *Д. Тюлин*
Цена коммунизма

37 *О. Кожин*
Я – бомба

КОНТАКТ

47 *А. Абалихин*
Одуванчики

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

51 *С. Жданов*
Узревший облик мира

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

56 *А. Давыдов*
Деревянный меч

91 *А. Смирнов*
Пять шагов

ЮМОРКОН

110 *А. Белл*
О пользе самодельных табуреток

120 *Н. Скрицкий*
Пришелец

122 *В. Семенякин*
Интересный вывод

124 *И. Харичев*
Крапивнов семя

Андрей Рожнов

Чемпион

Северная трасса, ведущая от ДюренХити к Колизею, была практически пуста, а управление комфортабельной и надежной «LADASL300» требовало минимум внимания. И чтобы хоть какХторазвлечь себя в пути, Джеки счиХтал выкуренные Дмитрием сигареты. Сегодня Соболев побивал все рекорХды — едва докурив одну сигарету, он спешно тянул из пачки следующую.

Джеки был личным водителем Чемпиона уже не первый месяц, но все равно не переставал удивляться странностям «шефа».

Практически все электронные обозрения системы Обнабиус время от времени пестрели статьями о Дмитрие Соболеве, о «человека без нервов», «сумасшедшем асе», «призрачном» сорвиголове». Интересно, что бы сказаХли писавшие эти статейки журналисты, если б увидели, как Чемпион «истребляет» содержимое сигаретной пачки? Хорошо еще, что эллианский «табак» не содержал никотина, иначе о полетах можно было забыть...

Джеки доводилось возить Соболева и по делам, никак не связанным с гонками. И в такие дни настроение Дмитрия нельзя было назвать «радужХным», но дорога в Амфитеатр явно плохо на него влияла.

«Ясно ведь, что вся эта затея с «Виражом» ему в тягость, чего спрашиваХется себя мучить? Он уже прорву деньжищ получил...»

Джеки вспомнил, что по этому поводу писали электронные обозрения. Некоторые, не выводя долгих рассуждений и логических цепочек, заявляХли, что Чемпион «Виража» — псих. Другие утверждали, что Соболев попалХся на какуюХтоуловку в контракте, и теперь «Эверджи» не отпускает звезду своего шоу.

Сам Джеки склонялся к тому, что правы и те, и другие.

* * *

Что заставило колонистов построить первый космопорт планеты так близко к горным хребтам, навсегда останется тайной. На планете были куда как более подходящие для этого места. Но факт оставался фактом — выстроенный первыми поселенцами космопорт располагался в предгорьях. Несмотря на странное расположение, этот пригодный для старта и посадки как космических, так и атмосферных аппаратов порт прослужил населению планеты сотню с лишним лет. Век эксплуатации — срок не малый, но Федерация никогда не сэкономила на строительстве «транспортных узлов». Когда по решению планетарной Администрации был построен новый, более технологически оснащенный космопорт, старый не исчерпал своих ресурсов.

Однако же содержать оба — никаких бюджетов не хватит. Даже в режиме «консервации» на содержание старых комплексов уходило немало средств. Впрочем, выход нашелся: ту часть порта, что была пригодна для эксплуатации атмосферных аппаратов, сдали в аренду корпорации «Эверджи».

Компания эта имела весьма успешный бизнес в самых разных секторах освоенного космоса. В сферу деятельности «Эверджи» входили и разработка ископаемых, и производство робототехники и космических аппаратов, и многие другие, весьма прибыльные направления.

Но в системе Обнабиус у них был несколько другой интерес. Руководство компании решило освоить новый, обещающий немалые барыши бизнес — головизорное вещание.

У молодой команды новоиспеченного канала родилась идея «суперХ шоу», призванного привлечь внимание зрителей. Величественные хребты Эллианских гор, рассеченные десятками каньонов, и близкое расположение к ним старого порта лучше всего соответствовали концепции «Виража».

* * *

Комплексы старого порта стали называть Колизеем после первого выпуска шоу. Комментатор сравнил соревнующихся летчиков с гладиаторами, и название древней арены для боев накрепко «прилипло» к старому транспортному узлу.

Серебристая «LADA» затормозила в десятке метров от автоматических входных дверей.

— Удачи, шеф! — от души пожелал Джеки. Соболев коротко кивнул и поспешил внутрь здания.

«Нет, точно — он псих! Я бы ни за какие бабки не стал бы так рисковать!» — вновь подумал Джеки. Теперь он должен был ждать возвращения Чемпиона. Обычно Джеки занимал время ожидания чтением фантастических романов, желательно старых. Ему нравилось сравнивать, какие фантазии умершего несколько сотен лет назад автора сбылись к 2972 году. Вот, например, гиперпространственные переходы уже почти пять веков как реальность, а автомобили на антиграве по прежнему фантастика... Джеки с азартом листал «страницы» в своем КПК. Размышления о том, что заставляет Соболева рисковать жизнью, отошли на второй план.

* * *

Суть «Виража» заключалась в следующем: одно из ущелий Эллианских гор становилось «трассой». Участники шоу не имели права поднимать крылатые машины выше горных хребтов. Путь «Призраков» лежал между «стенами» каньона, пересекающего горное плато ломаной линией. Местами ущелья достигали в ширине нескольких километров, а местами наоборот сужались до нескольких десятков метров. Победителем «заезда» становился тот, кто первым достигал финиша.

Гонка проходила на огромных скоростях, одна ошибка пилота, и «Призрак» врежется в скалу.

Удачный перелет занимал всего несколько минут, но видео профессиоXнально монтировали.

Съемки велись из космоса, со специального спутника корпорации. Несколько видеокамер было установлено на самих штурмовиках. Финальное видео монтировалось из фрагментов всех полученных видеXосъемок.

Чтобы дольше держать зрителя в напряжении первые несколько минут показывали подготовку к старту, или «историю» про одного из пилотов.

Поначалу «в народе» бытовало мнение, что все это «подстава», что на самом деле на созданных самой природой «трассах» соревнуются автоматический беспилотные аппараты. Но два судебных иска от Администрации колонии и слухи о сумме взяток, отданных чтобы эти иски «замять», разXвеяли сомнения. Шоу имело огромный успех. «Эверджи» стала продавать записи с «Виразом» в другие системы уже после третьего выпуска. За басXнословные деньги.

Те камеры, что стояли на «Призраках», были подключены к бортовому компьютеру, который служил еще и «черным ящиком». Расшифрованные кадры последних мгновений пилотов, совершивших ошибку, вот, что будоXражило зрителей.

Рисковать жизнью пилотов заставляли заоблачные суммы контрактов. Платили не только за победу, а в этом случае сумма была поXнастоящему астрономической, но и за участие. В «Эверджи» работали не дураки. Они понимали, что коеXкто из пилотов не станет рисковать, ведь деньги можно получить и «просто так». Поэтому летчик, пришедший последним, не получал ничего и навсегда «вылетал» из проекта. Корпорация искала новые кандидатуры почти во всех обитаемых системах, из желающих «сорвать куш» уже собралась целая очередь, так что пилотам было, что терять.

* * *

Техники сновали вокруг одного из «Призраков», нарочито громко переXговариваясь. Проводилась предстартовая проверка всех систем, сразу несколько камер было нацелено на штурмовик. Десять пилотов — десять гладиаторов — стояли стройной шеренгой чуть в стороне. Одна из камер то и дело «пробегала» холодным взглядом объектива по напряженным лицам потенциальных смертников.

Проверку систем делали неспешно, дабы дольше подержать зрителя в предвкушении. «Призраки» были очень надежными машинами, настояXщим произведением военного искусства. Уже более двух веков прошло, как из обихода навсегда ушли слова «самолет» и «вертолет», техническая мысль достигла такого совершенства, что «Призраки» и схожие с ним модели стали называть «атмосферные аппараты». С «Призраков», на которых летаXли гладиаторы, были демонтированы все оружейные системы, но на летXных характеристиках штурмовиков это ни коим образом не сказалось.

Один из техников повернулся в сторону операторов и поднял вверх большой палец.

Как по команде, летчики неспешно двинулись к своим машинам.

Едва Дмитрий уселся в кресло пилота, как прозрачный купол кабины закрылся, а участок пола под штурмовиком начал медленно опускаться вниз. Через пятнадцать секунд «Призрак» достиг уровня стартового шлюза.

Руки Соболева легли на штурвал. Оказавшись внутри небольшой, но мощной крылатой машины, он, как это обычно случалось, почувствовал, что от волнения не осталось и следа. Это уверенность приходила к Дмитрию всегда, еще со времен учебы в Академии. Правда, когда он был кадетом, каждый учебный полет поднимал в душе еще и волну восторга и радости. Но сейчас радости не было. Была лишь уверенность в собственных силах, и в надежности верного «Призрака». Впереди начали медленно открываться створки шлюза, на мониторе бортового компьютера замигали цифры обратного отчета. Через десять секунд электромагнитные катапульты мощным импульсом «вытолкнули» штурмовик за пределы стартовой шахты. За доли секунды до этого автоматически включились двигатели «Призрака». Очередной «заезд» гладиаторов супершоу «Вирази» начался.

* * *

Некоторое время штурмовики двигались в «чистом небе», но вскоре показалось ущелье. Поначалу оно было достаточно широким, и все десять гладиаторов летели примерно наравне. В бортовой компьютер каждого «Призрака» была закачена общая схема маршрута, ущелье изображалось ломаной белой линией. Представления о том, где каньон сужается или делает поворот, конечно, облегчало дело, но компьютер не мог учесть все детали рельефа, мощные потоки воздуха, бушующие на больших высотах, а главное ни один компьютер не мог предсказать точно поведение других пилотов.

Летать в сложных условиях, учитывая любые особенности местности Соболев научился еще в Академии, а умение за доли секунды предугадывать действия противника пришло к нему вместе с первым боевым опытом.

Как обычно полет вызвал водоворот эмоций: казалось, по жилам течет чистейший адреналин, а ритм сердца слился с ровным гулом двигателей. Соболев ощущал единство со штурмовиком. «Призрак» был его продолжением, а значит, не мог подвести.

Соперники не выдержали бешеный темп, что задал им Чемпион. Борьба развернулась не за первое место, а за то, чтобы не попасть на последнее. То и дело парашютная тройка летчиков увеличивала скорость, но опасность не совладала с управлением вновь и вновь заставляла их «сбавить обороты». Остаться в живых и не прийти последним — были их единственными прихватами. Уже к середине маршрута, Чемпион стал просто не достижим для своих соперников...

* * *

После гонки Соболев был бледен, как нарик, обдолбанный ЛСД тринадцатого поколения. Джеки пару раз видел таких по головизору.

— Опять победа, шеф? — спросил шофер.

Соболев кивнул.

— Я не сомневался! Куда едем?

— Отель, — выдавил из себя Соболев.

— Не мое это дело, шеф, но опять наберетесь по самые брови?

— Ехай! — рывкнул Дмитрий.

Вздохнув, Джеки тронулся с места.

* * *

Конечно же, этот молокосос не мог его понять. Он не мог знать, какие чувства накатываются после разрыва единства с «Призраком». Словно кто-то украл из твоей души, что-то важное, незаменимое. А вслед за опустошенностью наваливались воспоминания. Само ощущение полета, кабина штурмовика, дрожащий под руками штурвал, все это так легко оживляло прошлое. Оживляло войну.

...Казалось, что разобраться в круговерти боя просто нереально. Два десятка крылатых машин словно попали в эпицентр смерча и их закрутили мощные потоки воздуха. Тактический экран компьютера пестрил мигающими маркерами и обозначениями, ежесекундно меняющими свое положение. Дмитрий «кидал» «Призрак» из виража в вираж, пытаясь разобраться в ситуации и не стать легкой мишенью.

Один из истребителей противника сел на хвост ведомому Дмитрия. Вражеский пилот чересчур увлекся преследованием. Паутина электронного прицела сошлась на мерцающем красным маркере. Автоматические турели «Призрака» «выдали» короткую очередь бронебойных снарядов. Вражескую машину разнесло на куски. Соболев рванул штурвал на себя, дабы избежать столкновения с обломками....

Перед глазами вставали все новые всполохи взрывов, в ушах звучали предсмертные крики друзей, пальцы рук, казалось, вновь вдавливали гашетки автоматических турелей.

И Соболев знал лишь один способ избавиться от пустоты в душе и призраков прошлого в голове. Старый как мир, надежный и проверенный не им одним способ.

* * *

Отель «Орион» располагался на окраине Дюранхити. Несмотря на то, что на вывеске значилось «отель», местные жители называли его баром. Питейное заведение, располагавшееся внутри, пользовалось куда большей популярностью, чем номера отеля.

Но Соболев был как раз из тех, кто избегал шумного зала бара и предпочитал заказывать комнату. Выпивку ему доставляли уже в номер.

Пузатая литровая бутылка водки и тарелка с нехитрой закуской стояла на журнальном столике. Три рюмки Дмитрий, выпил одну за другой, не закусывая. Минут десять он сидел неподвижно, полуприкрыв глаза. Наваждения прошлого не отступали, наоборот, казалось, что они затягивают еще сильнее. Зарево пожара внизу — результат коврового бомбометания, неровный

гул двигателей подбитого «Призрака» и бесконечное мельтешение красных маркеров на экране компьютера... Еще одна рюмка. А ведь они победили... За что получили порцию ненависти и презрения со стороны жителей родной системы и безразличие правительства.

Дмитрий понял, что нужно как-то отвлечься, поддавшееся влиянию алкоголя сознание все больше утягивало в омут воспоминаний. Нужно «переключиться» на что-то другое.

Рядом с бутылкой, на столике, лежал пульт. Соболев нажал на сенсорную клавишу, и, у дальней стены комнаты вспыхнуло объемное изображение головизора.

Шли то ли новости, то ли какое-то политизированное ток-шоу. Соболев хотел, было, переключить канал, но до одурманенного алкоголем мозга вдруг стал доходить смысл того, что говорил этот упитанный бирюк.

...Ситуация в секторе G — это несмываемое пятно на политике Совета. Миллиарды, вдумайтесь! Миллиарды людей вынуждены жить в условиях тяжелого полувоенного положения, нести ярмо экономической зависимости. А разве стоит винить простых людей в том хаосе, что устроили зарвавшиеся чинуши и военные чины?! Ведь далеко не все жители сектора поддались пропаганде независимости. То, что главы нынешнего Совета ведут себя в окраинных мирах сектора G как на захваченной территории — кошунство! Наша партия, в случае победы на выборах, гарантирует урегулирование этой проблемы...

...Рюмка пролетела сквозь голографическое изображение политика, угадила в стену и разлетелась в стеклянную пыль. Чемпион до боли вжал палец в сенсорную кнопку, голограмма погасла, а пульт полетел следом за рюмкой.

«Несмываемое пятно»... «Урегулирование проблемы». Мысль о том, что родной мир вновь становится фишкой в политической игре вызывала ярость!

«...не все поддались пропаганде». Соболев был из тех, кто не поддался...

В день, когда на всех каналах окраинных миров секторов G показали выступление Председателя Совета Самоуправления, новоиспеченный лейтенант ВВС Дмитрий Соболев испытал свой первый настоящий шок.

Он не запомнил точных слов выступления председателя, но отлично уловил смысл сказанного. Центральные миры далеко, от них уже давно нет никакой пользы, а между тем туда «уходят» огромные средства. А ведь миры сектора G имеют развитую экономику, большой космический флот и не нуждается в контроле и эксплуатации Центральных миров.

В тот день Дмитрий отказывался верить своим ушам. Недавний выпускник свято верил в философию «общечеловеческих ценностей». Говорили, что основные идеи этой философии в последние годы жизни разработал Виктор Цельмар — ученый, который изобрел гиперпространственный двигатель.

«...Космическая эра позволит людям почувствовать себя единым целым, почувствовать себя Человечеством...» «Иные миры будут разделять миллионы световых лет, но расстояние не сможет изжить из душ людей чувство Единства»

Эти изречения изобретателя Хфилософа были очень близки Дмитрию. Предложенные идеи о независимости и Расколе он отверг сразу.

Мятежное правительство, заручившись поддержкой нескольких крупных военных чинов, считало, что их поддержит значительная часть армии. Но противников Раскола оказалось не меньше. В секторе вспыхнула гражданская война.

Мятежникам не хватило сил сопротивляться не поддержавшим их войскам и подошедшими из Центральных миров подкреплениями. Не оправдались и надежды заговорщиков на то, что идея Независимости вызовет резонанс в других окраинных секторах.

Победа осталась за Федерацией. Соболев был убежден, что вся вина должна лечь на тех политиков и генералов, которые развязали войну. Нужно было показать миллиардам жителей окраинных миров, насколько неверна и глупа мысль о Расколе.

Действия Совета вызвали у Дмитрия боль, злость и недоумение.

Жителей сектора G лишили права выбирать себе Самоуправление. Теперь местные власти назначались непосредственно Советом. Миллионы из тех, кто сражался на стороне бунтовщиков, получили сроки в орбитальных тюрьмах. Армия сектора теперь комплектовалась из солдат Центральных миров и миров других окраин освоенного космоса. Мало того, по какой-то неясной блажи Совет издал указ уволить в запас всех офицеров сектора G, воевавших на стороне Федерации. Так Дмитрий Соболев, кадровый офицер ВВС, не имеющий другой специальности, оказался на улице.

«Иные миры будут разделять миллионы световых лет, но расстояние не сможет изжить из душ людей чувство Единства»

Чемпион сделал длинный глоток из горлышка. Вкуса он не чувствовал...

* * *

Соболев подошел к одному из банковских терминалов. Деньги за одержанную два дня назад победу поступили на его счет буквально через час после финиша. Кому-то сумма на счету Чемпиона могла показаться огромной, но для Дмитрия это были крохи. Комбинация клавиш — часть денег отправилось на счет родителям, еще одна комбинация — и пополнился счет погибшего друга, у которого осталось четверо маленьких детей. Соболев стоял, криво улыбаясь, и продолжал набирать код за кодом.

По мнению многих Чемпион заработал целое состояние, но этих денег явно не хватало.

Об авторе

Пишет в жанре фантастики, более 10 рассказов опубликованы на литературном сайте Проза.ру.

Алексей Фурман

Машина времени

— Да ладно! — недоверчиво отмахнулся Вовка. — Прямо уж так и машину времени?

— Не очень удачное название, — поморщился Сашка. — Впрочем, за неимением лучшего...

Они не виделись почти десять лет, но Сашка за это время несколько не изменился: все такой же худой, взъерошенный, в очках с толстыми стеклами. Классический гений Ходиочка из кино. Только теперь этот гений работает на какую-то крупную фирму. Или на правительство? Надо будет перебраться.

— Мы реально кое-что нащупали. — Сашка странно глянул на Вовку, налил себе еще пива. — Вернее, я нащупал. Понимаешь, все дело в том, что мы пытаемся перемещать объекты, лишённые сознания. И мне кажется, в этом наша главная ошибка!

— Значит, ты собираешься переместить во времени объект... с сознанием? — Подумав, догадался Вовка.

— Уже! — гордо кивнул Сашка.

— И как? — заинтересовался Вовка.

— Как видишь! — развел руками Сашка.

— Так ты себя? — восхитился Вовка. — Ну, ты даешь! И как ощущения?

— А хочешь сам попробовать? — Неожиданно предложил Сашка.

— А давай! — почти не раздумывая (хмель уже основательно кружил голову), согласился Вовка.

— Ну, тогда на посошок!

Пока добирались до лаборатории, Вовка немного протрезвел в холодном автобусе. И успел усомниться в правильности своего решения. Мало ли чего там напридумывал этот гений Шурик? Впрочем, сам он, похоже, от собственных экспериментов несколько не пострадал. Так что, почему бы и нет? Тем более, что у Вовки была причина побывать в прошлом. Очень веская причина. Впрочем, на трезвую голову он бы все равно вряд ли согласился...

— Слушай, а как мы попадем в этот твой... — беспокоился Вовка на полдороге. — Ну в лабораторию, или что там у тебя? У вас же там охрана, наверное, секретность и всё такое...

— Не бойсь! — Язык у Сашки слегка заплетался. — Я тебя проведу. Мне случалось задерживаться у установки... в неурочное время. Ну, сам понимаешь, зачем? Так что я знаю, и как охрану обойти, и как сигнализацию обдурить... Если, конечно, ты не передумал!

— Да ни в жисть! — поспешно заверил Вовка.

— Только внутри там потише, — озабоченно предупредил Сашка.

— Да уж как-нибудь...

В лабораторию они и впрямь попали без особых затруднений.

— Ну, и куда ты меня зашлешь? — Встав на указанное место под раструб метров трех в диаметре нависший над центром довольно большого зала, нервно усмехнулся Вовка. Хмель окончательно выветрился у него из головы.

— Зависит от тебя, — щелкая клавишами компа, деловито сообщил Сашка. Он тоже казался совершенно трезвым. И тоже волновался. — Я же говорил: тут все дело в сознании...

— А надолго? — стараясь скрыть волнение, так же деловито уточнил Вовка.

Сашка оторвался от клавиатуры, снял очки и щурясь посмотрел на Вовку.

— Как получится...

Что-то в его голосе насторожило Вовку. Он зачем-то глянул на электронные часы на стене. Двадцать один двадцать девять. Отказаться? Ну, уж нет, решил Вовка. Тем более, что у него все больше крепла уверенность в том, что вся Сашкина затея — розыгрыш. И это было очень жаль...

— А если я там раздавлю какую-нибудь бабочку, не получится как у Брэбери? — Попытался пошутить Вовка.

— Вот об этом можешь совершенно не волноваться! — Искренне заверил его Сашка.

— Значит, я могу попасть в любое время, в какое только захочу?

— Практически да, — поколебавшись, кивнул Сашка. — Только сосредоточься. Скажешь, когда будешь готов!

Вовка был готов последние шесть лет, так что долго ждать Сашке не пришлось...

* * *

— Ладно, никуда я не пойду!

Вовка оказался там за секунду до роковой фразы, как раз вовремя, чтобы произнести другие слова. Катка смотрела на него, раскрыв рот, явно не в силах поверить тому, что услышала. Еще бы! Разговор у них в тот раз шел на повышенных тонах. Мягко говоря. И тут вдруг Вовка в пылу выяснения отношения пошел на попятный. Он бы тоже не поверил!

Катка... Вовка смотрел на нее и не мог насмотреться. В домашнем халатике, не покрашенная, кое-как причесанная... Самая красивая женщина на свете! Только сейчас он понял, как ему не хватало ее все эти годы. Нестерпимо хотелось обнять, прижать и никогда не отпускать. Но что-то останавливало. Наверное, то, что Вовка все никак не мог поверить в реальность происходящего.

— Хм... — Катка знакомым жестом поправила волосы, несмело улыбнулась. — Странно...

— Что странно?

— Так на меня смотришь... Секунду назад думала: удушить готов, и вдруг. Как подменили! — Катька ткнула Вовку кулачком в грудь. — Если не собиХрался никуда идти, чего нервы мне трепал? Разыгрывал? Артист! И ведь надо же, я поверила!

— Ну, прости! — Пряча за спину дрожащие руки, попросил Вовка.

— Посмотрим на твое поведение, — сердито проворчала Катька. — И нечего теперь тут торчать столбом! Иди уж к своему телевизору. Ужин будет через полчаса.

Вовка прошел в комнату, плюхнулся на диван и тупо уставился в телеХвизор. По телевизору начинался футбол. Этот матч он смотрел в баре за углом. Собственно изХзаэтой ерунды и разгорелся весь сырХбр.

Сашка не обманул! Мысль обожгла ледяным холодом. Вовка потрогал обивку дивана, пощупал собственное лицо. Все реально! И он в том самом времени, о котором подумал. А ведь Сашке он не успел сказать, куда хочет попасть. Господи, неужели, и правда получилось?!

— Вовка, в дверь звонят! — Родной до боли Катькин голос сладкой болью растекся по нервам. Вовка быстро глянул на часы. Пятнадцать минут. Если б тогда он ушел на пятнадцать минут позже...

Звонок в дверь повторился — настойчивый, резкий, нетерпеливый. Вовка тряхнул головой и, не заглядывая в кухню, метнулся в прихожую.

— Я открою, Кать!

Вовка рванул дверь, заранее готовый ко всему. Мгновенно вспыхнувшая злость окатила жаром. На пороге стоял шурин. Худой, бледный с вваливХшимися красными глазами. Вовка, набычившись, исподлобья глянул на родственника.

— Чего надо?

Не ожидавший столь не приветливого приема, шурин, которому гонора и дури всегда было не занимать, вскинулся было, но, натолкнувшись на Вовкин взгляд, обмяк, отступил. Только в запавших глазах горели теперь злые, хищные огоньки.

— Я не вовремя? — Шурин старался говорить дружелюбно, но улыбка у него вышла кривая и неестественная.

— Не вовремя. — Буркнул Вовка и сделал движение, закрывая дверь. Боялся, что не сдержится, кинется прямо сейчас на этого скота в людском обличье. Шурин шагнул вперед, просящее выставил руку.

— Постой, Вольдемар! Я на секунду всего...

— Чего тебе? — Уже едва сдерживая ярость, процедил сквозь зубы Вовка.

— Мне б денег немного, — заискивающе улыбнулся родственник. — Рублей пятьсот на пару дней.

Вовка заметил, как шурин опустил руку в карман. За ножом? За тем самым ножом, которым он потом...

Вовка стиснул челюсти, до боли, почти до судороги. Помогло — злость немного отступила. Вовка оценивающе глянул на шурина, задумался на мгновенье. Можно бы, конечно, сунуть этому гаду деньги. Откупиться. Но это на раз. А потом, окрыленный успехом, он припрется снова? Нет, так не пойдет.

— Кто там? — Поинтересовалась из кухни Катька. Вовкина ярость вспыхнула с новой силой. КатькаХтокак хотела дать денег, иначе не пустила бы эту сволочь в квартиру, не пошла к шкафу..

— Ошиблись квартирой! — Быстро ответил Вовка, выходя на лестничную клетку. — А ты... Хрен тебе, а не деньги!

— А чё так грубо? — Тихо спросил шурин, сбрасывая дружелюбную маску и зло шуря глаза. — Давно рога не обламывали?

Вовка надеялся, что родственничек сейчас выхватит нож и бросится на него. И тогда все проблемы можно будет решить одним махом. Раз и навсегда. Драться Вовка умел и ножа не боялся. А там, даже если и припиХшут превышение пределов самообороны... Пусть! Главное, Катька будет в безопасности!

— Чё ты сказал, урод? — Стиснув кулаки, Вовка шагнул вперед.

Шурин на него не кинулся. И ножа не достал. Увидел чтоХтов Вовкиных глазах, ощутил своим звериным, нечеловеческим уже чутьем и — отступил, примирительно поднимая пустую руку.

— Ладно, ладно, пошутил я! — Шурин криво усмехнулся, и опасливо оглядываясь, затрусил вниз по лестнице. — Не вовремя, так не вовремя. Увидимся еще...

Вовка отступил в квартиру, закрыл дверь. Сердце бешено колотилось в груди. Конечно, проблема не решена, но главное сделано — Катька жива! А дальше уж он какХнибудь разберется...

Он? Вовке только сейчас впервые пришла в голову очевидная вроде бы мысль: если онХнастоящий перенесся в прошлое, то где же сейчас онХпрошлый? Смотрит футбол по телеку в баре за углом? Нет, чепуха! Вовка закрыл глаза, пытаясь привести мысли в порядок, а когда открыл...

* * *

— Получилось?! — То ли спросил, то ли сообщил Вовка, снова увидев знакомую лабораторию. Он старался сдержать вспухнувшую в нем сумасХшедшую надежду, но она прямоХтаки рвалась наружу. — Я исправил...

Увидев глаза подошедшего Сашки, Вовка осекся. Сашка, смутившись, отвернулся.

— Извини, что сразу не предупредил... — он виновато пожал плечами. — Я какХтоне подумал, что для тебя это может быть так серьезно, прости... Да и не было полной уверенности. Помнишь, ты спрашивал насчет бабочки? Так вот на самом деле прошлое изменить невозможно. Вернее, нельзя измеХнить настоящее, меняя прошлое. Можно создать новую временную ветвь, но на наше с тобой «здесь и сейчас» это никак не повлияет...

— Временную ветвь? — Бездумно переспросил Вовка, глядя на часы. Часы показывали половину десятого. Вовка сказал «готов» за миг до того, как «вернулся» из прошлого. Значит...

— Ну да, — кивнул Сашка. — Есть такая официальная теория. Время нелинейно и каждый миг его поток делиться на пХное количество новых ветвей или линий, где события развиваются поХразному. Сначала чутьХчуть,

а потом... как пойдет. Если ты в какой-то миг поступаешь иначе, не так, как было в прошлом нашей временной линии, ты просто «сворачиваешь» на другую ветку...

— Постой! — Нетерпеливо воскликнул Вовка. — Так я был в прошлом или не был?

— А сам-то как думаешь? — Печально улыбнулся Сашка.

— Не знаю! — Вовка нахмурился, потер лоб. — Помню все так, будто это реально было... Но ты говоришь, здесь ничего не изменилось?

— Ничего, — покачал головой Сашка.

— Тогда, значит, никакой разницы, был я там или нет? — Чувствуя, как слабеют ноги, спросил Вовка. — Никак не проверишь?

— Никакой, — покачал головой Сашка. — И никак. Хотя... ты-то ведь знаешь?

— Знаю... — эхом отозвался Вовка, чувствуя, что его обманули, провели как ребенка с пустым фантиком. Злость придала сил. Он раздраженно тряхнул головой. — И вам тут разрешают тратить деньги на такую лабуду?

Хотелось хоть как-то отплатить Сашке. И не дай тому Бог признаться сейчас, что все было подстроенным розыгрышем! Хотя... не бывает таких розыгрышей.

— Еще как разрешают! — Не обиделся Сашка. — Тем более про мои... теории пока еще никто не знает...

— Теории... — с горечью пробормотал Вовка. Катькин голос из кухни все еще звучал у него в ушах. — А можно вернуться еще раз? — Неожиданно для самого себя с затаенной надеждой спросил он.

— Да хоть сто! — Сашка несколько не удивился вопросу.

— А...

— Остаться там? — Понимающе улыбнулся Сашка. — А ты уверен... что ты там не остался? Я вот не уверен...

В последних словах Сашки Вовке послышалось что-то такое, что разом смело его раздражение и обиду на глупую и жестокую затею друга. Значит, Сашка и сам пытался... Значит, было что-то и в его прошлом.

— Ты говоришь, в настоящем ничего нельзя изменить... — Вовка вдруг почувствовал, что нащупал в словах друга слабое место. — Но ведь изменилось же! Изменилась моя память! Я же чувствую, что для меня сейчас то, что произошло под этим твоим чертовым колпаком, более реально, чем...

Вовка смолк, не зная, как правильно выразиться. Несбыточная надежда на то, что путешествие в прошлое было реальностью, против его воли все еще теплилась в душе. Сашка вновь улыбнулся виновато, понимающе и печально.

— Ну, раз так, значит, изменилось и твоё прошлое? Разве нет?

— Но в настоящем-то всё по-прежнему! — почти выкрикнул Вовка.

— Если наше прошлое это наша память, — медленно проговорил Сашка, шелкая клавишами. — То наше настоящее — это наше представление о нем. И тогда, изменив представления, изменишь настоящее.

— Но ведь Катю-то так не вернешь! — В отчаянии воскликнул Вовка, осекая и с подозрением уставился на Сашку: знает тот о его прошлом, или нет?

— Как знать...

Бесконечно долгую минуту они смотрели друг другу в глаза. Вовка перХвым отвел взгляд.

— Возможно, прошлое, настоящее и будущее только вот здесь... — Сашка задумчиво постучал себя согнутым пальцем в лоб, — ...и существуют. Прошлое в памяти, будущее — в воображении. Настоящее... А сама идея, чувство времени это всего лишь способ какХтоорганизовать, упорядочить поток наших мыслей...

— Сказанул! — Вовка, ощущая неловкость, усмехнулся через силу, — не хватало еще сейчас расклеиться! — хлопнул друга по плечу. — Ведь сущеХствуют же какиеХто материальные подтверждения прошлого, свидетельХства! Вещи, фотографии... Да и будущее рано или поздно наступит в реальХности!

— В какой реальности, Вова? — Неожиданно жестко спросил Сашка. Выключив свет в зале, он подошел к выходу, открыл дверь. — В той, котоХрую помнишь, или в той, которую видишь вокруг себя сейчас?

Вовка подошел, встал напротив друга.

— Ну, и как теперь быть?

— Не знаю. — С тихим отчаянием ответил Сашка. — Пока не знаю...

— Узнаешь — позови. — Помолчав, предложил Вовка.

Сашка молча кивнул...

Об авторе

Пишет в жанрах фантастики и фэнтези, автор романа «Дар», вышедшего в издаю тельстве АСТ в 2006 году.

Эдуард Просецкий

Испытание

В армейском «газике», между притиснувшими его с двух сторон мускулистыми конвоирами, под теплый гул мотора, Вяткин ощутил то безразличие усталости, что наваливается после долгого и непосильного труда: столько было за последние дни стрельбы, войсковых передвижений, бессонницы, — что даже такой исход казался чуть ли не избавлением. Россия совершила очередной кровавый исторический виток: демократы, пришедшие к власти в начале девяностых, потеряли поддержку народа из-за пренебреательства Президента и с боями уступили власть прокоммунистической хунте генерала Большакова, а их идейный вождь, поэт-трибун Геннадий Вяткин был пленен...

Машина ехала по узкой, плохо уложенной бетонке, а по сторонам прохстирался унылый осенний пейзаж Подмосковья с полуголыми деревьями и пустошами цвета медвежьей шерсти.

«Унылая пора, очей очарованье...» — вспомнилось Вяткину, и тут «газик» вымахнул на вершину холма, и вдаль обозначилось громадное строение в виде бетонной звезды. На всех пяти углах его высились аляповатые копии Спасской башни, соединенные грубым подобием кремлевской стены, а вершина представляла собой уступчатую пирамиду, напоминающую мавзолей Ленина.

На железных воротах был выведен несколько вылинявший лозунг «Слава коммунизму!», и какой-то человек в солдатской гимнастерке и галифе старательно подновлял его серебрянкой. При виде подъехавших он спустился со стремянки, вытащил из-за уха огрызок химического карандаша, помусолил его и расписался крестом на двух экземплярах сопроводительной бумаги, которую офицер конвоя в фуражке с васьковым околышем протянул ему на своей планшетке. Военизированный маляр, аккуратно сложив свой экземпляр вчетверо, сунул его в нагрудный карман гимнастерки, на которой краснела звездочка ордена, и распахнул перед Вяткиным неприметную калитку.

За спиной захлопнулась дверь, автомобиль, взревев мотором, умчался, а поэт очутился в широком бетонном проходе, над которым алел транспарант: «Даешь перековку!»

Потом он долго шел изломанным коридором, не слыша своих шагов в затоптанном войлочном покрытии пола. Слева тянулась серая стена, а справа окна с искусственными цветами в горшках. Сквозь их непромытые, как в пригородных электричках, стекла все же можно было разглядеть треугольный внутренний двор, лежащий между двумя лучами строе-

ния и зубчатой стеной. По нему маршировали бойцы в буденовках и длиннополых шинелях, тускло отсвечивая штыками винтовокХрехлинеек. В центре возвышался дощатый помост с виселицей. На нем немолодые мужчины в сиреневых майках и длинных сатиновых трусах строили гимХнастическую пирамиду в виде звезды из своих жилистых, посиневших от холода тел.

«Готовятся к седьмому ноябрю», — почемуХтоподумалось Вяткину.

Коридор закончился железной, выкрашенной «под дуб» сейфовой двеХрю, на который висел портрет Ленина, делающего ручкой с лукавым приХщуром улыбки: «Верной дорогой идете, товарищи!»

Поэт дернул за ручку, и на него пахнуло крутым махорочным дымом: трое военизированных людей стучали в домино за дощатым столом посреХди голой комнаты; двое других, сидя на подоконнике, играли в шашки. У каждого из них на гимнастерке краснел орден, тесемки галифе были аккуХратно завязаны на щиколотках, а ноги обуты в синие войлочные тапочки.

От всего этого повеяло чемХтодомашним и неопасным.

— Евсеич, к тебе! — крикнул один из доминошников.

С подоконника легко соскочил сухой, как стручок осеннего гороха, стаХрик с пористым утиным носом и незабудковыми глазами врубелевского Пана.

— Милости просим, — сказал он, оправляя гимнастерку под солдатским ремнем. И снял с гвоздя связку ключей на вытертом до блеска проволочном кольце.

Снова Вяткин шел беззвучным, мертвым коридором. Но теперь с левой стороны тянулись пронумерованные металлические двери с окошками для подачи пищи и круглыми накладками глазков. Коридор перегораживали решетки, замки которых Евсеич проворно открывал, всякий раз с ловкоХстью фокусника улавливая нужный ключ.

— Вас велено в пятый сектор, — пояснил он.

Наконец они очутились в обитой войлоком камере, вдоль стен которой лепились столик с привинченной к полу табуреткой и деревянные нары, покрытые суконным солдатским одеялом с отштампованной звездой и надХписью «НОГИ». Под потолком зияла поперечная прорезь оконца с козырькомХнамордником», наглухо закрывающим дневной свет, а справа от двери журчал порыжевший, пропахший мочой унитаз; сверху из подвеХденной к сливному бачку трубы падала искристая капель, расплываясь темным пятном на войлочном полу.

— Обратно надо сантехника вызывать, — посетовал Евсеич. — Что за народ...

— Как политический заключенный требую... — начал было Вяткин, пытаясь сбросить странное, полусонное равнодушие к собственной судьбе.

— Какой же ты заключенный, милок? — удивился старик. — Хотишь — прохаживайся на здоровье тудыХсюды, хотишь — полеживай на боку... Я даже завидываю тебе! Ни забот, ни хлопот! Приспичило по маленькому или же по большому — удобства рядом... А то в шашки стану с тобой играть... У нас, ежели кто с умом и принимает перековку — до больших должностей может дослужиться! — многозначительно указал он в потолок.

Оставшись в одиночестве, Вяткин лег поверх одеяла и уснул, мгновенно погрузившись в призрачный, мышиный сумрак узилища.

* * *

Вскинувшись от резкого металлического лязга двери и разом теряя остатки сна он увидел в камере худого, сутулого человека с темным безразличным лицом и насупленными бровями. Положив на стол обшарпанный фибровый чемоданчик, гость уселся на табуретку, соорудил самокрутку и, лениво дымя, сосредоточился на проржавевшем сливном бачке.

— Текёт и будет течь, — заключил он.

Потом извлек инструмент, встал на унитаз и принялся за работу.

Вяткин заметил белесые полукружья пота у сантехника под мышками и сделал вывод, что у него здесь много работы, наверное, не одна сотня таких вот камер...

— Чуть что — Евграф... — гудел между тем тот, щурясь от дыма. — Евграф — туды, Евграф сюды... Выходит, вы хоть и начальство, а без Евграфа ни шагу... А чего тут ремонтировать, когда трубы не менялись, почитай, с нэпа... Когда в эти унитазы еще недобитая буржуйская конструкция ходила, всякие профессора да уклонисты... — Орден у гостя был расхвачен привинчен на клапане гимнастерочного кармана, и, орудуя разводным ключом, Евграф спрятал его внутрь, чтоб не мешал. — Ну, отверну я тебе муфту, — ворчал он, как бы включая Вяткина в свой монохолог. — А что толку, резьба все одно не держит... Пакли наматываешь, а через день опять потечет... Тут один выход — стояк перекрывать. А переключую — в своем дерьме утонете... Закрывайте, говорю, лавочку на капитальный ремонт, а они: нету лимитов... На кумач для лозунгов у них лимиты есть, на винтовки да вешательную веревку — сколько угодно... А на трубы нет! Чуть что — аврал, Евграф, выручай...

Следуя неистребимой повадке советского мастерового, обслуживающего интеллигента, сантехник сколько мог загадил пространство вокруг своей работы смачными плевками и обрывками пакли, помочился, не смывая после этого унитаз, и бросил туда окурочек. Потом выскреб орден а волю и начал хмуро собирать чемоданчик.

— Тут, наверное, клопы, — неуверенно предположил Вяткин.

— Не, клопов нету, — неожиданно подобрел Евграф. — У нас насчет этого строго. Блохи есть. Потому что войлок. Но блоха что, прыг, и нету ее...

Вскоре явился Евсеич с веником и совком.

— А насвинячил кто, варвар, — проворчал он, подметая за водопроводчиком. — За что таким орден дают...

Мусор он вынес в коридор, а возвратившись, почти весело пригласил:

— Милости просим на обезличку.

В пахнущем хлоркой тесном предбаннике, куда привел поэта его тюремный Вергилий, двое орденоносных мужчин перекуривали у покрытого клеенкой стола, где были разложены складные бритвы прошлого века, широкий ремень для их заточки и несколько кусков хозяйственного мыла.

На полу стояло ведро с каким-то едким пенистым составом, из которого торчала длинная ручка малярной кисти.

— Разоблакайтесь, — предложил Вяткину Евсеич. — Одежу на пол, боль-ше не понадобится.

Вяткин принялся раздеваться, стыдясь своего поношенного, рыхлого тела.

Мужчины загасили окурки, один из них вынул из ведра кисть и, буркнув «подыми руки!» сноровисто перекрестил ею узника, ткнув сперва подмышку, а потом в низ живота. Второй деловито приступил к бритью этих мест.

В хорошо освещенную, пахнущую дешевым одеколоном комнату он вошел, прикрывая ладонями свое оголенное, подростково-беззащитное естество.

— Прошу вас, любезнейший! — бойко пригласил его полный лысый старик в заношенном белом халате, улыбаясь дряблыми щеками в бородавках. — Меня зовут Фукс Исаак Соломонович. — И он профессиональным жестом обмахнул дерматиновое кресло с подлокотниками. — Всегда рад свежему человеку!

Он разговаривал с Вяткиным, словно тот был одетым, не придавая значения его сконфуженности, и несмотря на непривлекательную внешность, содержал в себе нечто располагающее.

— Ах, какой волос, какой волос! — восхищался он, любовно расчесывая бороду поэта. — Для настоящего мастера нет большего удовольствия, чем работать со спелым волосом! Вам подойдет фасон «буланже»! — он безбожно картавил, ни на минуту не прерывая своего монолога. — Какие бороды, какие головы, знали бы вы, прошли через мои руки! Эсеры, меньшевики, троцкистско-зиновьевский террористический центр, право-троцкистский блок... Где эти бороды, где эти головы... И знаете, в чем была их главная беда? Они не уловили суть марксистского учения: жить, чтобы выжить... Вы умный человек, уверен, здесь вас ждет большое будущее...

В работе он напоминал вдохновенного творца перед холстом, а закончив ее, торжественно произнес:

— Готово, молодой человек! Вот вам настоящая буланже!

— Вы просто художник... — подивился Вяткин, изучая свое отражение в зеркале.

— Эх-э-э... — покачал головой Фукс, печально любясь своим произведением. — Человек предполагает, а руководство располагает... Придется сбрить. Не положено.

И взяв со стола механическую машинку, со вздохом принялся оголять щеки и голову узника.

В банном отделении, где поэт мылся в полном одиночестве, все было, как в его детские послевоенные годы: шайки из оцинкованного железа, прессованная мраморная крошка скамеек, мыльная скользота каменного пола и большие медные краны холодной и горячей воды с деревянными ручками.

Распаренный и отяжелевший, он вернулся в предбанник, где получил черную робу с номером на спине и тяжелые ботинки без шнурков.

Евсейч проводил Вяткина в камеру и, прежде чем пожелать спокойного отдыха, с удовлетворением отметил:

— Ну, вот, теперь на человека стал похож! А будешь добросовестно исполнять наш Устав, проникнешь в коммунистическую идею — глядишь, до орденоснца дослужишься... Но сперва положено тебе пройти *испытание*.

* * *

Испуганно вскинувшись со сна, Вяткин обнаружил в камере вооруженных людей в кожаных тужурках и шинелях, наполнивших его тесное прибежище запахами табака, ружейного масла и сапожной ваксы.

— Комиссар Углов, — представился, скрипнув кожанкой, худой бледный мужчина в пенсне и с бородкой, придающей ему сходство с Дзержинским. — Объект шестьсот семьдесят три, следуйте за нами.

Окончательно проснулся он, когда по выщербленным кирпичным стенам стали спускаться вниз. Замершие у поржавевшей двери часовые отковыряли Углову и со скрипом распахнули ее.

То, что увидел Вяткин в пахнущей подвалом низкой комнате с грубо оштукатуренными стенами, живо напомнило ему известный семейный портрет царской семьи, расстрелянной большевиками в Екатеринбурге. На стульях сидели, едва различимые в свете тусклой электрической лампы бывший первый Президент страны и его жена, которая зябко куталась в шаль. Она прижимала к себе трехгодовалого правнука с игрушечным танком в руках. Сзади, опираясь на плечи родителей, стояли бледная, увядшая президентская дочь с мужем, обросшим инеем щетины. Между ними поместилась балетно-храпозная президентская внучка, даже здесь не утратившая обаяния молодости. Она смотрела на вооруженных мужчин с презрительной гримаской и поглаживала черную собачку с беспокойными ушами. В третьем ряду теснились остатки президентской свиты: двое плечистых телохранителей с кровоподтеками на лицах, пожилая горничная в белом переднике, обремененный круглым животом врач с фонендоскопом на шее; наконец, старый повар в несвежем, сбившимся наборе колпаке.

С появлением чекистов в застывшей группе этой произошло невольное движение; при этом собачка злобно затыкала, а Президент нервно провел ладонью по смятому бобрику седых волос.

В свое время поэт горячо поверил этому человеку, вышедшему из партийной номенклатуры, но нашедшему в себе силы отменить статью Конституции о правящей роли КПСС, деполитизировать армию и раздать землю крестьянам. Но жажда власти оказалась необоримой: назначив зятя председателем Комитета по печати, радио и телевидению, распустив парламент и объявив себя единоличным правителем страны с правом передачи верховной власти по наследству, Президент предал своих прежних сторонников демократов...

В стихах той поры Вяткин называл его «душителем надежд» и «кровавым диктатором»; сейчас же увидел перед собой растерянного старика и устылся своей прежней ненависти.

— Товарищи... позвольте... Что все это значит? — слабо встрепенулся Президент, когда вооруженные чекисты выстроились у противоположной стены.

— Революционный Комитет поручил мне ознакомить вас с постановлением Штаба национального спасения, — отозвался Углов и, поправив пенсне, зачитал: «Ввиду обострения обстановки на фронтах и угрозе реставрации кровавой диктатуры, Штаб национального спасения постановляет: бывшего Президента страны признать виновным в кровавых насилиях над собственным народом и приговорить к высшей мере наказания — расстрелу».

— Это незаконно! — выкрикнул Президент в крайнем возбуждении. — Я категорически протестую! Требую открытого судебного процесса!

Кто-то вложил в руку Вяткина холодную, ухватистую тяжесть револьвера, шепнув:

— Ваша цель — дамочка с песиком. Постарайтесь прямо в сердечко, чтоб не мучилась.

— Позвольте! — выкрикнул, колыхнув животом, врач. — Медицина все-таки была вне политики! Прошу меня немедленно освободить!

— А меня за что? — завопила вдруг горничная. — Да я их всех терпеть не могу! Сидят себе на пляже, а ты снуешь челноком. То кофе им подай, чтоб не остыло, то мороженое, чтоб не растаяло! От коттеджа до моря триста метров, а у меня тромбофлебит!

— Я автор всемирно известного салата «Великий Октябрь»! — подхватил повар, негодуя дряблыми щеками. — У меня было будущее! А чего хорошего получилось? Ни семьи, ни личной жизни... Все отдано Кремлю...

— Вилку за обедом уронят — так ни в жисть не поднимут! — добавила горничная. — С какой стати мне за них умирать?!

К ней присоединились телохранители, и обслуга подняла невообразимый гвалт, смысл которого сводился к единодушному желанию покинуть хозяина.

— Служить у них было хуже царизма! — заключил повар.

И до Вяткина вдруг дошло, что событие почти столетней давности, когда в подвале купеческого дома свита последнего российского царя предпочла разделить с ним смерть, и нынешнее оголтелое предательство Президента обслугой — свидетельство необратимой духовной деградации народа, измороженного революциями и реформами...

— Обслуживающий персонал может покинуть помещение! — приказал Углов, складывая «расстрельную» бумагу и пряча в карман тужурки.

Президентская челядь, толкаясь, устремилась на выход.

— Приготовиться! — скомандовал комиссар, извлекая из кобуры наган.

— Нет! — выкрикнул Вяткин, преодолев, наконец, свою почти гипнотическую скованность и отшвырнул револьвер в угол комнаты. — Я не стреляю в женщин, детей и стариков!

И сделав несколько бесчувственных шагов, встал с семьей Президента. Грянувший затем залп отбросил его к стене и, сползая по ней на пол, поэт видел перед глазами искристые, быстро гаснущие звездочки. «Это похоже на салют» — была его последняя мысль.

Об авторе

Прозаик. Окончил в 1960 году МГУ им. Ломоносова, а в 1981 году — Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Профессиональный писатель, член Союза писателей СССР с 1977 года, ныне состоит в Союзе писателей Москвы и Союзе писателей XXI века. Член Русского ПЕНюцентра.

Автор книг «Потерять и найти» (1984), «Дальше пойдешь один» (1987), «Заглянуть в колодец» (1988), «След на песке» (1988), «Соцбыт» (1991), «Каземат» (1995), «Миф» (1996), «Дневные любовники» (2000), «Падение Икара» (2005), «Казанова Лосинога острова» (2010) и др.

Дмитрий Тюлин

Цена коммунизма

Мистер Квакистон остановил беговую дорожку, достал из кармана штаХ нов мокрый от пота платок и в очередной раз протер себе лоб. Мистер Дарисс повторил его движения.

— Никак не могу взять в толк: какого черта вы изводите себя на этом тренажере? — пропыхтел, тряся тройным подбородком, мистер Квакистон.

Мистер Дарисс пожал плечами.

— Папа приучил к физкультуре...

— Кого — папа, а кого — ожирение! Знаешь, этот тренажер меня сильно взбесил, и вот что я подумал: с коммунизмом нужно разобраться! Не будь я СиршоуХКвакистонХЭнгард!

— Может, разумнее будет оставить их в покое? — осторожно высказал мнение мистер Дарисс.

— К черту! Тем более, мой прадед — коренной староземлянин. Я просто обязан вернуть планету предков!

— Все мы в какомХто колене — староземляне, — напомнил мистер Дарисс. — А товарищ Иванов с друзьями не продадутся за деньги.

— Я и не собираюсь покупать ни Иванова, ни его товарищей. Мне нужна ЗемляХгарушка и коммунизм!

— Боишься, все рабочие риолХодилых рудников убегут от тягостного труда в райский уголок?

Мистер Квакистон грозно сдвинул брови.

— Не шути так, — скрипуче произнес он. — РиолХодил... Старая Земля зависима от риолХодила, не так ли?

— Зависима.

— Ни одно оружие не в силах справиться с риолХодилом. Правда?

— Угу.

— Им придется согласиться на мои условия! — подвел черту мистер Квакистон и расхохотался. Его смех напоминал карканье вороны. Мистер Дарисс невольно передернул плечи.

— Ну что, еще заход? — спросил мистер Квакистон, включая беговую дорожку.

* * *

Их было восьмеро, они шурили глаза, ослепшие от яркого солнца, на выходе из межпланетного портала.

Алан Кайланд — главный уполномоченный СиршоуЖвакистонаХ Энегарда, глава делегации.

Поль Адамсон — заместитель главного уполномоченного, доктор юридических наук, специализация: дипломатика.

Карен Рамвер — профессор химии, специализация: риолХодилология.

Мэрлин Крайтон — профессор физики, специализация: риолХодилология.

Жан Понье — доктор экономических наук.

СимонХеХопес — специалист по информатике и высоким технологиям.

Супруги Густав и Джина Шлейхеры — социологи.

Всех их объединяла единая миссия, и они испытывали сильное волнение по этому поводу.

— А, мистер Кайланд! — услышал глава делегации голос над ухом. — Здравствуйте, здравствуйте!

Алану улыбалась скуластая физиономия с сетью морщин вокруг глаз. Ее обладателем был худосочный низкорослый блондин в светлом костюме, с прической, характерной для граждан государства Советский Союз, Старая Земля (середина XX века от Рождества Христова).

— Товарищ Иванов? — отозвался Алан, по привычке массируя висок, в том месте, где под кожу встроили мопервод (мобильный переводчик)

— Нет, я — Бражко. Иванов сегодня в делах по горло. Не беспокойтесь. Я — тоже член.

— Вы обдумали предложение мистера Квакистона?

— Обдумали. Никак, вы нам угрожаете?

— Мы...

Бражко не дал договорить главе делегации:

— Статья «триста восемьдесят шесть, пункт дваХбэ Межгалактического Права!

Главный уполномоченный сурово глянул на своего зама. На обоих сидели подчеркнуто строгие черные костюмы.

— Я предупреждал мистера Квакистона! — поспешил заявить Поль, стряхивая пылинки с плеча. — Слава Богу, мы этот вариант предусмотрели! Тут, на диске... — Адамсон отодвинул полу пиджака.

— Дела — потом! — воскликнул Бражко. — Сначала — экскурсия по Старой Земле. Мы, коммунисты, всегда славились гостеприимством!

Поль вздрогнул и поправил пиджак. Только тут Алан Кайланд обратил внимание на надпись белыми буквами по красному кумачу: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КОММУНИЗМ!»

* * *

Внутрипланетный телепортатор располагался напротив космодрома — достаточно было пересечь площадь.

— Куда отправимся? — осведомился Бражко у входа в большое здание из бронированного стекла. — Прекрасные вершины Альп? Изумительные пляжи Гавайев? Восхитительные леса Карпат?

— Природа нас не волнует, — сухо буркнул Алан.

— Исторические достопримечательности, культурные ценности? Статуя Свободы в НьюХйорке? Храм Афины в Греции? Дворец Лувр в Париже?

— Вы знаете, что нас интересует.

Бражко повел бровью.

— Нет.

— Социум и экономика.

— АХаХа...— разочарованно протянул Бражко. — Мечтаете разгадать секрет, почему иллюзорный коммунизм так похож на настоящий?

— Знаете, а вы мне нравитесь больше, чем товарищ Иванов. Быть может нам...

— Стоит поговорить наедине, и к черту этого зануду Иванова?

— Товарищ Бражко! У меня есть идеяка...

— Нет никакого секрета! — оборвал главу делегации Бражко. — Коммунизм у людей в сердце! Неужели вы не в курсе? Люди испокон веков живут утоХпиями, грезят о свободе, братстве и изобилии! Просто до последнего времеХни не было никого, кто согласился бы предоставить им такую возможность. Никакого секрета нет.

— Я не верю. Должны существовать рычаги управления даже в таком «королевстве», как ваше.

— Только, пожалуйста, без королей. Вы можете не верить, но люди живут при коммунизме только потому, что сами того хотят. И желание это в глуХбине души любого человека настолько сильно, что во имя его он доброХвольно согласится отказаться от всякого греха. Так что коммунизм у нас самый настоящий. Настоящее и не придумаешь.

Алан Кайланд недовольно поморщил нос. Взгляд зацепила Джина Шлейхер. Копна рыжих кудрей, мелкие черты лица, острый нос. «Нет, неприлично в деловом обществе находиться с такой задницей», — подумал глава делегации. ЧтоХтовстревожило его. Алан попытался разобраться, что, но мысль ускользала, а события торопили.

— Так куда поедем, привередливые мои? — настаивал Бражко, положив ладонь на железную ручку стеклянной двери.

Джина поймала на себе взгляд Алана и улыбнулась.

— Почему бы не устроить прогулку по большому городу? — предложила она. — А мы с Густавом понаблюдаем за местным социумом.

За дверью открывался вид на панно распределения. Бражко направился туда.

— Я согласен, — сказал Алан.

— Так куда? — спросил Бражко.

— В столицу! — живо откликнулась Джина. — Где ярче всего проявлена городская жизнь!

Бражко заказал большой телепорт в Москву и нажал на кнопку вызова. Круглый люк распахнул перед делегатами свой зев. Бражко вошел последХним.

Сухость байконурского воздуха сменилась свежестью средней полосы. Уполномоченные мистера Квакистона со свитой стояли у выхода из здания телепортатора и ни шагу не решались сделать далее.

- Вы нарушили один из пунктов договора, — заметил Алан Кайланд.
 - Это какой? — удивился Бражко.
 - Вы заверили нас, что телохранители не понадобятся, — Алан сдул с плеча пылинки.
 - Но так и есть! Мы ничего не нарушали!
 - Я не вижу ваших ребят. Я все ждал, они вотХют появятся, но все никак.
 - Каких ребят? — притворно поднял бровь Бражко.
 - В бронжилетах с бластерами.
 - Ах, вы об этом! Здесь действительно нет нужды в телохранителях. За всю историю коммунистической Старой Земли не произошло ни одного преступления!
 - Мистер Бражко!..
 - Товарищ.
 - Товарищ Бражко! Нельзя спекулировать личной безопасностью своХ бодного гражданина Демократического Союза Галактик!
 - Спекуляция у нас тоже не наблюдается. Мы не совсем сошли с ума, чтобы нарушать закон ДЭХЭХКа, в то время как не имеем собственного источника риолХодила!
 - Ну..
 - Я отвечаю за вашу безопасность. Ничего не бойтесь.
- Кайланд рассеянно оглянулся на своих спутников. Вопросы раздирали его существо на части, но ответа на них главный уполномоченный не увиХ дел. Пришлось неуверенно кивнуть.
- Вперед! — скомандовал Бражко.

* * *

Московские улицы встретили делегатов оживлением. ИзХзапервого же поворота им навстречу выползла тварь, облаченная в скафандр бледноХ голубого цвета, формой напоминающая русский пельмень.

— Они же из Акаремона, обитатели сернокислотных морей! — воскликХ нул Жан Понье. — Какое им удовольствие от коммунизма Старой Земли?!

— Туристы, — развел руками Бражко. — Мы любим гостей, а морские пельмени среди них — наиболее благодарные!

— Господи Иисусе! — закричал Поль Адамсон. — Этот турист — гуманоид! Я думал, существ, напоминающих людей, на доступных ДЭХЭХКа пределах космоса не существует! Теория эволюции гласит, вероятность такой степеХ ни конвергенции близка к нулю!

Заместитель главного уполномоченного имел в виду человекообразное создание зеленого цвета, безволосое, с розовым узором на лице.

Бражко махнул рукой.

— Неформалы! На самом деле это человек. Но мышление его отличается от стандартного, что очень приветствуется нашим обществом. Древние коммунисты, наши позорные предшественники, подвергали неформалов репрессиям. И потом, когда в той части Старой Земли власть захватила

буржуазия, их били, почем зря, все, кому не лень. Но мы не повторяем ошибок предков!

Бражко повернул на просторную многолюдную улицу. Посланники мистера Квакистона семенили за ним.

— Арбат, — пояснил Бражко. — Всегда считался главной улицей Москвы.

— Что это?! — издал изумленный возглас СимонХдХлпес, склонный к полноте жгучий брюнет с роскошными бакенбардами. Его указательный палец устремился к небу. — Что это за огромные птицы, и почему у них такие длинные ноги?

Под навесом неправдоподобно чистого неба кружили темные силуэты загадочных крылатых существ.

— Это не птицы, — ответил Бражко. — Сбылась мечта человека летать в отсутствие бремени металлических конструкций! Эти крылья содержат в себе только естественные материалы. Каркас сделан из веточек деревьев, остальное — из опавшей листвы. Целесообразней было бы применить птиХ чьи перья, но среди флаеристов (так мы называем спортсменов этого направления) много любителей животных.

— Но за счет чего они удерживаются в воздухе? — задал вопрос Мэрлин Крайтон. — Я вижу, это не планирование, а настоящий свободный полет! Какой тип двигателя используется?

— Не верите! Никакого! Только плоды трудов наших лучших математических умов, рассчитавших законы распределения малых турбуХ лентных потоков! Я же говорю: извечная жажда удовлетворена полноХ стью!

Главный уполномоченный подозвал пальцем своего заместителя.

— Попробуешь? — шепнул Кайланд на ухо Адамсону.

Поль скосил глаза в одну сторону, потом в другую и медленно кивнул.

Делегация продолжила путь. Бражко знакомил гостей со всем тем, чего на самом деле желает каждый. Гости недоверчивоХвосторженно охали и качали головами. Молчаливо улыбались супруги Шлейхеры. Алана бесиХ ло внешнее сходство Густава с Бражко. «Хорошо, — думал он, — есть отлиХ чия». Густав был помоложе, волосы чуть посветлее, да и нос — длинный, чуть вздернутый кверху.

— Я проголодался, — неожиданно объявил Жан Понье и остановил шаг. — Может, пора, наконец, в гостиницу?

Питание в жизни Жана занимало главное место. Вдохновение в области кревоугодничества обременило доктора экономики тройным подбородком. Прослойка жира образовалась и на затылке, отчего волосы отказались расти даже там. Круглый, как колобок, изХзатонких губ и выпученных безХ бровых глаз он напоминал жабу.

— Поесть можно на любом углу, — сказал Бражко. — Видите те фиолетоХ вые ящики? Более трех тысяч блюд староземлянской кухни! И еще семьсот двадцать шесть — для нечеловеческой формы разума.

Понье нежно погладил собственное горло, чуть отвисшее, как резонатор самца земноводного.

— Это интересно... — произнес он.

— Вперед! — бойким голосом призвал Бражко.

— Это мне нравится! — заявил с набитым ртом Жан Понье несколько минут спустя.

Лоток привел в восторг всех. Самые разные деликатесы и изыски он материализовал в течение десяти секунд. Бражко утверждал, что из воздуха, путем термоядерной реакции, по программе встроенного компьютера. Единственным недовольным оказался Жан Понье. Его очень злило объективное положение вещей, по которому он не мог продегустировать весь ассортимент, а уж тем более — для нечеловеческой формы разума.

— Доктор Понье, — осторожно начал Бражко.

Жан лениво поднял на экскурсовода свои большие очи.

— Вы ведь занимаетесь экономикой? — спросил Бражко.

— УХу — не желая открывать рот, в страшной спешке двигая челюстями, согласился Жан.

— Скажите, а вас не удивило, что еда в автомате — совершенно бесплатная?

Доктор экономических наук судорожно тыкал кнопки меню.

— Я заплачу.

— Ну что вы! Еда действительно бесплатная! У нас все бесплатно!

— Понятно. Коммунизм.

— И вас не интересует, какие экономические механизмы регулируют наше общество?

— Меня интересует, из чего сделано блюдо номер шестьсот сорок шесть! Бражко развернулся к Алану.

— Вы думали, я не замечу, как ваш заместитель отправился шпионить?

Лицо Алана полыхнуло красным.

— Полю понадобилось в туалет.

— Почему он не посоветовался со мной?

— Неудобно было...

— Я очень зол!

— Извините, пожалуйста...

— Я пошутил! Можете шпионить сколько угодно! Нет, я серьезно!

Бражко замахал руками, обращая к себе внимание остальных делегатов.

— Эй, ребята! Я предлагаю разбежаться в разные стороны! Каждый наверняка найдет, чем заняться в отсутствие других! А через полчаса встретимся здесь, у киоска.

Делегаты ответили возгласами одобрения.

— Я остаюсь здесь, — заявил Жан Понье.

Главный уполномоченный нахмурился еще больше.

— Я тоже, — сказал он.

* * *

Первым вернулся Бражко и сразу же закатил лацкан пиджака с целью посмотреть на часы.

— Держу пари, они опоздают! — весело сообщил он Алану.

Понье все еще жевал. Правда, теперь его челюсти работали в медленном темпе. Жан позволял себе большие передышки.

Кайланд тоже глянул на часы, дабы проверить пунктуальность Бражко. Придаться было не к чему. Бражко явился на пять минут раньше срока.

— На нашей планете люди забывают о времени, — сказал Бражко.

Пятнадцать минут спустя пришел Поль Адамсон. Подобно боссу, он был невесел. Поль обвел головой вокруг и вопросительно приподнял брови.

— Товарищ Бражко разрешил нам самостоятельные прогулки по гороХду, — пояснил Алан.

Прибежал, весь запыхавшийся, Карен Рамвер. Лицо его источало довольство. Последнее обстоятельство заставило Алана совсем скиснуть.

Постепенно, в течение следующих десяти минут, собрались остальные члены делегации. Последними до кулинарного автомата добрались супруги Шлейхеры. Они громко смеялись, толкали друг друга и наклонялись, чтобы защититься от щекотки. Алан наконец понял, что ему так не понравилось в облике Джины тогда, у входа в телепортатор. Ее горящие глаза!

— Какой же всеХтакимильный народ! — радостно поделилась Джина.

— Чудо! — подтвердил Густав.

— Я думаю, нам пора в гостиницу, — сказал Алан. — Об отдыхе тоже забывать нельзя.

— А где у нас будет гостиница? — полюбопытствовала Джина с девчоноХчьим задором в голосе.

— Где прикажете, — услужливо улыбнулся Бражко.

«Дьявол!» — подумал Алан.

— Хочу курорт! Только вдали от большого скопления люда. Но маленьХкая деревенька пусть будет. И побольше романтики! — перечислила требоХвания Джина.

— Да будет так! — провозгласил Бражко, словно щедрый волшебник в синем колпаке со звездочками и полумесяцами.

* * *

Делегатам была предложена гостиница в районе Старой Земли, назыХваемом Европой. Бражко рассказал, что на этой территории когдаХторасХполагалось государство Германия. Густав сказал, что в Германии жил его праХпраХпрадед, Вильгельм Шлейхер. Он был немцем. Густав похвалился, что Шлейхеры свято хранят свою родословную.

Гостиница разместилась на склоне пологого холма. Стены ее были выкрашены в голубой цвет, а крышу покрывала золотистая черепица. Все окна выходили на одну сторону, с видом на реку. Каждый номер оснащался балконом, украшенным ручной лепкой. В целом здание производило блаХготворное впечатление, от него веяло уютом.

— Добро пожаловать! — в который раз за день произнес Бражко, щелкнул пальцами, и белоснежные ажурные ворота отворились.

— Нет, не магия, — перехватил недоуменные взгляды Бражко. — Гостиницы старой Земли знают эти слова и мой голос. За мной!

Просторные коридоры, дорожка из белых пушистых ковров, солнечный свет из огромных окон. Казалось, здесь поселились ангелы.

— Это было в далеком детстве... — заморожено прошептала Джина. — С тех пор я никогда не была так счастлива!

— Благословенен этот дом... — дрожащим голосом пробормотал Поль Адамсон.

— Ты с ума сошел! — прошипел Алан Кайланд.

— Этот дом воздвигло вдохновение, творческие силы, исходящие из самого ядра человеческого существа и имеющие божественную природу, — откликнулся Бражко.

Цветы на подоконниках, картины, изображающие утренние пейзажи на стенах.

— А что вас ждет в номерах! — усмехнулся Бражко.

* * *

Мистер Квакистон оберся вафельным полотенцем, включил маленький голографический телевизор и закурил трубку. Шла прямая трансляция с горячей точки на Астроциде. Комментатор с упоением описывал три отсеченных головы астроцидянина. Зазвонил телефон.

— Да!

— Это Кайланд.

— Привет!

— Коммунисты неприступны, мистер Квакистон!

— Что, они раздобыли собственный источник риолХодила?

— Господи упаси! Но мы так и не выяснили, где собака зарыта! Похоже, у них тут — настоящий коммунизм!

— Какая чушь! Несчастные староземляне ждут — не дождутся белокурой бестии, которая освободит их от тоталитарного режима!

— Да нет же, мистер Квакистон! От меня только ушел Адамсон. Я его допрашивал. Он беседовал с местными. Похоже, все в восторге от режима! Да и наших делегатов коммунизм... Очаровывает...

— Чего?! Прекрати пороть ерунду! Адамсона пора уволить!

— Адамсон — отличный сотрудник! У него за плечами — школа контрразведки!

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что Иванов — честный человек? ХаХаХа ха! Знаешь, с чего он начал? Нет? Я расскажу! Собирал деньги у людей с комплексом непризнанного гения, чтобы издавать их книги! А потом проХ давал книги и стриг еще больше капусты! Потому что быдлу все равно, какое дерьмо читать! Иванова остановили по антимонопольному закону. Но состояние он сколотить успел... И ты доказываешь мне, что Иванов — не аферист?!

— Найти, за что прижать, и сообщить мне, — немного успокоившись, добавил мистер Квакистон. — НЛП, психотронное оружие — в конце концов, мне все равно, чем они дураят людей. Цены на риолХодил падают! А знаешь, почему? ТоХто!

Мистер Квакистон раздраженно бросил трубку и обтер лоб носовым платком.

* * *

Больше всех красоты территории бывшей Европы вдохновили Мэрлина Крайтона. Несмотря на профессорскую степень, Крайтон выглядел весьма молодо. Сыграли роль также новейшие достижения медицины и генетики. Каштановые выющиеся волосы, волевой подбородок, обаятельная улыбка, пронзительные черные глаза. Мэрлин решил использовать возможности командировки поХполной, и каждое утро проводил у реки. Купался в проХзрачной прохладной воде, загорал на песчаном пляжике и слушал шуршаХние ветра в камышах. Здесь он вспомнил о забытом увлечении детства. Мэрлин мечтал стать художником, но отец настоял, чтобы сын пошел в науку.

Бражко живо откликнулся на пожелания Крайтона, и вместе они посетиХли парижский магазин изобразительных искусств. Там Мэрлин оснастился необходимым арсеналом средств для занятий творчеством, и с тех пор целых ми днями пропадал наедине с водой и травами за кистями и мольбертом.

В один из таких вечеров, когда клонящееся к закату солнце контрастно вырисовывало рябь на реке золотом и багрянцем, Крайтона окликнул мелодичный женский голос. Профессор обернулся и увидел стройную девушку лет восемнадцати в серебристых одеждах. Ее огненноХкрасные, под стать облакам, волосы антеннами торчали во все стороны, зеленые глаза сияли.

— Никогда не подумала бы, что капиталисты умеют рисовать! — сказала девушка, и звон ее голоса пробудил в груди Крайтона будоражащее, щемяХщее, kloчущее чувство, словно распускался, рвался из лона материХземли прекрасный цветок.

— Почему? — запинаясь, спросил Крайтон, растерянно вглядываясь в пейзаж на холсте, выискивая недостатки цветопередачи.

— Я думала, у вас на уме одни деньги.

— Но это превратное представление о мире бизнеса! Мы — такие же люди, как и вы! Разве ты забыла?

— Я никогда и не помнила. Я родилась здесь.

— Но ты счастлива?

— О, да! — восторженно зашебетала девушка. — Каждый день я летаю в Хельсинки на тренировки по конькобежному спорту. Там — мое сердце! Кроме того я посещаю курсы по вендианскому языку, кружок лепки, а еще...

— Но чтобы жить, люди должны работать!

— Конечно! Я делаю посуду из глины, буду переводить с вендианского... Кстати, меня зовут Милена! И я когдаХнибудь заработаю денег на спортивХных состязаниях, чтобы Старая Земля могла покупать риолХодил у буржуХев... — на слове риолХодил Милена внезапно погрузнела. — А вы чем заниХмаетесь?

— Я — ученый.

— Правда? Как интересно! А что изучаете?

— РиолХодил, — вздохнул Крайтон.

— РиолХодил? — Милена отпрянула. — Это правда, что капиталисты собираются устроить нам риолХодилловый бойкот?

Крайтон молчал.

— Это жестоко! Капиталисты прекрасно понимают, что в отсутствии защитного риолХодилового поля планета моментально станет объектом атаки со стороны агрессивных нечеловеческих сил галактики! Милена выговорила фразу старательно, словно заученную наизусть. — Так говоХ рит папа! Он очень умный, он — старейшина в нашей деревне! Он очень мудрый, у него — большая белая борода! Но он не седой! Он так красится!

Крайтон засунул руки в карманы и потупил голову. Милена вцепилась ему в плечи.

— Из нас сделают рабов! Повлияйте на них, умоляю вас!

— Это не в моей компетенции.

Милена отпустила физика, вся обмякла, но тут же снова вспыхнула.

— Давайте искупаемся!

Ладонь Милены коснулась груди, и лоскуты из синтетического сереХ брестого материала на глазах оторопевшего профессора опали, словно пушинки с одуванчика, а под ними — изумительной красоты и грации обнаженное девичье тело. Маленькие розовые соски и упругие ягодичы. Милена помчалась навстречу журчащему потоку, высоко задирая ноги, разбивая водное зеркало на миллионы пылающих закатом брызг.

— А приходи завтра вечером к нам на праздник! — сказала на прощание Милена.

— Я не знаю, как, где...

— А я объясню!

* * *

Деревня располагалась за холмами. Желающих составить компанию Крайтону обнаружилось лишь двое. Коллега Карен Рамвер и Жан Понье, надеявшийся отведать местных деликатесов. Шлейхеры отправились на съезд флаеристов, а СимонХдХлпес записался на курсы по вышиванию. Кайланд и Адамсон отказались участвовать в празднестве наотрез.

Милена встретила троицу у развилки гравированной дороги, одно ответвление которой сворачивало в деревню, другое бежало кудаХтодальше меж холмов. Смеркалось. Милена схватила Мэрлина за руку и повела гостей на карнавал.

Деревня встретила пришельцев бесноватыми языками пламени костров, песнями, плясками и маскарадом. Плакали скрипки, нежно звенели гитаХ ры, пронзительно свистели губные гармоники, гипнотизировали отчаянХ ным ритмом барабаны.

Растворялось в туманной дали прошлое Мэрлина. Позабыв о професХ

сорской степени, он отбивал чечетку на пару с Миленой, и зловещие отсвеХты плясали на его лице.

Карен Рамвер поначалу взирал на происходящее сухо и сурово. Да он и сам был таким: худосочным, со впалыми щеками, с невзрачными пепельХными волосами. Глубокие морщины избороздили лоб, топорщились вокруг глаз. Но потом и для химика обнаружилось достойное занятие:

— Как, вы не вымачиваете мясо в уксусе?! — негодовал он. — Сейчас я вас научу готовить шашлыки!

— Да вам не в химики, вам в повара надо было! — раскатистым басом говорил ему рыжебородый богатырь с откинутыми назад выющимися волоХсами по плечи; смеялся, наблюдая, как Карен вращает в огне раскалившуХюся докрасна шампуру.

— Химия — моя жизнь. Кулинария — хобби. Правда, так осточертел этот риолХодил!

— А у нас и химией можно заниматься, как душа велит, а не так, чтобы выгодно! — весело отвечал, стараясь перекрычать пение красавицыХыганки богатырь. — Химики нам всегда нужны!

— А вы кто по профессии?

— Комбайны вожу. На что я еще сгожусь?! — и собеседник Рамвера расХхотался еще громче.

Жан Понье объелся и опился вина. Сидел на корточках под кустом; его рвало. Мэрлин страстно целовал Милену под луной.

Только Алану Кайланду и Полю Адамсону в тот вечер пришлось несладХко. Им назначил встречу сам Иванов.

* * *

Дверь отъехала в сторону, и главный уполномоченный осторожно переХступил порог кабинета Алексея Юрьевича Иванова. Следом за ним, опасХливо озираясь по сторонам, подоспел заместитель.

Иванов сидел к гостям спиной. Делегаты могли разглядеть лишь его массивный выбритый под машинку затылок в экзотическом свете ночника под красным абажуром. Темнота копошилась по углам.

— Ознакомьтесь! — глухим басом сказал Иванов, не оборачиваясь, выкладывая на стол стопку бумаг.

«Много слышал о хамстве русских, но никогда не подозревал, что до такой степени!» — пронеслось в голове у Алана.

— Мы не сможем читать при таком освещении!

— Света достаточно!

Униженно сгорбившись над распечатанными бумажками, главный уполномоченный вместе с заместителем изучали документ.

— Что это? — бледным голосом произнес Кайланд.

— Экологию нарушаете, мистер! — последнее слово — с особым презреХнием.

— Бред!

— Закон одобрен парламентом ДэХЭсЖа. Под риолХодилловые отходы —

только планеты с условиями, несовместимыми с биологическими формами материи. А у вас что там в отчетах? Курортные зоны для сотрудников? Инспектора будут рады посетить курорт!

— Но это...

— Только в том случае, если не откажитесь от идеи отрезать нас от риолХ одила.

Иванов положил на стол еще одну стопку документов. Красные блики плясали на его затылке, вызывая ассоциации с властелином преХ исподней.

— Вот наши ультимативные условия. Мы — тоже люди! — сказал Алексей Юрьевич. — Аудиенция окончена!

* * *

Целую неделю Алан Кайланд слонялся по гостинице, прозрачный, как привидение. Врал мистеру Квакистону о том, что переговоры и исследоваХ ния продолжаются.

В то время, как другие члены делегации от души развлекались. Блеск в глазах Шлейхеров, влюбленность в улыбку Крайтона, похмелье Жана Понье.

Наконец главный уполномоченный решился. И вызвал к себе в кабинет своего заместителя.

— Собирай всех! Мы отбываем!

Адамсон переминался с ноги на ногу.

— У тебя что? Кто еще? — главный уполномоченный грозно сдвинул брови...

— Боюсь, эХЭХэ..

— Говори, не томи! — рявкнул Алан.

— Шлейхеры уже сдали все состояние и имущество...

— Кому? Коммунистам?!

— Да, сэр.

— Какое они имеют право! — взревел Адамсон и в отчаянии ущипнул себя за запястье. — Нет, это мне снится, или как?! Без уведомления работоХ дателя! Без положенной отработки после подачи заявления!

— У коммунистов особые права.

— Нет!

— Указ тридцать тысяч двадцать шесть президента Демократического Союза Галактик.

— Нет!

Алан Кайланд шумно выдохнул.

— Ладно, — более спокойным тоном произнес он. — Обойдемся без них. Собирай остальных.

— Остальные тоже...

— Что, тоже?

— Сдали имущество.

— Ты уволен!

— Я как раз хотел признаться! — возбужденно затараторил Адамсон. — Но никак не решался... Мне так неудобно перед вами...

— Нет! Неужели, ты тоже? — главный уполномоченный попятился, схватился за голову.

Поль Адамсон продолжал нервно дергать ногой, виновато потупил взгляд.

— Но почему?! Что так привлекает вас в этой утопии?!

— Это поХнастоящему, мистер Кайланд...

Алан иронично скривил губы, наморщил лоб.

— Поль! Ты же знаешь истинное положение дел! Как ты мог попасться на удочку этих акул?!

— Это — *поюнастоящему*, мистер Кайланд! От каждого — по способности, каждому — по потребности! Люди хотят так жить, и они так живут! Это — *возможно*, мистер Кайланд! Клянусь вам!

— Чушь, бред, чепуха, ерунда! Ты знаешь истинное положение дел!

— Господь позаботится о праведниках...

— С каких пор ты стал верующим? — Алан немного остыл.

— Мы проходили богословие в колледже.

— И какую способность ты намерен им предъявить? — ироничная гримаса заняла все лицо главного уполномоченного.

— Я... Я пока не знаю...

Алан Кайланд прыснул истеричным смехом.

— Но я... Я чувствую, что разберусь... Из меня никудышный юрист... Но я чувствую чтоХтотакое... Внутри... Я разберусь...

— Иди к черту!

Поль Адамсон колебался.

— Мистер Кайланд...

— Вон!!!

* * *

СиршоуЖвакистонХэнегард переступил порог кабинета Алексея Юрьевича Иванова. По правую руку его, как бледная тень — Алан Кайланд, верный слуга олигарха. Иванов поХпржнему — спиной к гостям. Все то же освещение фотолаборатории.

— Мы не можем согласиться с вашими условиями, — буркнул мистер Квакистон, изо всех сил стараясь скрыть волнение.

— Сорок квадралионов долларов ДэХЭХКа! Вот моя цена, не меньше! Вы потянете! Мои агенты и шпионы подробно разнюхали структуру вашего бизнеса. Знали бы вы, мистер, — почти плюнул, — Квакистон, каких змей пригтели у сердца!

Мистер Квакистон покосился в сторону своего главного уполномоченХного; тот нацепил на физиономию железную маску.

— А преданного раба подозреваете зря! — словно обладатель глаз на спине с планеты Кукрис, рассмеялся Иванов.

Кайланд оставался непроницаемым.

— И тем не менее, — продолжал Иванов, — цены на риолХодил падают. Потому что растут наши акции! Мы — настолько выгодные партнеры, что даже президент ДэХЭХКа разрешил Старой Земле вербовать коммунистов вопреки всем законам галактики! Да срал я на ваши законы! — глухой смех. — Но я назначил цену. Знаю, ваш бизнес под угрозой, и именно врожденХная гуманность заставляет меня поступать так. Я понимаю, мистер Квакистон, вы погибнете от удушья в прямом значении слова: шелест зеленых для вас — кислород! А потому... Сорок квадралионов долларов, и риолХодил снова в цене!

Мистер Квакистон дергался из стороны в сторону, словно недоморенХный сверчок на энтомологической булавке.

— Предположим, мы примем ваши условия. Но вы ведь затеете шантаж за планеты под отходы!

— Сорок квадралионов долларов — вот цена контрольного пакета акций ЗАО «Коммунизм» вместе с планетой Старая Земля, — сухо молвил Иванов. — Заплатите и поступайте с ресурсами как угодно, хоть риолХодилы стружки в Кремль тащите. У нас условия вполне курортные! — Алексей Юрьевич залился сатанинским хохотом и развернулся на вращающемся кресле.

Словно черноХбелая фотография возникла в кювете с проявителем. Толстые губы в зловещей ухмылке, выпученные, как у человека с больной щитовидной железой, глаза, бульдожьи брыла, толстенная золотая цепь на шее, огромное пивное брюхо под белоснежным свитером, широко распахХнутый бордовый пиджак. Иванов лукаво подмигнул:

— Все поХжестному, мистер Квакистон! Не при коммунизме живем!

Об авторе

Родился в 1982 году в г. Баку, по образованию — биолог, по профессии — корреспондент СМИ. Публиковался как автор репортажей в газетах и журналах Саратовской области, в журнале «Юный натуралист» (статьи и фото на тему макросъемки живой природы), а также — в Интернетювданиях. Художественные рассказы в печатных изданиях не публиковал.

Фантастику пробовал сочинять с детства. Главное увлечение — философия. Живет в г. Энгельсе Саратовской области.

Олег Кожин

Я – бомба!

- Место работы?
- Средняя школа № 630...
- Профессия?
- Преподаватель младших классов...
- Почему задержаны?
- Не имею понятия...

Этот нелепый, утомительный и, чего уж там скрывать, глупый разговор длился уже больше часа. И Гуськов содрогался при мысли о том, что это только начало. Небольшой ментальный прессинг. Дальше, по всем правилам допросов, должно было быть хуже.

Впервые попав под пристальный взор Комиссариата, Гуськов был расХтерян и подавлен. Конечно, он слышал, через что приходится проходить в этих кабинетах обычным задержанным вроде него, не говоря уже о врагах народа и шпионах изХзаПериметра. Во время «чисток» хватают каждого десятого, из которых назад отпускают едва половину, и по каплям, крупиХцам, информация от этих запуганных, сломленных людей все же просачиХвается в общество. Да, многое было на уровне домыслов. Но именно от этих домыслов сейчас Гуськову было страшно.

Следователь – молодой, краснощекий мордоворот с погонями лейтеХнанта, битый час изводил его одними и теми же вопросами. Коротко, резко – будто дрова рубил. Вдох – замах, выдох – удар. Изредка, видимо для пущей запутанности, следователь вставлял какиеХто, совсем уж нелеХпые вопросы.

- Пол?
- Чей?
- Пол?!

– М... му... мужской... – от таких вопросов Гуськов терялся еще больше, начинал мямлить и даже сомневаться в правдивости своих ответов.

Экзекуция уже даже выстроилась в некое подобие ритуала. Вопросов было не так, чтобы очень много, и поскольку они, все же, повторялись, Гуськов заметил некоторую закономерность.

– Сексуальная ориентация? – этот вопрос следователь всегда произноХсил с еле заметным придыханием.

- Натурал...

– Имеете ли родственников за Периметром? – в этот момент лейтенант постоянно облакачивался на стол и смотрел особо пристально.

— Фамилия имя отчество? — всегда слитно, словно это одно слово.

Был Аполлон Питиримович, мягко говоря, нескладным — худющий, с непропорционально большой головой и тонкими ручонками. Впалая грудь, узкие плечи, на которых, словно на вешалке, болтался дешевый, вытертый на локтях пиджак, ноги «колесом» — полная противоположность своему мифическому тезке. Картину довершали вечно слезящиеся глаза, прячущиеся за толстыми стеклами очков в роговой оправе и огромные залысины, которые Аполлон пытался скрыть, зачесывая на них жидкие светлые волосы с висков.

— Нааааадо жеее... — пришедший сдвинул брови и восхищенно поцокал языком. — Кто это у нас тут? Не иначе, как сам Аполлон Питиримович? Надо сказать, я вас несколько поХудругому представлял.

— Я тоже...

— Я думал, вы... повыше, — промямлил Гуськов.

— Нам все известно!

– Все, – подтвердил Комиссар, уже гораздо спокойнее. Отпустил

Гуськова и брезгливо-демонстративно вытер руку о парадный китель. Однако поХотечески заглянул в глаза и сказал почти мягко:

— Мы вас слушаем, Аполлон Питиримович...

Услышав имя, лейтенант у стены сдавленно хихикнул, но быстро спрАвился с приступом веселья, едва лишь высокое начальство изволило гляХнуть в его сторону. Гуськов повертел головой, пытаясь приладить обратно треснувший ворот рубашки, потупил глаза и смущенно пробормотал:

— Действительно, чему я удивляюсь? Вы же Верховный Комиссар. Вам по штату все знать положено...

— Мы вас слушаем, Аполлон Питиримович, — повторил Комиссар.

Лейтенант на этот раз сдержался, но было видно, что дается ему это с огромным трудом. Аполлон собрался с духом и выпалил все, что волновало его в последнее время: все мысли и чаяния, как на духу выложил. Комиссар тупо хлопал глазами. Лицо его медленно становилось пунцовым.

— Талоны? — перебил он Гуськова. — Какие, нахрен, талоны?

— Талоны, — повторил Гуськов. — Слухи ходят, что учителям спецталоны выдадут. Вы сказали, что вам все известно, вот я и ... правда ли... — конец фразы Аполлон Питиримович скомкал и, внезапно осознав, что ляпнул что-то, смущенно уткнулся глазами в пол.

У двери громко хрюкнул, не сдержавшись, лейтенант. Комиссар, не обожравиваясь, рывкнул:

— Аааатставить!

Смех прекратился, но плечи дознавателя все еще подергивались, от сдерживаемого хохота.

Комиссар сцепил руки в замок и наклонился к Аполлону:

— Вы что же, милчеловек? Издеваетесь?

– Никак нет, – еле слышно пробормотал Гуськов.

— Игратья со мной вздумали?

— Я?.. — Гуськов судорожно проглотил скопившуюся во рту слюну, нервнo подергал выпирающим кадыком, отчего стал похож на североамериканскoго грифа — такого, какими их рисуют в старых мультиках. — Я бы не посмел... — последние слова он уже почти прошептал. Снова смутился своей робости и принялся разглядывать носки своих давно нечищенных туфель.

— Да что вы такое говорите, дорогой вы мой? — манеру разговора Комиссар менял с легкостью опытного оратора, вот только пульсирующая у виска жилка выдавала его истинное настроение. Комиссар шелкнул пальцами. Лейтенант мухой метнулся из комнаты, но тут же вернулся, неся в руках огромный бобинный магнитофон. Пыхтя, водрузил его на стол и вновь почтительно вытянулся у двери.

— Судя по нашим данным, милый вы мой Аполлон, — пальцы Комиссара ласково пробежались по здоровенным пластиковым кнопкам, — вы посмеХли бы сделать гораздо большее. Гораааааздо... — и Комиссар шелкнул тумХблером.

Натужно крикнув, магнитофон потянул ленту. Комната огласилась резким треском эфирных помех и свистом настраиваемого радиоприемника. Комиссар бросил через плечо недовольный взгляд на лейтенанта и подкру-

тил регулятор громкости. Постепенно сквозь шумy стали пробиваться отдельные слова, которые, в конце концов, сложились во вполне членораздельную речь.

— ...и что же вы предлагаете? Внутри Периметра нет нормальных, я имею в виду — в нашем понимании нормальных, средств массовой коммуникации. — Голос принадлежал женщине.

— Даже самого захудалого телевидения нет. Кабель прокладывать нерентабельно, а «Излучатель» гасит даже радиоволны... Вам напомнить о провале операции «Наблюдатель»? Ни одна наша камера и даже ни один спутник так и не дали устойчивого сигнала!

— Значит, нам нужно искать другие решения. Нужно ловить момент, когда большая часть жителей города соберется в одном месте. — Бархатный бас, произнесший эти слова, наводил Гуськова на мысли об ученой степени, бороде, трубке с ароматным табаком и пивном брюшке. — Есть там у них какие-нибудь массовые праздники?

— Помилуйте! Какие ТАМ могут быть праздники?! — ответила женщина. — Только выступления Верховного Комиссара или Председателя Совета. Но они крайне редки и охрана там... В прошлом году мы потеряли сразу двух агентов именно на такой акции.

— Я считаю, что в этот раз осечки быть не должно, — вклинился в разговор новый собеседник, обладатель скрипучего старческого голоса. — Наш агент Хдбровонец действует на территории уже шестой год. И, надо сказать, у Аполлона Питиримыча отличная подготовка...

На этом месте запись вновь разразилась треском помех и оборвалась. Верховный Комиссар облокотился на сцепленные в замок руки и пристально всмотрелся Гуськову в глаза, как бы спрашивая: «Ну? Что на это скажете?» Аполлон Питиримович смущенно отвел взгляд и, оправдываясь, проворчал:

— Надо же... Какое совпадение...

— Совпадение? — с наигранным удивлением переспросил Комиссар. — Совпадение, вы говорите, уважаемый мой Аполлон? Совпадение, дорогой вы мой, Питиримович?!.. А знаете ли вы, — тут голос Комиссара утратил всякую эмоциональную окраску, стал настолько пустым и безжизненным, что Аполлон невольно съехал в кресле, словно его окатили холодной водой на морозе, — ...знаете ли вы, милейший, что во всем, — во всем! — Городе нет другого человека с таким же именем? А?

Гуськов робко поднял глаза на Комиссара, вдруг показавшегося ему неправдоподобно огромным, и жалобно проблеял:

— Правда?

Лицо Комиссара вновь пошло пунцовыми пятнами. Руки сами поползли по столу к наглому, валяющему Ваньку, подозреваемому. Лишь чудовищным усилием воли Комиссар сдержал естественный порыв — придушить этого шута, позорящего его, пусть в глазах всего одного, но все же — военного человека. Не оборачиваясь, Комиссар чувствовал, что за его спиной лейтенант улыбается, уже не скрываясь.

— Ну, хватит! — Верховный нетерпеливо поднялся, вновь нависнув над Аполлоном, словно готовый вот-вот рухнуть скальный уступ. — Я изначаль-

но знал, что допрос ничего не даст. Эта глупая затея — целиком и полностью инициатива Совета. Моя бы воля, вас, дорогой мой Аполлон, расстреляли бы еще вчера. Без суда и следствия. Однако, благодаря нашему гуманному Совету, я вынужден тратить на вас свое личное время, — Комиссар наклонился к задержанному, упершись в стол широко расставленными руками. — Я спрошу последний раз — вам есть, что мне сказать?

У Аполлона Питиримовича мелко задрожала нижняя губа. Он, не веря, уставился на Комиссара и заплетающимся языком промямлил:

— Расстреляли бы?

На лице следователя отразилась целая гамма чувств — гнев, раздражение, злоба — вот только жалости среди них не было. Комиссар обошел стол, встал за спиной арестованного, положил ему руки на плечи и, наклонившись к оттопыренному, украшенному мелкими черными волосками, уху прошептал:

— У меня для вас чудесные новости, дорогой вы мой. Сегодняшний день станет венцом вашей педагогической карьеры. Вы лично послужите примером и уроком сомневающимся. Не столько вы, конечно, сколько ваша показательная казнь, но согласитесь — без вашего участия, милейший мой Аполлон Питиримыч, это мероприятие провести невозможно...

Верховный Комиссар резко выпрямился, и, небрежно похлопав Аполлона по плечу, двинулся к выходу. Возле лейтенанта он ненадолго задержался, окинул одобрительным взглядом выправку подчиненного и сказал:

— Подготовьте арестованного. И сообщите на все предприятия и подразделения, что сегодня будет сокращенный рабочий день. Казнь состоится в семь тридцать на Центральной площади. Опоздавшим группам — выговор, с занесением в личное дело.

* * *

По коридору Аполлона Питиримовича пришлось, в буквальном смысле слова, тащить. Два дюжих молодца под командованием лейтенанта без видимых усилий волокли задержанного, едва касающегося носками стоптаных туфель пола, обитого выцветшим зеленым линолеумом. Ноги не слушались Аполлона Питиримовича. Он мешком повис на руках мордovorотовХхранников и только вздыхал протяжно, когда жесткие пальцы впились в его дряблые мышцы особенно сильно. Жизнерадостный лейтенант шагал рядом, весело щерился, подбрасывая в руке увесистую связку с ключами. Ключи взлетали в воздух и с веселым звоном ложились в широкую лейтенантскую ладонь. А за мелькающими мимо, забранными решетками, окнами — вот же напасть! — приветствуя раннюю весну, весело гаддели птицы. Общее веселье не разделял только Аполлон Питиримович. Даже тащившие его охранники — и те, казалось, получают от этого процесса видимое удовольствие. А лейтенант, к тому же, болтал без умолку.

— ...честно говоря, мне вас даже немного жаль, ведь вы всего лишь слеХ

пое оружие. Но Комиссар — каков человек! Человечище! Ясно же, что атака изХза Периметра нацелена, главным образом, на наших лидеров. Быть может — на него самого! А ведь не побоялся — лично допрос провел!

Аполлон попытался сфокусировать мысли на монологе лейтенанта. Выходило не очень, но суть он все же уловил. По какимХтонемыслимым причинам, Верховный Комиссар должен был опасаться его — простого школьного учителя. Что мог противопоставить он, стареющий педагог, могущественнейшему человеку Города?

— Простите, господин лейтенант, но я, действительно — ничего не пониХ маю!

Лейтенант бросил на приговоренного снисходительный взгляд, ловко крутанул кольцо с ключами и, копируя комиссарскую манеру разговора, ответил:

— Неудивительно, дорогой вы мой Аполлон, — и тут же громко захохоХ тал. Но быстро справился с собой и свирепо шикнул на охранников, попыХ тавшихся поддержать веселье командира.

— А знаете, Аполлон Питиримович, я вам верю, — чуть позже изрек лейХ тенант и, предупреждая последующие вопросы арестованного, продолжил. — И Комиссар вам верит. И Совет, как это не парадоксально, тоже. Только вам от этого легче не станет. Вся следственная группа, занимавшаяся вашим делом, на девяносто девять процентов уверенна в вашей неосведомХ ленности. Вы — не обычный шпион. Вы — робот, запрограммированный врагами изХзаПериметра. В нужный момент, в нужных условиях, ваша проХ грамма должна была сработать и заставить вас выполнить поставленную задачу. Мы уже сталкивались с подобным. И мой вам искренний совет — радуйтесь, что Совет не отдал вас докторам из Института.

Гуськов не разделял воодушевления лейтенанта, но, почувствовав, как при упоминании Института испуганно вздрогнули плечи его конвоиров, все же решил найти в себе немного позитива. Как раз, чтобы хватило на поддержание беседы, судя по всему — последней в его жизни.

— Но неужели нельзя ничего сделать? То есть... я хочу сказать — ведь все знают, что я не виновен! Ну, какой из меня робот, право слово?! Я бы знал. Вы так не думаете?

Конвой остановился перед огромной бронированной дверью, и лейтеХ нант принялся возиться с ключами. Щелкнул замок, по коридору прокатиХ лось эхо скрипнувших петель. Лейтенант обернулся к Гуськову, сочувственХ но помотал головой и сказал:

— Вы — бомба, Аполлон Питиримович. Ходячая неразорвавшаяся бомба. А что делают с неразорвавшимися бомбами? — И, не дождавшись ответа, сам ответил на свой вопрос. — Их уничтожают...

* * *

На центральную площадь стекался народ. С трибуны, где разместился Совет в полном составе и сам Верховный Комиссар, открывался хороший обзор. Видно было, как стройными колоннами, под предводительством

своих бригадиров, идут рабочие из Заводских кварталов. Как, чеканя шаг, маршируют временно освобожденные от несения дежурства отряды солдат. Как дисциплинированными группами к площади стекаются школьники и студенты. Никакой давки и неразберихи. Порядок построения был всем давно известен. Каждая группа занимала отведенную именно ей часть площади. Последними, по заведенному порядку, подошла самая малочисленная группа — отставные военные и пенсионеры.

Комиссар шагнул на верхнюю трибуну и окинул довольным взглядом жителей Города. Теми моментами, когда он во всем стоял выше Совета, Комиссар упивался особо. Отработанным движением он вскинул к небу руку, приветствуя собравшихся и призывая их к тишине. Впрочем, последнее было излишне. Единственным звуком, который разносился над площадью, были шаги конвоиров, ведущих приговоренного к помосту, в центре которого стоял электрический стул. Еще семь лет назад на его месте была обычная грубо сколоченная виселица, и Комиссар, считавший себя сторонником прогресса, каждый раз искренне радовался, глядя на торжество науки.

— Сограждане! — зычный комиссарский голос, прокатившись по площади, обрушился на стоящих у подножия трибуны людей. — Собратья! — каждое слово звоном отдавалось в головах и огнем вспыхивало в сердцах. — Соратники! — Комиссар, наслаждаясь моментом, еще раз оглядел выстроившиеся шеренги. — Коварный враг, засевший за Периметром, не дремлет! Днем и ночью строит свои козни, угрожая нашему светлому будущему! Мировое зло пытается лишить нас того, что мы так долго строили! Пытается навязать свои порядки!

По рядам горожан пролетел недовольный ропот. Некоторые даже стали озираться по сторонам, словно надеясь увидеть рядом подлых наймитов коварного врага.

— Но надежным щитом от вражьих происков служит нам наша Армия и Комиссариат! Этот человек, — палец Верховного метнулся в сторону стула, на котором в тот момент охранники закрепляли ремнями несчастного Аполлона Питиримовича Гуськова, — совершил чудовищное преступление! Он вошел в сговор с врагом!

Недовольный ропот стал громче. Кто-то уже грозил приговоренному кулаком. Кто-то выкрикивал проклятия.

— Наказание за предательство своего народа — одно! — Комиссар выдержал эффектную паузу и рявкнул. — Смерть!

И словно по команде взлетели вверх сжатые в кулаки руки и тысячи глоток подхватили, как молитву:

— Смерть! Смерть!!! Смееееееерть!!!

Комиссар вновь вскинул руку, призывая к тишине. Подождал, пока утихомиряются самые шумные, и принялся зачитывать Приговор. Советник по Образованию склонился к Первому Заместителю и шепнул:

— Давно у народа не было праздника. Сегодня, кстати, особеннолюдно, не находите?

Первый Заместитель охотно кивнул:

— Согласно приказу Верховного Комиссара и учитывая низкую актив-

— Кроме того, — включился в беседу Советник по Производству, — с заводов и фабрик было отпущено около девяноста процентов работников. Комиссар очень серьезно относится к этой акции...

— Приговор обжалованию не подлежит! — произнес Председатель традиционную фразу. — Приговоренный, вам есть, что сказать в свое оправдание?

Склонившись к Верховному Комиссару, Советник по Производству прошептал:

— На всю следующую неделю рабочий день предлагаю продлить на пол часа. Развлечения развлечениями, а План выполнять надо. Вы же, господин Комиссар, весь Город от работы оторвали...

— ...весь Город... — задумчиво повторил Комиссар. — Весь Город...

Весь Город лежал перед ним. Маленькое государство, остающееся верным своему Долгу, несмотря на постоянные нападки осаждающих его врагов. Огромный, слаженный механизм, внушающий священный трепет даже ему, человеку, который определял ход этого механизма. Непреступная крепость на пути отступников, забывших, что значит служить своей Родине, даже если последний приказ с этой самой Родины пришел почти полтора века назад.

Город. Его Город. Такой огромный, такой сильный. И такой хрупкий перед очередной коварной задумкой Врага.

— Есть, привести в исполнение! — донеслось от помоста.

И тут же в голове Комиссара что-то щелкнуло, словно встал на место недостающий кусок головоломки. Он кинулся к трибуне, плечом оттолкнул Председателя и, совершенно забыв про микрофон, заорал:

— Ааааатставить!

Он опоздал всего на долю секунды. Рука в резиновой перчатке уже тянуХ ла рубильник вниз. Резкий щелчок, который послал по проводам ток убийХ ственной мощности, разнесся над молчаливой площадью, перекрыв даже эхо комиссарского крика.

Аполлон Питиримович Гуськов, школьный учитель, пятидесяти восьми лет отроду, нескладный и нелепый — прикрыл глаза, чтобы не видеть страшную серую массу, молча взирающую на то, как убивают человека, и прошептал:

— Жаль... Как же мне всех вас жаль...

И «взорвался».

А секунду спустя прозвучал протяжный женский крик:

— Да что же вы за звери такие!?

А потом заплакали дети...

* * *

— Поздравляю, коллеги! Действие «Излучателя» нейтрализовано! — Артур Иванович — жизнерадостный бородач, влетел в лабораторию, словно вихрь. Улыбаясь, пожимая протянутые руки, хохоча, как ненормальный, он подбежал к Лидочке Еременко — самой младшей участнице Проекта, подхватил ее на руки и, рискуя сбить приборы и зацепить колесо, завальсировал по комнате.

— Да, что вы, как ребенок, ей богу! — проскрипел сидящий возле мониторов Семен Климентьевич, старейший работник НИИ и руководитель Проекта в одном лице. — Видим, все прекрасно... давайте сюда ваши графики.

— А что, передачу наладили? — Артур осторожно поставил Лидочку на пол. Вынув из нагрудного кармана цифровой носитель, он положил его перед Семеном Климентьевичем и с интересом уставился в мониторы.

Лидочка одернула халат и рассмеялась:

— Артур, ну что же вы!? Сами же сказали — действие «Излучателя» нейтрализовано. Исчезло не только негативное воздействие на людей, но и помехи. Сигнал устойчивый и четкий. Прямо перед вашим приходом пошел... — Она помолчала и едва слышно добавила. — Справился таки Аполлон Питиримович...

Однако Артур ее услышал.

— Питиримыча жаль... — помрачнев, кивнул он. — Широкодушный человек был. Добровольно пойти на подавление личности и нейролингвистическое программирование... Буквально стереть самое себя, это, знаете ли, не каждый... Да, не каждый.

— Но мы же могли восстановить его?! Правда? — с какой-то детской надеждой спросила Лидочка. — Неужели все должно было закончиться именно вот так?

— Не могли, — скрипуче ответил Семен Климентьевич. — Аполлон знал, на что идет. И знал, что назад он не вернется. Просто он очень любил людей... даже этих, из Города. А когда любишь кого-то, гораздо легче приносить жертвы.

Некоторое время было слышно только, как тихонько гудят сверхмощные компьютеры. Затем Семен Климентьевич встал со своего кресла, и, подойдя к застывшей парочке, встал рядом.

— Земля ему пухом, — пробормотал он и принялся молча смотреть в мониторы слежения.

В немногочисленные камеры, некоторые из которых были установлены ценой жизни агентов, весь Город видно не было. Но полную картину это составить не мешало. Большая часть народа нестройной толпой шла в сто-

рону периметра. По площади, побросав винтовки, слонялись солдаты. Некоторые люди сидели прямо на мостовой, обхватив головы руками, раскачиваясь из стороны в сторону. На трибуне, спрятав лицо в ладонях, рыдал Первый Заместитель. Совсем рядом, зажав в руке табельный пистолет, в неестественной позе лежал Верховный Комиссар.

И во всей этой суматохе никто не обращал внимания на центрального персонажа действия, сидящего на нелепом металлическом стуле, опутанного проводами, с мерцающим, будто нимб, обручем на висках. Откинув голову назад, Аполлон, не мигая, смотрел в весеннее небо и грустно улыбался — стройный и прекрасный, словно молодой бог.

Об авторе

Родился 18 октября 1981 года в городке Кайеркан, который ныне считается районом города Норильска, Красноярского края. Закончил Ленинградский государственный областной университет (ЛГОУ) им. А.С. Пушкина, по специальности связи с общественностью. Работал журналистом, телеведущим, руководителем пресс-службы, редактором интернет-портала. Последние три года живет в Петрозаводске, столице республики Карелия. Работает директором петрозаводского городского Центра молодежи.

Пишет около пяти лет. Активно продвигать свое творчество начал года полтора назад. Публикации: журнал «Реальность Фантастики» — рассказы «Снежные волки», «Где живет Кракен». Сборник «Ярость благородная» — рассказ «Война без сохранения» (издательство «Яуза», готовится к выходу в апреле 2011 года).

Александр Абалихин

Одуванчики

Виктор Петрович, не торопясь, ехал на велосипеде по проселочной дороге в деревню. Он направлялся в сельский магазин за продуктами. За его спиной скучно висел пустой рюкзак. Перед ним изредка взмывали в воздух белой метелью стайки капустниц, отдыхавших посередине дороги на влажной глине. Припекало солнце, травы замерли, на обочине дороги серебрились кустики полыни.

Неожиданно впереди себя, возле одной из луж, Виктор Петрович увидел дрожащие крылья необычных бабочек. Он даже остановился и сошел с велосипеда, чтобы лучше их рассмотреть. Бабочки были раза в два крупнее обычных капустниц и шоколадниц. Не походили они ни на изящных бабочек «павлиний глаз», ни на роскошных «адмиралов». Таких бабочек Виктор Петрович не видел нигде, даже в музеях. Они имели нежно сиреневые крылья с необычным перламутровым узором. Виктор Петрович посмотрел в сторону лесной поляны, которая в это время обычно радовала взгляд синими колокольчиками, густо рассыпанными в высокой траве. На этот раз поляна была сплошь золотой. Она была усеяна желтыми одуванчиками, среди которых попадались уже отцветшие цветы с дымчатыми шариками на концах стебельков. «Как красиво! Луг золотой!» — вспомнил он школьный учебник. Поляна действительно была очень красивой. Дополняли необычную красоту порхающие над одуванчиками те самые сиреневые перламутровые бабочки, которые сидели возле лужи на дороге.

— Откуда в это время столько одуванчиков? — удивился Виктор Петрович.
— Третье или четвертое у них цветение, что ли?

Налюбовавшись на эту картину, он продолжил движение в сторону деревни Шиколовки на своем велосипеде. По пути ему встретились еще несколько полянок с одуванчиками и необычными бабочками. Совершив покупки, он вышел из магазина и услышал разговор двух мужиков, сидевших на лавочке.

— Совсем все вокруг заплонили, проклятые, — говорил один из них, в серой кепке и выцветшей синей рубашке. — В саду у меня все яблони из них засохли. И главное, вывести эти одуванчики никак нельзя. Уже все средства перепробовали!

— Это точно. У них корни метра на два уходят в землю. Не одуванчики, а хрен какой-то! — подтвердил второй мужичок, одетый, несмотря на жару, в черный старый пиджак.

Он сплюнул и ругнулся.

— Это вы об одуванчиках говорите? — включился в разговор Виктор Петрович.

Несмотря на тяжелый рюкзак за спиной, набитый крупами, бутылками с подсолнечным маслом и всякой всячиной, он не спешил садиться в седло своего «Туриста».

— Об одуванчиках. Никакого спасу от них нет! — возмущался мужичок в пиджаке. — Березовая роща даже засохла из-за них. Деревья стоят сухие. Кругом сплошные одуванчики. А над ними бабочки красивые так и выются.

Виктор Петрович еще немного поболтал с мужиками, и поехал к себе на дачу. На обратном пути он увидел, что по красивой поляне бродит какой-то человек. Виктор Петрович слез с велосипеда, скинул рюкзак и подошел к нему. Тот был одет в серебристый плащ и сосредоточенно собирал во флакон семена отцветших одуванчиков.

— Здравствуйте, — сказал ему Виктор Петрович.

Человек вздрогнул и оглянулся.

— Как их тут много! Похоже, пора начинать с ними бороться, а то они всю округу заполняют, — сказал Виктор Петрович.

Незнакомец молчал.

— Вы ученый? — спросил Виктор Петрович, заинтересовавшись действиями этого странного человека.

— Нет, — наконец ответил хриплым голосом человек. — Я наблюдатель.

— Никогда не видел таких красивых бабочек. Откуда они здесь?

— С Анокприлона, — задумчиво проговорил мужчина.

— Откуда? — изумился Виктор Петрович.

— Издалека. Если вы так любопытны, я вам расскажу, откуда взялись эти цветы и бабочки. Все равно скоро земляне узнают великую и радостную весть. Мы прибыли на вашу планету с Анокприлона...

Виктор Петрович вытаращил глаза.

— Это очень далеко отсюда. Но что нам остается делать? Ведь именно на вашей планете исключительно благоприятные условия для разведения одуванчиков.

— Одуванчиков? — изумился Виктор Петрович, — Зачем их надо разводить?

— Мы вегетарианцы. А из всех съедобных растений предпочитаем употреблять в пищу одуванчики.

— Они же горькие!

— Зато имеют богатый состав. Именно они необходимы организмам анокприлонцев. Мы засеиваем вашу планету одуванчиками. Этот вид одуванчиков выведен нами искусственно. Они имеют мощный корень, содержат гормон ускоренного роста и размножения. Эти цветы уничтожают все конкурирующие растения. Скоро вся Земля будет покрыта одними одуванчиками, — суровое лицо анокприлонца расплылось в довольной улыбке.

— Да вы что! А люди, а животные? Тоже одну эту гадость есть будут?

— Люди перейдут на одуванчики. Хватит поедать животных и всякую растительную дрянь. Вот засеим одуванчиками всю Землю, вы их распространите, вам понравится! Потом нас благодарить будете. А мы уже транспорт

ные корабли готовим для отправки одуванчиков консервированных, одуванчиков соленых, одуванчиков вяленых и сушеных. Кстати во многих странах на вашей Земле одуванчики едят.

Виктор Петрович смотрел на незнакомца как на сумасшедшего.

— Я вижу, вы мне не верите. А напрасно. Я могу вам предложить отличХный рецепт салата из одуванчиков. Его отлично запивать пивом из них же. Кстати, первое из одуванчиков просто великолепно, если в него ничего не добавлять, кроме соли. Главное, надо одуванчики перед приготовлением ошпарить.

— Так эти ваши одуванчики забывают все растения. Даже перца не остаХнется?

— Точно. Ничего, кроме одуванчиков, — лицо незнакомца снова растяХнулось в блаженной улыбке.

— Так ведь звери вымрут. Не все же смогут одними одуванчиками питаться.

— Мы, анокприлонцы, очень гуманные существа. Мы никогда не униХчтожаем животных и другие расы. Мы создаем такие условия, при которых они сами вымирают.

— Но ведь это бесчеловечно, — воскликнул Виктор Петрович.

— Бес чего? — удивился анокприлонец.

— Бесчеловечно! Ведь лесные звери не смогут есть ваши одуванчики.

— Да не волнуйтесь так. Останутся мышиХюлевки. Может быть, — скаХзал равнодушно анокприлонец. — И вообще, хорошо, что это мы первыми вашу планетку заприметили, а то на ваши сельхозугодья уже другая раса глаз положила. Космоовцы вообще хотели здесь борщевиком все засеять. Эти космоовцы даже на нас с вами непохожи. Они больше крупный рогаХтый скот напоминают. Да и питаются, как скоты — силос едят, а не изысканные салаты и пюре из одуванчиков! А мы научим вас есть одуванчики. Вы без них скоро прожить не сможете, уверяю вас.

— Это точно. Если вокруг ничего не останется, кроме них.

— А еще в придачу получите красивых бабочек. Только они способны опылять этот вид одуванчиков. Пейзаж, конечно на вашей планете станет однообразным, но очень красивым.

Пришелец отвернулся, прекратив разговор. Виктор Петрович, потряХсенный всем услышанным, поехал домой.

На своем участке он увидел несколько одуванчиков, схватил лопату и стал их выкапывать. Однако корни зловредных созданий уходили глубоко в землю.

— Витя, слива засохла, — крикнула его жена Маша, — вокруг нее полно одуванчиков. Надо было прополоть.

Вечером Виктор Петрович услышал по радио, что во многих уголках земного шара появились необычные одуванчики. Ученые ничего не могут объяснить, но в считанные недели эти безобидные ранее цветы захватываХют все более крупные ареалы, вытесняя другие растения.

Через неделю все только и говорили об одуванчиках. В воздухе летал пух от отцветающих цветочков.

Виктор Петрович пошел за грибами. Одуванчики уже росли и в густом

лесу. Многие деревья стояли сухие. Грибов не было. Он вышел на полянку, заросшую желтыми цветами, и увидел того самого незнакомца.

— Что же вы делаете? — возмущился он.

— Да отстаньте вы! У нас неприятности. Этого никто не учел. Во многих регионах, где одуванчики почти заполонили все вокруг, расплодилось кроХлики. Кролики размножаются и пожирают одуванчики в колоссальных количествах! Они получили с пылью одуванчиков гормон ускоренного роста и размножения. Со своей слюной они выделяют вещество, которое губит корни одуванчиков. Жаль, что мы так принципиальны и не можем уничтожать живых существ — этих проклятых кроликов! Так что мы свораХчиваем свою программу! Бабочки сами погибли. Радуйтесь! И молитесь, чтобы космоовцы о вас не вспомнили!

Анокприлонец с ненавистью посмотрел в траву. Там сидел сбежавший от соседа Виктора Петровича черный кролик Кузя и жевал одуванчики.

— Вон как челюсти ходят! — зло проговорил анокприлонец.

Тут Виктор Петрович спросил:

— А вы не никогда пробовали рагу из кролика с одуванчиками?

Лицо анокприлонца исказила гримаса отвращения. Он побледнел и покачнулся.

— Заполчите сейчас же!

Пришелец развернулся и побежал, прикрывая свой узкий рот четырехХ палой рукой. На него сверху опустилось зеленоватое, прозрачное облачко, обволокло его. Фигура анокприлонца растворилась и стала невидимой. Облачко взмыло вверх и вскоре исчезло.

Виктор Петрович с любовью посмотрел на Кузю и подумал, что надо сказать соседу, чтобы тот выпустил остальных своих кроликов на волю. Пусть порезвятся!

Виктор Петрович вышел на тропинку. Вдруг чтоХто обожгло ему руку. Рядом с тропинкой высились огромные заросли борщевика...

Об авторе

Родился в Москве 10 ноября 1960 года, окончил Московский авиационный технологический институт им. К. Э. Циолковского. Специальность — инженер-металлург. Работает в научно-производственном объединении.

Фантастические рассказы и повести опубликованы в журналах: «Знание и Сила», «Знание и СиЛ»: «Фантастика», «Наука и религия», «Техника — молодёжи», «Природа и человек. Свет», «Юный техник», «За семью печатями», «Приключения, фантастика», «Жеглов — Шарапов и К», «Фантастика», «Интернет — вести», в газете «Мир за зеркалом», в альманахе «Сияние лиры», в журнале «Мир фантастики» на DVD Юдиск, в аудиобиблиотеке «Фантастика» журнала «Знание и Сила» на DVD Юдиске.

Сергей Жданов

Узревший облик мира

Здравствуйте, заходите, присаживайтесь. ДайтеХкая гляну на вас через преобразователь. Интересно... А вы сами никогда не им пользовались? Нет?

Спасибо, чувствую себя нормально. Больно смеяться, но это как раз сейчас мне не угрожает. Пуля жизненно важных органов не задела, так что через несколько дней выпишут. Да, преобразователь, или очки Свиридова, как их в народе прозвали, весьма помог. С ним врач видит биополе любого органа. Но ведь ваш журнал интересуется отнюдь не медицинскими аспекХтами использования преобразователя?

Я бы не говорил — открытие. Ручаюсь, что в действии преобразователя использованы только давно известные принципы и устройства. Так что я, Алексей Свиридов, истинного мира не открывал. Я лишь создал устройство для настоящего, правильного зрительного восприятия. КтоХтовыразился по поводу последствий использования преобразователя: «слепой прозрел». Мне это выражение нравится.

Что же, с начала, так с начала. Я занимался психофизиологией зрительХного восприятия. Здесь мне придется прочитать вам небольшую лекцию, чтобы читатели хоть немного вникли в проблему. Глаз — устройство весьма несовершенное. Скажем, из всего спектра электромагнитного излучения он воспринимает довольно узкую полосу частот. Да и то: определение цвета строится на основе обработки мозгом данных всего трех цветовых рецептоХров: зеленоХкрасного, желтоХсинего и черноХбелого. Прочие цвета радуги мы, говоря честно, не воспринимаем. Мы о них догадываемся.

Я назвал глаз несовершенным. К этому стоит добавить несовершенство мозга. Глаз подает в мозг смесь цветовых пятен, линий, углов, движения, и уже мозг превращает все это во внятную картину проезжающего по мокрой дороге синего автомобиля. Кто знает, что еще содержалось в этой смеси и чего наш мозг распознать не смог? По нехватке ли опыта, или по полному отсутствию программы обработки полученной информации — все едино. Вы, наверное, знаете что жители равнин в горах совершенно не способны оценивать расстояния? Необходимого опыта нет.

С детства опыт появляется, можно говорить — с младенчества. Мозг создает нервные связи, чтобы расшифровывать считываемую глазом информацию. Первоначально связи устанавливаются при помощи других органов чувств. Не зря же младенец все тянет в рот, а ребенок постарше всегда норовит потрогать руками. Вот так и вырабатывается то, что я назвал диктатом фактуры поверхности. Из всех детекторов, которыми располагает

глаз, почему Хтосамым весомым оказывается детектор фактуры. Для приХ мера — вспомните кирпич.

Могу почти наверняка утверждать, что первое, что пришло вам на ум — это вид самой поверхности кирпича. Не его прямоугольность, не его цвет, а именно та особая шероховатость поверхности, что и делает кирпич кирпичом, а не прямоугольным оранжевым бруском. А лимон с пупырчатой шкуркой представьте, а? Я прав?

Диктат фактуры объясним — здесь зрительный образ тесно связан с образом осязательным. Отсюда следует что? Чего не щупали, то не различаХ ем поХнстоящему. Да, вы абсолютно правы, концепция Токиязы, звучащая как: «сущее ощупываемо», строится именно на признании фактуры единХ ственным достоверным ощущением. Все прочее считается копией копии и даже планом копии — с соответствующей степенью достоверности. Я не разделяю его концепции хотя бы потому, что она ставит под сомнение все практические результаты астрономии.

Согласен, Токияза абсолютно прав, когда описывает собственную активность системы глазХмозг. Попросту, о чем подумал — то и увидел. Науке давно известны образы на сетчатке глаза, порожденные не внешним воздействием, а собственным воображением. Да и зрительные галлюцинаХ ции возникают именно так: мозг создал образ, глаз отпечатал его на сетчатХ ке, потом считал — но уже как отпечаток внешнего мира Хи подал снова в мозг. Замкнутый круг, в котором невозможно отличить сам предмет от его фантома. Только ведь нам известны и осязательные галлюцинации, о чем Токияза умалчивает.

Так вот, использование специального голографического фильтра — вы видите, как радужно переливается внешняя поверхность очков? Хпозволяет отстраниться от диктата фактуры поверхности. В преобразователе испольХ зованы также светофильтры, самоподстройка фокусировки и прочие оптиХ ческие ухищрения, давно применяемые в фотографии. Упрощенно говоря, фактура поверхности предметов становится почти неразличимой.

Период адаптации — короткий. От пяти минут до нескольких часов. Согласен, ощущения при адаптации не самые приятные. Ужас? Не думаю, что такое переживание обязательно. Скорее, это выражение общего отноХ шения к миру. Я полагаю, что любой человек взирает на мир либо со страХ хом, либо с интересом. Одно, кстати, не обязательно исключает другого. Так вот, кто испытывает страх, тот создает некий упрощенный образ окруХ жающего мира и держится за этот образ изо всех сил. И в те моменты, когда образ обнаруживает несоответствие реальному миру, страх овладевает им, полностью подчиняя себе. Вы знаете, я полагаю, что стрелявший в меня фанатик был из таких, из трусов. А человек, интересующийся миром, испытывает в такие моменты волнение и счастье.

Вы правы, я адаптировался быстро. Не скажу, что адаптация сопровоХ ждалась радостными переживаниями. Все эти переливающиеся пятна, потеря ориентации, режущие глаз цвета порядком утомляли. Да и потом, когда мозг подстроился — зрелище четырех вращающихся цветных небесХ ных сфер буквально подавляет. Пропasti, разрезающие совершенно тверХ дую под ногами поверхность, тоже немало адреналина добавляют. Так что я

даже где-то понимаю тех, кто счел открывшийся истинный мир потусторонним.

Исчезновения визионавтов? Не могу ничего сказать. Конечно, слышал. Но если всерьез: кому потребовалось их похищать? Инопланетянам? Скорее, они сами удалились в уединение. Своего рода отшельничество, надо полагать.

А, так вас больше всего интересует мое знакомство с Персонажами? Первой мне, представьте, на глаза попала Синяя Гусеница. Я ее так и назвал. А потом, с моей легкой руки, всех движущихся и контактирующих с нами обитателей истинного мира, поименовали Персонажами, наградив именами из сказок Льюиса Керрола. Сейчас их девять, но всех журналистов почему-то интересуют только Мартовские Зайцы.

Конечно, после того, как обнаружилось, что они иногда доступны наблюдению невооруженным глазом, разом решилась загадка НЛО. Поэтому согласен с вами, они наиболее популярны. Контакты с ними, с моей точки зрения, настоящие. Мы обмениваемся световыми импульсами, они меняют направление и скорость движения, если осветить их лазерным лучом определенной длины волны. Разум? Сомнительно. Но в людях они разбираются. Сколько раз я видел, как вокруг одного человека хороводом скачут Мартовские Зайцы, а возле другого лишь изредка Соня проползет. Белого Кролика, например, видело всего несколько человек!

Нет, не преувеличиваю. Я беру в расчет только подтвержденные случаи. Тот мир, который открывает нам преобразователь, трудно описать словами. Один видит голубую прозрачную гору, другой оранжевый бархан, третий — снежный сугроб огромного размера. Но у всех он расположен на одном и том же месте, у всех имеет вид горы, у всех блестит. Последователи Юнга объявили, что преобразователь позволяет визуализировать архетипы. Не знаю. Думаю, что светящиеся пятна, медленно сдувающиеся сферы и прозрачные стены, что окружают нас в истинно видимом мире, и где мы воспринимаем обычным зрением пустоту — пока неизвестные нам виды материи. Я, грешным делом, материалист, знаете ли. И от всех религиозных диспутов далек, так что даже не спрашивайте об этом.

Знаю, что есть радикальные течения в исламе, да и в христианстве, объявившие очки Свиридова даром шайтана. Ожидаемая реакция. Все, что не описано в Коране — зло и противно Аллаху. Помнится, в средние века некий халиф сжег библиотеку, сказав, что противоречащие Корану книги содержат ложь, а повторяющие Коран — излишни. Ничего нового нынешние фанатики не изобрели.

Официальные богословы пока выжидают. Видите ли, использование преобразователя в медицине, геологии, технике приносит немалую прибыль. Открыто объявить сам прибор дьявольским теперь сложно. Объяснить истинный мир пока невозможно. Мы не знаем, все ли из того, что открывает нам преобразователь, существует. Да и то, что существует точно — что это такое? Кротовая Пасть, например, что такое? А ее использование приносит миллионы долларов прибыли ежемесячно. Вот и отыгрываются на тех ученых, которые разные гипотезы об устройстве истинного мира выдвигают.

Конечно, приходится изобретать. А что делать? Любой человек, надевший очки и адаптировавшийся к ним, сразу убеждается, что мир совсем не таков, каким он его полагал. Картина мира рушится, и ее надо чем-то подменить. А священники ничего предложить не в состоянии. Средство религии — рассказ. А преобразователь позволяет видеть. То, что видишь сам — сильнее слов. Так что все визионары пытаются объяснить мир, исходя из собственных представлений. Экстремалы-визионары, кстати, обходятся вообще без объяснений. Чтобы добавлять адреналина в кровь, объяснения излишни. Среди экстремалов уже и зависимость от преобразователя существует, как от телевизора или компьютера.

Я своего мировоззрения после использования преобразователя не изменил. Обострилось одно из наших чувств, мы узнали кое-что новое — и все. Для меня, как ни странно, потрясением оказалась скрытая структура туманов. Да, туманов. Преобразователь показал, что их более десятка видов. Самый изящный — Спираль Готики. Да я вам сейчас нарисую. Художник из меня аховый, но суть я передать попробую. Вот. На что похоже?

Что же, и арки и пчелиные соты здесь видят почти все. А вот основную структуру различают немногие. Поздравляю. Закончим на этом?

Хорошо, только два вопроса. Из уважения к вашему журналу.

Кресты? Знаете, некоторые фигуры отбрасывают в истинном мире проекции. Причем в разных направлениях образуется разное количество проекций. Физики даже видят в этом подтверждение дробной размерности Вселенной. Ну, у нашего мира якобы не три измерения, а одиннадцать или что-то в этом духе. Так вот: крест отбрасывает множество проекций. По оси запад-восток их больше, по оси север-юг меньше. Почему — не спрашивайте. Гипотез не имею. Кресты в истинном мире вовсе не привлекают визионеров к христианству. Скорее, наоборот. Среди них некоторые начинают поклоняться дьяволу и языческим богам. Да и самоубийства среди визионеров случаются чаще, чем среди обычных людей.

Бездушные? Кто?

Так бы и говорили: люди, кажущиеся прозрачными через очки Свиридова. Их всего два процента. Чем они от других отличаются? Вам виднее.

Нет, я не намекаю. Я же сразу посмотрел на вас через преобразователь, едва вы зашли в палату. Предосторожность. У фанатиков очень своеобразная аура. А вы совершенно прозрачны. Аура есть, но — слабо-телесная.

Отлично даже. Прозрачные всегда отличаются отменным здоровьем. Как заболите или рану получите — не дай бог, конечно — прозрачным быть перестанете. Это не навсегда.

А потому, что среди епископов прозрачные почти не встречаются, как и среди политиков. Не гармоничны они. Отменное здоровье тела устойчиво при полной психической нормальности, а она куда реже встречается, чем отличное здоровье. Зависть — древнее человеческое чувство. Так что примите мои поздравления. Спасибо. Мои наилучшие пожелания вашим читателям. До свидания.

«Ступай, прозрачный и счастливый, ступай с богом. Такие, как ты, ни за что не станут приспосабливаться к преобразователю. И замечательно. Тогда

бы ты сразу заметил, насколько темна моя аура. Непременно задался бы вопросом — а как же так получается, что с каждым погружением в истинный мир аура визионера становится темнее? И что происходит с теми, у кого она достигла абсолютной черноты?

Кажется мне, что сам вопрос напугал бы тебя до смерти. Ты ведь, наверное, чутьем догадался бы, каков ответ. ХаХа, а я ведь не сказал тебе, что с такими способностями, как у тебя, ауру можно увидеть и без преобразования. Небольшой психотренинг, немного практики — и ты бы смог различать нас, визионеров, издали. А теперь поздно. Еще несколько погружений в истинный мир — и я встречу Белого Кролика.

Потом, после встречи, у меня будет лишь одно, последнее возвращение в обычный мир. Написать завещание, привести в порядок записи, отдать долги — и последнее погружение, из которого в обывательный мир не возвращаются. Что ждет меня ТАМ? Узнаю. Я — не боюсь».

Об авторе

Родился в 1956 году. Живет в Орле. По специальности психолог, работает в психиатрии. Литературной деятельностью занялся с 2004 году, публиковался в региональных литературных альманахах («Орловский Край», 4ю9выпуски). В 2007 году совместно с И. Афанасьевым опубликовал роман «Последняя надежда творцов», (издатель А. Воробьев, Орел). В журнале «Искатель» (11, 2007) опубликована повесть «Воплощение Великого Брата». Член Союза Литераторов РФ.

Александр Давыдов

Деревянный меч

Глава 1. Мальчик

Юный мой друг, хочешь, я расскажу тебе сказку? Не хочешь? Тогда я расскажу быть. Слушай внимательно.

В одном городе жил Мальчик. Жил он в большущем доме, красивом, как шкатулкаХарчик, куда его бабушка прятала нитки с иглками. Стоял дом тот на пригорке, а вокруг — только маленькие домишки. И Мальчик поначалу такой был маленький, что едва головой до подоконника доставал. Потому ни домов других, ни машин внизу не видел — только солнце, облака и снег зимой. Да еще присаживались голуби на карниз и покурлыкивали: гульХуль.

Каждое утро ходил он погулять в скверик. Мальчик был маленький, потому гулял он с бабушкой, одного не пускали. И правильно делали, городХтобыл непростой, хотя уютный городок, ничего себе. Но совершаХлись там чудеса, и не то, чтобы добрые — недобрые больше. Еще знаки в небе являлись: то крест огромный, то надпись неведомым письмом.

И колдунов было много, и людей с недобрый глазом. Они детей, говоХрят, воровали. КакХтослышит Мальчик — в дверь скребутся. Он дверь и открыл. А ведь настрого ему запретили, на два замка ее запирали, да еще на три щеколды. И ты, юный мой друг, дверь не всем отпирай — люди бывают не только хорошие.

Видит Мальчик лежит прямо на пороге детинаХЖуликан. В рванье одет, босиком, но в галошах. Подмигивает, гримасничает, губы в кровь разбиты. «Кудряш, — спрашивает, — когда деньги отдашь?» «Какие, — удивился Мальчик, — деньги?» Мужчина вовсе незнакомый. А у того, видать, была присказка такая.

Тут бабушка прибежала, Мальчика за шиворот в дом втащила и сразу ему — по заднице. Она добрая была, но вспыльчивая. А детина тут же переХстал паясничать, встал перед ней навывтяжку и руку протянул: подай, мол. Мальчик вдруг нишего пожалел, говорит бабушке: «Дай ему копеечку». Она и дала. Тот вежливо «мерси» говорит, а Мальчику уголком глаза подмаргиХвает: еще повстречаемся. И повстречались, юный мой друг. А может, и нет, сам пока не знаю. А попрошайка, тем временем, ушел.

Так он, наверно, колдун был. У него за спиной мешок, а там — украденХный другой мальчик. Глазом он его усыпил или придавил слегка. «Неслухов они воруют», — объяснила няня. И с тех пор Мальчик стал послушным, но все равно не упасся. Послушным тоже не всегда жизнь — малина. Признаться тебе, послушных я прежде ох как не любил. Встречу послушного, так сразу

хотелось подзатыльник ему залепить. Потом подрос и понял, что маму с папой надо слушать, чтобы они прожили подольше. Очень плохо без них, даже взрослому. Это ты уж мне поверь.

Теперь слушай дальше. Выходил Мальчик с бабушкой гулять на скверик. Скверик же был махонький: деревца хилые, пыльные. Зато посреди не — клумба. На ней маки огнем полыхают, горят как зажженные свечки. В общем, скверик каких много. На скамейках бабушки сидят и — блям блям — соседям косточки переминают. А дети рядом в песочке ковыряются. Но и тут не без колдунов, подохни они все!

Глава 2. Девочка Маша

Ровно в полдень ведьма на сквер выходит, — сухая карга, морщинистая вся, в черном вся, пыльный подол по земле волочит. И замирают все, и затихают все, даже птицы не чирикают. Сидит старая ведьма одна — одиношенька. Она круг на земле своей клюкой чертит, и не заступи за черту — погибнешь.

Мальчик же бабьи сказки не верил. И девочка, подружка его, тоже не верила. Оттого и случилась с ней беда. А добрая была девочка, хорошая, личико ангельское. И в платьицах кисейных ходила, как принцесса. Имя тоже красивое, как нотками жеезинками рассыпается: Мария ее звали. И нет лучше имени во всем белом свете. Для Мальчика имена цветные были. Так это — бледно-розовое, чуть в голубинку, как свежая пастила. Надела Маша как-то Мальчику на палец медное колечко и в щеку его чмокнула.

Ведьма, бывало, как ее увидит, вся слюнями исходила. Текли слюни, на платье капали. И ртом своим беззубым черные заклинания шептала. Уберегал Машу до поры ангел-хранитель. Но ответить ли ему беду своими стрекозиными крылышками?

Разбегались как-то дети, страх потеряли. И заступила Маша за колдовскую черту своим сандаликом. Тотчас земля содрогнулась, стон могучий по скверу разнесся, рык отчаянный. Детишки от страха к своим бабушкам разбежались, носами в их теплые юбки уткнулись. А ведьма — как ни в чем не бывало, только пальчиком погрозила. Коготок свой с улыбкой покусала и говорит: «Хорошая какая девочка, и платьице красивое. Жить бы тебе, да жить». А Маша ей язык показала и — бегом домой.

Наутро Мальчик глаза открыл и видит — сидит на карнизе белая голубка и грустно так курлычет. А носик у нее — красненький, как в крови испачкан. Встал Мальчик с постели и тихонько по стеклу постучал. Скосила к нему глаз своей голубка и ввысь улетела, в небе синем растаяла. Как не было ее.

Погулять вышел Мальчик, смотрит — из-за угла черная карета выезжает. Два битюга ее влекут, черные тоже. Цокают кони копытом, карета по булыжникам переваливается. А тетка-дворница шлангом тротуар поливает. «Совсем дурная, — Мальчик подумал, — все равно ж натопчут».

Сгинула Маша, ангельская душа. То ль во сне, то ль гадкая ведьма ее заколдовала, но встала девочка на подоконник, ввысь взлететь хотела, как голубка. Но злые силы нас книзу влекут, а она жесткая, земля.

Мальчику стало страшно с той поры жить на свете. По ночам в постели ему не спится. Бабушка молитву пробормотала и — храпит. А он мается, ворочается с боку на бок. За окном луна — желтая, полная. На улице голоХ са — шепчутся, перешептываются. Блики на потолке скользят.

Игрушки мальчик совсем забросил, и книжки с картинками. Сидит — смерти боится. Няня, бывало, к нему подойдет, по головке погладит, леденчики сунет, чтобы не грустил. А он ее спрашивает: «Смерть, няня, это когда — как?» Няня у него мудрая была старуха. Она ему отвечает: «Смерть, это когда в землю тебя зароют». Мальчик еще больше пригорюХ нится. Няня тогда ему еще леденчика сунет и шепоткой его перекрестит. МальчикХто шоколадки любил, а не леденчики. Так он их сразу глотал, чтобы не сосать и не грызть зубами. Няню не хотел обидеть. Добрый был Мальчик.

Ты спросишь, юный мой друг, с чего это я панихиду завел, о печальном говорю? Так жизнь, сам знаешь, она разная. Грусть найдет, потом, глядишь, радость наступит. Мальчику нашему и того и другого вдоволь было отпущеХ но. И много в жизни всяких приключений. Так что ты дальше слушай.

А смерти бояться не надо, ведь души наши пребудут вечно. Некоторые, правда, надеются, что таблетку изобретут. Проглотил ее, и не умрешь никогда. Вот и мальчиков папа всем хотел бессмертную жизнь подарить. Он был ученый. Об этом я сейчас и расскажу.

Глава 3. Микроб Виталий

Приходит какХтовечером мальчиков папа домой. Шляпу с головы снИХ мает, цепляет ее на вешалку. Совсем забыл сказать, что у Мальчика родни было видимоХневидимо. Мама с папой, конечно, и еще: дяди, тети, братья двоюродные, и даже племянник — здоровенный верзила. Они все вместе жили. Потому толчея была в квартире — не протолкнуться. Чтобы умыться утром, с вечера очередь занимали.

Так вот. Пришел папа домой, плащ на стул бросил, из кармана газету вынул, ее в трубочку сложил и — хлоп по стенке. Муху убил. Ну и что? — ты спросишь. Пока ничего.

Потом разворачивает он газетку, на стол кладет и сверху рукой прихлоХ пывает. Тут семейство сбегается, и все газету рассматривают. Там на черном фото — тот же мальчиков папа. Ему лысый карлик руку пожимает, а папа радостно улыбается. Дяди с тетями тоже чемуХтообрадовались, стали папу по плечам хлопать, подлизываться. А он из кармана блестящую медаль вынимает. На пиджак себе прицепил и грудь колесом выпятил.

Тут один дядя под шкаф залез, достает бутылку с вином. Племянник, здоровый балбес, за пазухой порылся — вынимает маленькую бутылочку. Бабушка поворчала, но вынула из буфета красный графинчик. И стали взрослые пировать. А Мальчик? — спросишь ты, друг мой. Мальчика, как всегда, спать отправили.

А ему только того и надо. Взял он потихоньку со стола газету и спать пошел. Как бы спать. А сам хочет прочитать, что там про папу написано.

Лег он в постель. Ночничок зажег. И только тут вспомнил, что читать Хтоне умеет. Теперь ты видишь, мой юный друг, что любые знания полезны. Еще не раз ты в этом убедишься.

Мальчик упорный был и не лишен способностей. Поутру утащил он у своего племянника, — тот, хотя и здоровый детина был, но второгодник, — букварь, и стал буквы учить. Ты спросишь, отчего б ему к взрослым не обратиться за помощью? Но уж такой был по характеру, до всего сам любил доходить. Постарался, и за одну неделю выучил буквы. Не веришь? Ну, за две. Хорошо, за три с половиной.

Потом прочитал все вывески в округе. И вновь раскрыл газету. Заглавие Мальчик всего за час осилил. Оно было такое: «Жизнью смерть поправХший». Это, значит, мальчиков папа смерть жизнью поправ. То есть, ну, победил, что ли. Не сказать, чтоб умное название. А потом вот что газетчиХки написали. Изобрел, мол, папа жизненного микроба, поЖнаучному: «микробус виталис». Это Мальчик хорошо запомнил — микроб Виталий. Если Виталия в бутылочку с водой запустить, начинает он там делиться и множиться. Теперь им всю еду опрыскают, уверяли газетчики, и люди никогда умирать не будут.

Прочитал это Мальчик и обрадовался. Больше не грустит, стал веселый, как прежде. Не знал, что в газетах, случается, и неправду пишут. Ну не совсем ложь, а так, наполовину.

Но люди, вроде, и впрямь больше не умирают. Раньше, бывало, оркестр похоронный часто играл — барабаны ухали, литавры звякали. Теперь — месяц за месяцем и — ни одних похорон. Кладбище рядом было, так на нем детскую площадку устроили. Находят дети в земле черепушки, косточки и с ними в салки носятся. Не все ж дети умные, как ты, юный мой друг. Перестали люди умирать, но пришла другая напасть. О том в следующей главе.

Глава 4. Папа пропал

Люди теперь не умирают, но вдруг пропадать стали. Днем — здоров, вечером — бледный сидит, дрожит весь. Утром — нет его, как льдинка расХтаял. И куда подевался? А спросит Мальчик, ему в ответ: «Тсс, тсс, ты еще маленький».

В квартире, где Мальчик жил, чуть не все истаяли. Бывало, за стол садиХлись, тарелок не хватало. Теперь, вон, мама сидит — слезы в суп роняет. Папа сидит — в задумчивости медалькой поигрывает. Няня за стенкой шарХкает. А больше и нет никого. Как ветром всех сдуло — и дядей, и тетей, и братьев двоюродных, и даже племянника. А потом и бабушку — добрую старушку. Ветры в ту пору сильные в городе дули, с ног сшибали, фонари раскачивали, на разные голоса стонали и плакали.

У няни в закутке теперь всегда лампадка теплилась — маленький такой огонек. А Мальчику все ночи один сон снился. Дева к нему приходила, красоты дивной, в венке из розовых цветочков. Смотрела на него печально, а потом в фортку улетала.

Однажды как-то особенно грустно она на него взглянула. Проснулся Мальчик, глядит — пожар, вся квартира пылает. Испугался, к маме побежал. Смотрит — нет никакого пожара, только свет везде горит. Люстра большая сияет, огоньки во всех хрусталиках искрятся, лампы настольные, торшеры светят. И лампадка нянина теплится. Под ней няня сидит, толстую книгу читает, губами шевелит. А рядом с ней — мама. Коса ее длинная распущена, в темных глазах свет переливается. Мама молчит, няня тихонько губами бормочет. Из-под шкафов и диванов холодом веет. И сидит у стола на кресле папин костюм, рукава до пола свесил, брючины одна на другую закинул. А на лацкане — медаль блещет. Нет в нем папы.

Тут няня к костюму подходит. Медальку с него отстегивает, достает деревянные плечики и костюм в шкаф убирает.

С тех пор совсем пустая стала квартира. Хоть бегай, хоть в прятки играй, никто не заругает. Да и ругать-то некому: мама из угла в угол ходит в халате и шлепанцах, няня беззубым ртом шамкает. Тихо в квартире стало, только часы время отбивают: блямс, блямс! А часы старинные, бьют, когда вздумаешь и по скольку хотят.

В скверик Мальчик больше не ходит, да там и невесело. Ни ребятишек, ни детей с бабками. Только одна ведьма старая сидит, колдовские значки клюкой на песке вычеркивает. Вся расфуфыренная — на каждом пальце по перстню рубиновому. А может, так, стекляшки. На шее ожерелье из зубов человеческих.

Ты спросишь, откуда у нее такое ожерелье? Ответу: ее сынок из Африки прислал. Он там в диком племени зубным техником трудился. Голова у ведьмы трясется, зубы клацают. И черные машины по улицам туда-сюда носятся.

Опустел совсем дом-хрущовка. Квартиры стоят пустые, в них ветер свищет. А по ночам ведьма по дому ходит, печати сургучные к дверям прикладывает и своим волшебным перстнем запечатывает. Ух, как страшно, мой юный друг. Но моя была только для смелых. Ты — смелый, потому слушай дальше.

Глава 5. Нянина деревня

Прошла зима, весна наступила. Только лишь зацвели маки в скверике, стали мама с няней в путь собираться, и Мальчика собирать. Сами надели пальто драповые, Мальчика потеплее одели. Котомочку ему завязали, там — сухари и пшеница кулек. Потом сели в поезд и вдаль поехали.

Сперва поля за окнами летели, потом пригорки, потом леса дремучие. Елки белесые стоят, словно в инее все. Как заехал поезд в самые дебри, няня машинисту говорит: «Стой, милок, прибыли». Сперва няня на землю прыгнула, потом мама, и — Мальчика подхватила. Машинист дал свисток и уехал.

А перед ними лес стоит стеной, ни тропы, ни прогалинки. Взмахнула няня рукой — расступился лес, просека пролегла. Пошли они по тропинке и до деревеньки добрались. Деревенька маленькая, хуторок в лесах затерянный, домов десятка два. Там няня прежде жила, пока в город не переехала.

Ведет их няня к самой развалюхе и дверь ключом отпирает. А в избушке — пылища с паутиной. Пауки — во, какие! На спинах кресты. Взяла няня веник, паутину обмела. Разогнала всех пауков. Потом растопила печку, кашу сварила. Поел Мальчик каши и спать улегся.

Живет Мальчик с тех пор в деревне, а там, не как в городе. Петухи кукаХ рекают, птицы поют, лягушки квакают. По утрам он пьет молоко парное. А в нем, мой юный друг, ты знаешь — самые витамины.

Речонка в лугах вьется. Вода там прозрачная, но коварная — ключи, омуты. Говорили, там русалка прежде жила. По ночам на берег выползала, песенки мурлыкала, золотую свою косу пятерней расчесывала. Но это давно было. Сказывают, какХтомужики приехали городские. Русалку сачХ ком выудили, в большую банку посадили и в город увезли, в цирке показывХ вать. Оттого и невзлюбила речка людей — тоскует по русалочке.

А деревенскиеХто,чем виноваты? Люди они ласковые, вежливые, всегда «здрате» скажут. Встречаются, мой друг, и такие деревни. Прежде там одна ведьма жила, да померла давно. А теперь словно бы все про деревеньку забыли, даже людское зло ее до поры обходило. А про ведьму вот что няня рассказывала.

Тогда няня молодая была. Они с ее бабкой ведьму к себе домой заманиХ ли. Сама няня, будто на двор пошла, а бабка с ведьмой чай пить остались. Вышла няня за порог и ножницы в дверь снаружи вонзила — не любят этого ведьмы. И еще иголок в дверь напырjala.

Заходит обратно в горницу. Ведьма чай не пьет, руками по себе шарит, словно у нее внутри печет. Бежать хочет, да никак дверь не откроет. Тогда подпрыгнула, как лягушка, и — в окно.

Пошла няня наутро ее проведать, а та под одеялом драным лежит. Просит: «Кинь меня, голубушка». Няня — опрометью домой. Недели не прошло, как померла ведьма.

— А куда, кинь? — Мальчик няню спрашивает.

— Куда б никуда, хоть бы на пол, — отвечает.

— И тогда что?

— Сама ведьмой бы сделалась. Им перед смертью надо колдовскую силу отдать, чтобы душа успокоилась. А так, нет ей покоя, горемычной.

Но всеХтаки,приняла, видать, няня капельку колдовской силы. Она по полям ходила, собирала травы и корешки. Отвар из них варила и поила Мальчика. Тот, как попьет, разом на вершок подрастает. Широкоплечий стал, сильный, на кулачки двоих побивал. Жить бы ему да жить в деревне, если б не пришла беда. Но сначала я про другое расскажу.

Глава 6. Тетка Тоска

Жила в деревне одна старушенция. На ведьму похожа, но добрая. Только странная — плоская вся, в черном платье, в ботиках черных на каблукке. На ухе — пенсне болтается. Папироски, как мужик, одну за другой смолит. И всегда у нее под рукой черный саквояжик.

Сидит она целый день на завалинке и только одно слово произносит:

«ТоскаХаХа». Жалобно так, протяжно: «ТоскаХаХа, тоскаХа». Ее и прозваХли — тетка Тоска. Но без злобы, потому что она добрая. И вот почему добрая.

Когда она молодая была (трудно поверить, но все когдаХтомолодыми были), она злых людей ненавидела люто. Как злодея увидит, сразу бомбу достает и — в него.

Забоялись во всем государстве злодеи дурные дела вершить. А пуще всех царь перепугался. Тогда еще царь страной правил, злой был — ужас. Заперся царь в своем казначействе на два замка, да еще на три шеколды. Сидит — нос оттуда боится высунуть. А шпионам своим велел девушку ту поймать и ему на суд представить. Долго ее шпионы ловили, пряталась она по чердаХкам и подвалам, а добрые люди ей помогали. Наконец, нашелся самый умный шпион. Изловил он женщину и к царю приводит.

А времениХтомного прошло. Прежний царь умер — по слухам, огурцом подавился. Заходят они в тронную залу, а там другой царь сидит. С виду вовсе не злой, а вроде как — добрый. И простой совсем, простоватый. Не на троне сидит, а в кресле, и не корона на нем, а мягкая шляпа. Встает он с кресла, к женщине подходит и обеими руками к сердцу ее прижимает. Потом глаз прищурил и говорит: «Спасибо тебе, сударыня, за твою доблесть. Держи главный орден». И бриллиантовую цацку ей на шею вешаХет. «Теперь, — говорит, — отдохнуть тебе пора. Поезжай в деревню, живи на покое. А всех злодеев, мы и без тебя порешим». Так понимаю, что и новый царь ее опасался.

Не то, чтобы тетка ему совсем поверила, но ей и опомниться не дали — взяли шпионы ее под руки и отвезли в самую дальнюю деревню. Там и стала она Тоской. А бриллиантовый орден у нее по дороге сперли. Не все ж люди честные, верно ведь? Только и остался у тетки черный саквояжик.

МальчикуХтохорошо в деревне жилось, а мама его совсем загрузила. Раньше она большая была, красивая, высокая. Теперь немного сгорбилась, поседела, совсем старухой стала. Бывало, к тетке Тоске на завалинку приХсаживалась. Рядом сидят и молчат, вдаль смотрят. Выдохнет тетка свое слово заветное, а мама ей тихо губами подшепчет. Прокартавит тетка поХиюстранному, а мама ей в ответ головой кивнет. Так и сидели.

КакХто разбудила няня Мальчика с утра пораньше. Молока плеснула ему в кринку. Потом дает в руку туесок и говорит: «СходиХа ты в лес, грибов собери. Мы их на зиму засолим». Удивился Мальчик: прежде его в лес одного не пускали, больно дремуч лес тот. Няня, видать, наперед беду почуяла.

— А мама не заругает? — спросил Мальчик.

— Ты мамку не буди, — няня ему говорит. — Она всю ночь промаялась, под утро только заснула. Ты с ней молча попрощайся и в лес беги.

Подходит Мальчик к маме. Красивая она лежит, волосы пепельные по подушке разбросаны. Дышит ровно, чуть с присвистом. Поцеловал он маме руку, ту, на которой кольцо обручальное, и в лес пошел.

Бродит Мальчик по лесу, а грибов не находит. Видно, не пора. Только мухоморы одни с белыми пупочками. И лес темный, неухоженный, мертХвые деревья в повал лежат. И тропинки все перепутаны. Заблудился Мальчик, словно его лешак водит.

Вдруг слышит он ровный шорох — шухХшухХшух Зверь так не шуршит, но ведь человек иногда страшнее зверя бывает. А в том лесу, говорят, беглые каторжники селились. С топорами разгуливали, в красных рубахах, веревХкой подпоясанные.

Припал Мальчик к земле, осторожно изХзадерева выглянул. А там на поляне тетка Тоска прохаживается, траву косит. У нее здесь делянка была.

Пенсне у тетки на ухе тудаХтуда мотается. Выкосила она всю поляну, косу травой обтерла и в землю ее воткнула. Золотится солнце на лезвии. Потом на скошенную траву присела, устала, видать. Косица у нее венчиком на голове уложена. Распустила тетка пучок, косицу по земле расстелила. Тонкая она у нее, но, как змея, длинная. Тетку Тоску ему чего бояться? Он ведь не злодей какойХнибудь. Вышел Мальчик на полянку.

— Привет, — кричит, — тетка Тоска, я есть хочу!

— Поешь, — говорит, — мальчик.

И сухой своей рукой мухомор срывает, Мальчику протягивает. Не хочетХся Мальчику ядовитого гриба отведать, но посмотрел он на тетку Тоску — и вдруг ему стало боязно. Глядит она строго, а лес глухой, места безлюдные. «Ладно, — думает, — пожую, потом выплюну». И откусил белую пупочку.

Тут у Мальчика искры из глаз посыпались и стали парить в воздухе. Каждая искорка звучащая была, и заиграла музыка дивная. Стал Мальчик вырастать и раздуваться. Как весь мир стал он велик и головой в небо уперХся. Тетка Тоска вокруг него птицей вьется, взмахивает черными рукавами. Дорос Мальчик до самых небес и оттуда на землю шмякнулся. А рядом тетка Тоска сидит и усмехается.

— Спасибо, тетка, — он говорит, — накормила. Теперь я домой побегу, к маме.

Та грустно на него посмотрела и говорит:

— Нет у тебя, мальчик, дома, и мамы нету. А тебя я спасу, ты со мной пойдешь.

— Ан, не пойду.

— Тогда я тебя силком, — говорит, и косицу свою у него вокруг шеи узлом затягивает. И еще сказала:

— Никого больше на земле нету. Леса одни остались дремучие. По ним псы одичавшие бродят, кровушки твоей хотят.

Не успел Мальчик испугаться, как совсем близко моторы зафырчали. Дорога оказалась рукой подать. Думает он: «Обманула меня тетка Тоска». И хотел к людям бежать. Но тетка на него змеей зашипела: «Сиди, — цыкХнула, — где сидишь». А сама, чуть пригнувшись, к дороге поспешила. За ней и Мальчик украдкой.

Глядит: пылят по дороге две машины грузовые, а на них — люди с ружьяХми. Разгребла тетка валежник, пулемет выкатывает и — ну по тем садить очередями. Они машины остановили, на землю попрыгали и за кочками все залегли. По ней из ружей стали пулять.

Только кто из них голову поднимет, тетка на ручку жмет и пули — вжикХвжик. Так, пока все до последней не расстреляла. Потом на дорогу выходит, руки подняла: мол, сдаюсь. В зубах папироску курит, а саквояжик у ног положила.

Те к ней сразу кинулись. Тогда достает тетка Тоска из саквояжа бомбу, папироской ей фитиль поджигает и — прямо себе под ноги. ТрахХбабахХ тарарах! — и нет уже никого на дороге, ни тетки Тоски, ни людей с ружьями. Только ее пенсне на суку раскачивается.

Бросился Мальчик бежать по дороге пустынной, и вот уже крыши деревенские видны.

Глава 7. Земляной холм

Прибежал Мальчик в деревню. Видит — тихая деревня, странная. Трубы не дымят, окна в домах побиты, двери нараспашку. Вбегает он в свою избу. «Мама! — кричит, — няня!» Нет никого, только нянина лампадка в углу теплится.

Обошел Мальчик всю деревню, в каждый дом заглянул — нету людей, одни тараканы по стенам ползают. Вышел он за деревню, в поле. А там — холм земляной за день вырос. Пар от него идет, а на верхушке ворона сидит, каркает, на тетку Тоску похожа. Тут вдруг понял Мальчик, что никогда больше он мамы с няней не увидит, и заплакал от горя.

Вдруг слышит Мальчик, в крайнем домике словно кто мяукает. Подумал: «Может, хоть котенок остался». Заходит он в избушку, но там тоже ветер свищет. Только под кроватью некто попискивает тоненько. Заглянул Мальчик под кровать, а оттуда Розка вылезает.

Она подкидыш была. Нишенка прохожая ее подбросила. А когда малышке кулачок разжали — видят, там розовый лепесток лежит. Пригрели ее добрые люди и назвали Розкой. Вечно она по деревне ходила замурзанная и сопливая. А Мальчик и ей рад.

Бледненькая она такая была. Говорили, у нее глисты. Это, юный мой друг, оттого, что она руки не мыла. А ты моешь руки перед едой? Я вот, например, мою и перед, и после. Даже ночью встаю помыть руки, всю кожу стер до дырок. Так меня с детства приучили. Да шучу, шучу. Мою, как все нормальные люди, раза триХчетыре в день, не больше.

Стал Мальчик Розку расспрашивать, тормошить. А она дрожит только и глазами хлопает: чужие, мол, приехали, с перепугу залезла под кровать, ничего не знаю и не ведаю.

Ну что ж, вечереет уже. Страшно в пустой деревне, надо к людям идти. Взял Мальчик свою котомку и еще — меч деревянный. Меч этот вот как Мальчику достался.

Захотел он себе оружие сделать из крепчайшего дерева, чтобы в бою не подвело. А вокруг деревеньки все деревья были гниловатыми и трухлявыХми. Пощупает Мальчик кору, она под руками крошится. Глядит — на опушХке стоит дерево могучее, все в зеленых листьях. Только один голый сук торчит. А на суку том сидит ястреб, своим круглым глазом на Мальчика зыркает. «Вот бы из чего меч», — подумал.

Бросил он в ястреба камень, чтобы согнать с дерева. Взлетела могучая птица ввысь, а потом на Мальчика кинулась, в глаза ему когтями целит. Отогнал ее Мальчик. Вновь поднялся ястреб в небеса и оттуда камнем на

Мальчика ринулся. Теперь в темноте норовит вцепиться. Снова Мальчик его отогнал, а тот опять на него с вышины падает.

Третий раз прогнал Мальчик ястреба. Парит он в синем небе, крыльями не шевелит. Тогда срубил Мальчик сук топориком, меч из него вырезал, узором изукрасил. И научился хорошо мечом орудовать. Бывало, на луг выйдет, всем одуванчикам головки посшибает, а те белым соком сочатся.

Взял Мальчик Розку за грязную ручонку, и пошли они. Мимо конюшни идут, ржанье оттуда раздаётся. Глядят: кобыла там стоит, тощая, ребра видны. Взял Мальчик клячу под уздцы, из конюшни ее вывел.

Затем взглянул он последний раз на деревню, рукой махнул на прощание. А ворона на суку «карр» говорит. Он и вороне махнул: «Прощай, тетка Тоска». «Меррси», — каркнула в ответ ворона и улетела.

Вскочил Мальчик на свою кобылу, а Розку впереди усадил. И поскакали они. Да как — поскакали? Поплелись, лучше сказать. Лошадь шаг ступит и встанет — ни тпру, ни ну. Пятками Мальчик ее лупит, мечом по задку хлопает. Тогда еще раз шагнет.

Долго они ехали, но добрались все-таки до ближней деревни. Уже совсем свечерело — звезда первая в небе зажглась, и месяц острым краем тучи режет. Подходят дети к одной избушке, тихо в окно стучат. В том доме почтальонша жила. Она письма носила и к няне забегала ласы поточить.

Открыла почтальонша дверь и глядит, словно не узнает.

— Ты, мальчонка, — спрашивает, — чей будешь?

— Я из ближней деревни, тетенька. Мы с мамой из города приехали.

— Да кто ж, — тетка говорит, — тебя такого молодого врать выучил? Ближнюю деревню придумал. Сроду здесь живу — ни одной деревушки вокруг, леса да болота.

— Сама врешь, тетка! — это уже Розка встряла.

— Вот тебе, — та говорит, — сопливая, святой истинный крест.

И со лба до пупа всю себя перекрестила. Потом к чему-то мужика своего из горницы позвала. Тот старикашка был глуховатый и придурочный слегка — на войне ему пуля в лоб попала. Он: эх-эхэ мэ-эхэ ничего понять не может. Так и ушел в горницу. И тетка за ним вслед. Только охапку сена детишкам выбросила. Говорит: «Поспите до утра, а там — чтоб духа вашего не было. Еще чего сопнете, попрошайки».

Вот стерва. Это Мальчик подумал. А потом заснул. И вновь женщина ему явилась красоты неопишуемой. И вроде на маму похожа, а вроде — не она.

— Ты мама? — Мальчик у нее спрашивает.

— Мама, — отвечает.

— Так убили ж мою маму.

— А у меня, — говорит, — сыночка убили.

— Так жив я, мама.

— И он живой, — говорит женщина, и уходит стала, в лунном луче в небо возноситься.

— А звать тебя как? — Мальчик ей вслед кричит.

А та уже издала, тихо: «Машей звать, Машей».

Глава 8. Дети становятся невидимками

Проснулся Мальчик утром туманным. Петух ему хозяйский в ухо кукаХ рекнул, да еще в нос клюнул. Трет он голову, все вспомнить пытается, к чему покойники снятся — к ненастью или к хлопотам. Няня ему объяснила, да он позабыл.

Взял Мальчик клячу свою под уздцы, Розку разбудил и пошли они по деревне. Люди им встречаются, но, словно, детишек не видят. «Неужто, — думает Мальчик, — мы за ночь невидимками сделались?» В лужу он погляХ дел и Розку поглядеться заставил. Чистая лужа, никто в ней не отражается.

Понял тогда Мальчик, что зачаровали его, чтоб ни единому виден не был. И Розку с ним вместе. То ли та злая баба их сглазила, то ли добрая сила упасает. И не поймешь.

«Может, я и вовсе помер», — Мальчик думает. Но, если думает, значит — жив. Да и дурачок деревенский детишек увидал и заплакал горько. Он обсоХ санный сахарок изо рта вынул и Розке отдал. Еще у Мальчика от голода кишки ноют. Значит, жив точно. И Розка канючит: «Кушать хочется».

Заходят они, невидимые, в избенку. Там дед с бабкой сидят, кулеш треХ скают. Мальчик тоже за стол уселся, тарелку к себе пододвинул. Смотрит дед: тарелка сама собой по столу путешествует, и удивился сильно. А Розка у него ложку прямо из руки выхватила. Глядит дед: ложка сама по воздуху парит. И последние волосинки у него на голове дыбом встали.

А бабкаХтоподслеповатая была, — знай себе, кулеш уписывает. Сплюнул дед через левое плечо, чтоб домового отогнать, и — ну, за ложкой по избе гоняться. А Розка его поманит, да увернется. Умаялся дед. Хотел опять через плечо плюнуть, но от беготни у него во рту пересохло. Махнул он рукой и полез на полати.

Прожили детишки в деревне с неделю. Питались сытно — все дворы обошли, чтоб одних в расход не вводить. Пора и честь знать — стали они в путь собираться. Опять в каждый двор заглянули, у кого маслица взяли, у кого салца, у кого яичек. Это, юный мой друг, они плохо поступили. Но ты с папойХмамой живешь, а они сиротинки на всем белом свете.

Сложили дети все в торбочку и свою кобылку кликнули. А кобыла, — она, должно быть, тоже стала невидимой, — на чужих харчах ух, как отъеХ лась. Блестит вся, лоснится. Вскочили дети на кобылку и вдаль понеслись.

Видят — разбойники на дороге мужичка грабят. Тот с базара ехал, так они телегу остановили, из обрезанных ружей ему в сердце целят. А у самих рожи дикие, волосом рыжим заросли.

Мальчик с кобылки соскочил, выхватывает свой меч деревянный и бьет без промаха — разбойнику прямо в лоб. Тот — брык, и лежит. Розка тут как тут: к другому подбегает и босой пяткой прямо ему в живот — раз! Повалился разбойник наземь, а его ружье вверх выстрелило. Оттуда ему еще дохлая галка на голову шлепнулась. Аж взвыл разбойник от ужаса и тоже — лежит, не шевелится. А мужичонка мелкими крестиками перекрестился, стегнул свою лошадку, и — деру.

Сняли Мальчик и Розка с разбойников их кожаные ремни и портупейХ ки, накрепко ими руки злодеям связали и на дороге лежать оставили. А

ружья их об дерево жажнули. Затем на свою кобылку опять вскарабкались и дальше помчались.

Глава 9. Старец

Подъезжают детишки к озеру. Оно глубокое, вода в нем синяя. Облака по сини плывут, и ветер воду не колышет. А на берегу старец сидит. Голова у него длинная, лоб чистый, только одна прядка посередь лба свешивается. Расстелил тот старец перед собой белый платок, а на нем — ржаной хлеб кусками, сольцы горсть, яичко облупленное и молока кружка.

Задумали дети подшутить над старцем. Слезли со своей коняги, к нему подходят. Мальчик кус хлеба с платка берет, Розка — яичко облупленное. Посмотрел на них старец голубым своим взором и говорит:

— Кушай, мальчик, кушай. И ты угощайся, роза красная.

— Ты что ж, видишь нас, дедушка?! — Это они оба разом воскликнули.

— Все я, детки, вижу — и глубины морские, и высь небесную, и Ангелов Божьих, словно вас вот.

— А как зовут тебя, дедушка? — Мальчик спросил.

— Как тебя, — отвечает, — так и меня.

А МальчикХто позабыл свое имя. Его все малыш звали, мальчуган, парХнишка, сыночек. По имени редко кто. «А меня, как?» — Мальчик спрашиХвает.

— Я тебе, — говорит старик, — на ухо шепну.

Приблизил губы к его уху, бородой пощекотал и слово произнес. Узнал Мальчик свое имя.

ПопилиХпоели, старик говорит: «Будет вам, детишки, невидимками ходить. От жизни все равно не спрячетесь. ПойдемХка, — сказал, — роза красная».

Берет Розку за руку, к озеру подводит, свою руку в воде обмакивает и ей по лицу проводит, а потом еще по волосам. Рожица у Розки была замурзанХная, а когда вода голубая всю грязь и сопли с нее смыла, стала Розка красиХвой девочкой. И глазенки ее засверкали.

Потом и Мальчика старец обмыл, чистую рубаху ему подарил, рукой волосы пригладил. А потом пук травы нарвал, обмочил в озере и конягу начисто вымыл. Стали они видимыми.

Только закончил, тучи собрались, гром прокатился, молнии в небесах воссияли и ливень грянул. «Пойдем, — говорит старец, — от дождя схороХнимся». Над озером маленькая церковка стояла, маковка ее в воде купаХлась. Укрылись дети со старцем в церкви, а кобылу к стенному кольцу приХвязали.

В церковке иконы ни единой, и свечи не горят. Мешки пыльные повсюду навалены, сапожищами натоптано. Стены все божественными образами расписаны, но облупились они — где только рука осталась, где — нога. Только лик один под самым куполом сияет, девы пречудной, что Мальчику во снах являлась. Как есть, нетронутый.

— Кто она, дедушка? — интересуется Мальчик.

— Это Матерь Божья, Пресвятая Дева Мария, — отвечает. — А ты теперь спи, мальчик.

Повалились дети на пыльные мешки. Обнялись они с Розкой, чтоб теплее было, и заснули. Проспали всю ночь без единого сновиденья.

Просыпаются утром — нет старца. Розка говорит: «Куда дедХто подевалХся? Не свел ли нашу кобылку?» Вышли детишки из церкви. Глядят — мир Божий солнцем сияет, в небесах радуга переливается всеми цветами. А по синим водам озера тот старик идет, и в воде не тонет. Меньше, меньше делается и — пропал вовсе...

Глава 10. Остров мертвых

Вскочили дети на свою кобылку и дальше поскакали. Наконец добраХлись до железной дороги. А по рельсам — чукХчукХчукХтуХту- поезда ходят, вагоны открытые тянут. А на тех вагонах — пушки, бомбы, машины военХные. И солдатики на них едут, на губных гармошках наигрывают, в присядХку пляшут. А стрелочник поездам два флажка показывает, один — желтый, другой — красный.

Идут детишки к стрелочнику, Мальчик спрашивает:

— Отчего поезда пушки и солдат везут?

Тот свою фуражку за лаковый козырек приподнял, средним пальцем лоб почесал и говорит:

— Ты, малый, с луны что ль свалился? Мы уж почитай два месяца с враХгом воюем.

Тут конный отряд подъезжает. Впереди — командир с флагом. Стрелочник к командиру бежит, и принялся ябедничать:

— Какой, — говорит, — здесь мальчонка странный. Может, он вражеский шпион, рельсы взорвать хочет.

Командир окинул Мальчика молодцеватым своим, орлиным взором.

— Ну, шпион, — говорит, — должно быть, не шпион, мал еще. А вот коняХга у него добрая. Отдавай, мальчик, свою кобылу, я ее на войну забираю.

Ускакал отряд и кобылу с собой увел. Стоит Мальчик, слезы у него капаХют, и Розка рядом подвывает тоненько. А стрелочнику, видать, и самому стыдно стало. «Куда, — спрашивает, — детишки, путь держите?» Не хочет Мальчик с ним говорить, отворачивается. Розка ему язык показала. А тот говорит: «Сейчас мимо самый дальний поезд пройдет. Сядете в него, и отвезет он вас хоть на край света».

Тут же поезд изХзалеса — чукХчук. Поднял стрелочник красный флажок. Пыхнул паровоз паром и останавливается. Залезли Мальчик с Розкой в теплушку, на полку улеглись и уехали.

Поезд тот и впрямь был самый дальний. Едут детишки день, едут месяц, целый год едут. Питаются тем, что люди добрые подадут. Не жировали, но и с голоду не померли. КакХто просыпаются оттого, что машинист их за плечо треплет. Стоит он перед ними веселый, весь паровозным маслом перепачканный и говорит: «Стоп машина, самый край света, дальше некуда ехать».

Сошли дети с поезда. Видят — океан перед ними. Волны огромные ходят, берег весь в пене морской, а другого берега не видно. И зверь водяной клыкастый на берегу лежит, хвостом пену пахтает. Верно: самый край света, нету дальше пути. А поезд-то назад уехал, только рельсы гудят.

Пошли дети обратно по рельсам железным, по шпалам деревянным. Но рельсы путаются, ветвятся, верного пути не сыщешь. Забрели дети в самую глушь лесную. Вдруг слышат — топорами дерево рубят. Обрадовались детишки — человек рядом. Да, какая ж радость?

Бегут они туда, откуда топоры слышатся, а кругом ни единого деревца. Пни только, да земля вся щепками устелена. Глядят — вышка деревянная, на ней военные люди с ружьями. И псы брешут цепные. А вокруг вышки другие люди лес рубят. Одеты все в полосатое. «Черти, черти», — Розка шепчет и быстро-быстро перекрещивается.

А люди и вправду на людей непохожие. Не лица у них, а черепушки черной кожей обтянутые. Не туловища у них, а скелетоны. Бежать надо. Тут скелетон один свою голову-черепушку к Мальчику обернул. Видит Мальчик и глазам не верит — это отец его пропавший. Худой только.

Отец Мальчика тоже узнал и закричал жутким голосом. Тут псы забре-хали злобные, ракеты сиреневые в воздухе вспыхнули, как на празднике. А солдаты с вышек стали в Мальчика и Розку из ружей бахать. Тут бы им убежать, а ноги не слушаются.

Вдруг — с небес свечение розовое. В нем Матерь Божья с неба спуска-ется. Руками своими белыми она пули подхватывает и складывает в голу-бое лукошко.

Дети наконец опомнились и убежали. Бегут они по лесу, Мальчик сквозь сухие ветки мечом прорубается. Так и добрались до великой реки. Вода в реке темная, холодная. А на другом берегу огоньки мигают. То ль рыбаки костры жгут, то ль — разбойники.

Идут дети по берегу. Видят избушку. «Наверно, — подумали они, — домик рыбацкий». Зашли в избу, на пол повалились и уснули оба. Устали очень. Приснилась Мальчику нарисованная картина, которую прежде в городе видал. Называется «Остров мертвых». И он во сне подумал: «Наверно умер мой папа».

Глава 11. Атаман

Просыпаются дети среди ночи. За столом сидят люди, из полштофа брагу пьют и дикими голосами регочут. На разбойников похожи. Кричит их атаман Мальчику: «Деньги-то, кудряш, отдавать будешь?» «Нет, — отвечает Мальчик, — у меня денег». И на атамана посмотрел. Глядь: это тот самый попрошайка, только брюхо себе отъел. Сидит подбоченьясь, в красной шапке набекрень. «Убьют», — Мальчик подумал.

Атаман своими черными глазами, как в душу ему заглянул. Говорит:

— Не лиходеи мы, к чему нам тебя убивать?

— А может, и зарежем, — говорит другой бандюга.

— Зажарим, — поддакнул третий.

— И сожрем с картошкой, — еще один сказал.

Тут вскричал атаман: «Цыть, шаромыги! На благодетеля своего руки не подниму!» И Мальчику: «Ты, — говорит с усмешкой, — за бабушку свечку в церкви поставь. Не жить бы тебе, кабы она не подала мне копеечку». Тут заржали все тати, гнилые зубы оскалили.

А Розка пискнула:

— Ты, дяденька, разбойник?

— Не слушай их, — отвечает, — мы люди мирные. — И Мальчику: — Ты, мальчуган, пока спи. Утром с тобой побалакаем.

Разбудил атаман Мальчика ранним утром. Шайка вся спит, носы в стол уткнули, храпят могуче, свищут. Полштоф допитый на боку валяется.

Выводит атаман Мальчика из домика, лесом ведет, перелесками. Приводит на поле огромное. А поле горит. Жолыхает, все красными маками поросло. Стоит Мальчик, любитесь. Атаман же рукой вокруг обвел. «Вот, — говорит, — мое богатство».

Роса с цветов испаряется, вьется над полем легкий пар. Он с запахом цветочным перемешивается и льется Мальчику прямо в ноздри. Голова у него закружилась. Атаман его подхватил, а так — упал бы.

Говорит атаман:

— Дело тебе вот какое будет. Только свечерее, поплывем мы с тобой к другому берегу на лодке. Там уж — иная держава. К берегу пристанем, я тебе мешочек дам.

— А что в мешочке? — Мальчик спрашивает.

Атаман говорит:

— Меньше знать будешь — проживешь дольше, и сестренка твоя. — И дальше продолжает: — Там пограничники на конях гарцуют. Чужих, ох не любят. Но ты ужом проползешь до самого перекрестка дорожного, где два деревца растут. Там тебя человек встретит. Ты мешочек ему отдай, а сверток возьми. И мне принесешь.

— А как человека узнаю? — Мальчик его спрашивает.

— Узнаешь, — атаман смеется. — У него башка вся бритая, а за спиной черная коса болтается.

«Чудак какой», — подумал Мальчик.

— А коль поймают, что мне сделают? — спросил.

Атаман подумал и отвечает:

— Ну чего тебе, мальцу, сделают? Плеткой отлупят и обратно на лодке свезут. А про меня пикнешь, — атаман ощерился, — хоть под землей сыщу и язык твой поганый отрежу. — И нож показал.

Мальчик. Кто, конечно, понял: кто их знает, разбойники — не разбойники, а делишками они дурными занимаются. Да что поделать? Идти ему некуда, родных — никого, ножик у атамана острый. Остался он жить в избушке.

Глава 12. Мальчик теряет свою Розу

Плавают Мальчик с атаманом по ночам на лодке, а Розка на всех кухарХничает. Бойкая, дельная оказалась девчонка. Полюбили ее разбойники. При ней не сквернословят, не охальничают, сапожищами в избе не топчут, ходят в белых портяночках.

Как вино пить соберутся, Розка нальет всем по чарке, поднесет каждому своими перстами, а бутыл в шкапчик уберет.

Прибился к разбойникам странный человек. Желтый весь, косенький, маленький такой, и молчит всегда. Те, как вечерять сядут, так и начинают громкими голосами друг перед другом бахвалиться. А он сидит: ножи сжал, руки на колени положил, и — молчок.

Поднесет ему Розка риса в чашечке, человечек без ложки все рисинки оттуда выберет и чашку потом оближет. Или еще он толстую книгу читал. Книжка ненашенская — не буквы там, а закорючки одни.

Мальчик интересуется:

— Откуда ты, мил человек, и желтый отчего? Не больной ли?

— Си того белега, — отвечает. А что желтый, так там, объяснил, все такие.

И — опять молчок.

Привлекают Мальчика закорючки удивительные. Просит он человечка:

— Обучи меня всем твоим знакам и закорючкам.

МальчикХтоучиться любил, да ему негде было. Мы с тобой, юный мой друг, это поменьше любим.

Обрадовался человечек, головкой мелкоХмелко закивал. И с тех пор стали они знаки учить. Мальчик потом узнал, что их иероглифами называХют. В той стране, которая за рекой простирается, они вместо букв. Но кажХдый — целое слово означает. Потому их — великое множество. Видишь, юный друг, как нам повезло, что букв в нашем алфавите кот наплакал. А если «ё» не считать, то еще меньше выйдет. Мальчик же учит иероглифы месяц, другой, никак они у него в голове не помещаются.

Даже по ночам снятся. Начертана на белой стенке надпись. Уже и разоХбрал он ее, но закорючки, как червяки шевелятся. Раз — и уже совсем друХгое написано.

Ну да заучил он все значки до единого. И книгу прочитал. Называлась она: «Разведение зернобобовых растений в условиях высокогорья». Если не понял название, ты у мамы спроси. Умная книга. Ее ученый агроном сочиХнил.

Так незаметно год прошел. Потом другой. Затем, может, и третий. Кто их подсчитывал?

Сидят какХторазбойники под вечер, чай из блюдец дуют, Мальчику на Розку подмигивают: невестушка, мол, у тебя справная. Мальчик Розку как сестренку родную полюбил, но ведь пофорситьХтонадо. Не так ли, мой юный друг? Он и говорит: «На кой она мне, сопливая?» ДаХа, юный мой друг, поживиХкас разбойниками — еще не таким выражением научишься.

Поглядел Мальчик на Розку искоса. Видит — куда сопливаяХтоРозка подевалась? Стоит уже барышня, и красавица писаная. Глазками поводит лукаво, без обиды.

Заглянул Мальчик в ее глаза ясные и себя там увидел. И МальчикаХтоуж нету — сидит за столом красавецХююша, кудри белые выются, плечи могуХчие. Давно Мальчик своего лица не видал: в хибаре той — ни зеркального осколка, а в реке вода темная — ни дна не разглядишь, ни человеческого образа. Юношей стал, но я все равно его буду называть Мальчиком. Уж по привычке.

А Розка вспыхнула, раскраснелась вся, махнула тряпкой на охальников и к печке побежала. Каша, мол, там у нее пригорела.

И вдруг слышно стало: в лесу псы лают и железо лязгает. Прислушался атаман чутким своим ухом. Потом — как на свечку дунет! Изба в темень погрузилась. И заорал хрипло: «Полундра! Врассыпную!»

Кинулись к дверям разбойники. И Мальчик из домика выбежал. Ищет он Розку, кличет, но вокруг темень непроглядная. Только псы на его голос кинулись. Бежит от них Мальчик туда, где река поблескивает. Ближе они, ближе, вотХют за пятку его цапнут. Да уж и обрыв. Прыгнул Мальчик в воду и поплыл к другому берегу. А меч он в избушке позабыл.

ПлыватьХтоон хорошо умел, но река широкая и плыть в темноте неизХвестно куда. А с берега еще пулемет стрекочет. «Не доплыву», — подумал Мальчик. Лег он на спину, руки раскинул и отдался на волю реки.

Глава 13. Поэт ловит луну

Принесла Мальчика река сама на другой берег. Лежит он на отмели, воду выплевывает, нахлебался все же. Всю изо рта выплюнул, видит — стоит человек на берегу и дурью мается. Хотя и не женщина, а в шелковом халате, на нем птицы и всякие звери вышиты. И в башмачках деревянных. Он из реки нечто сачком вылавливает. Достанет пустой сачок, посмотрит на него пристально, рукой пощупает. И опять воду цедит.

Потом и вовсе бросил сачок наземь. Сам в реку полез, как был — в халаХте. Горстями воду зачерпывает и на берег выбрасывает. Так заработался, что поскользнулся — и вот уже тонет.

Мальчик снова в речку прыгнул и чудака за шиворот из воды вытащил.

— Ты псих? — спрашивает. Хорошо, что он вместе с иероглифами иноХземный язык выучил.

— Нет, не псих. Я — поэт, — ответил незнакомец гордо. — Тот, кто стихи сочиняет.

— Обманываешь, — Мальчик ему говорит, — кто сочиняет, все давно померли.

— Хочешь, докажу?

— Не докажешь.

— Ну вот, слушай. Стих. Только сейчас придумал:

*О, юный месяц,
Едва мой сачок
Ты острым краем не порвал.*

- Ну и что? — спросил Мальчик.
- Ничего, — отвечает, — стих.
- Так и я могу.
- Попробуй, — предложил поэт.

Думал Мальчик, думал, всю голову сломал. Наконец придумал. Произнес:

*Несчастный я человек.
Потерял маму с папой.
А теперь еще мою Розу.*

- МХд, — говорит поэт, — на первый раз неплохо. А другой сумеешь?
 - Нет, — отвечает Мальчик, — больше ничего со мной не случилось.
- А тот снова за сачок взялся. Мальчик ему кричит:
- Ну, ты, дурень... поэт!.. Как тебя там? Снова за тобой не полезу.
- Поэт отвечает:

- Я сейчас, только вот луну выловлю.
- А зачем тебе луна? Кто?

Поэт не объяснил толком.

- Нужна очень, — говорит, и опять в реку собрался.

Тут Мальчик сачок у него вырвал. Понял поэт, что не сладить ему с Мальчиком. Достает кожаную торбочку, вынимает оттуда бутылку оплетенную. Махонькие белые чашечки достает и — плеснул в них из бутылки. Одну чашку Мальчику подал: «На, согрейся».

Попил Мальчик из чашечки — и словно соловьи у него в душе запели. А кишки будто огнем припекло. Забыл он все горести и печали. «Еще, — попросил, — налей». Так сидели они с поэтом всю ночь, пока бутылочку не выпили. Обнимались, пели, стихи сочиняли. Мальчик ему всю свою жизнь рассказал. А тот нет-нет, за сачок схватится, но Мальчик у него отбирал. Потом и луна скрылась, солнце выглянуло. Тогда спросил поэт:

- Видишь, на горизонте гора виднеется?

- Вижу, — Мальчик отвечает.

— Там на вершине мудрый старец живет. Иди к нему, он и тебя мудрости научит.

Распрощался Мальчик с добрым поэтом. Сачок он с собой захватил, потом в овраг закинул. Мимо него пограничный разъезд на конях процокал, Мальчик едва успел за большим деревом спрятаться. Потом он уже без приключений до горы добрался и стал ввысь карабкаться.

Глава 14. Мальчик падает в пропасть

Тропинка вокруг горы винтом вьется, и конца ей не видно. Смотрит Мальчик — старик у тропинки сидит, над самой пропастью. Щупленький такой старикашка. А клюку свою крючковатую поперек тропы положил. Сперва Мальчик клюку не заметил, споткнулся об нее и носом землю клюнул.

Встал Мальчик, по штанам руками хлопнул, пыль столбом поднял и на старика напустился: мол, расселся, дурак старый, пройти не дает. Это он поХнашенски сказал. ПоХижему, должно быть, и слов таких нету. Оттого, видать, старик его не понял. Глядит на Мальчика, а словно не видит. Плюнул тот и дальше отправился. Тропа вскоре закончилась. Колючки пошли, кустарники, а земля скользкая, масляная.

На брюхе Мальчик ползет, руки в кровь обдирает, за кусты колючие цепляется. Но всеХтакине удержался, нога соскользнула, и стал он в проХ пасть падать. Так бы и упал, но за хворостинку успел схватиться. Висит, в пустоте ногами дрыгает.

Руки у него уже слабеют. «Ладно, — думает, — все одно — конец. Отпущу хворостинку». Тут голова того старца вверх появилась. И протягивает ему старик свою крючковатую палку: хватайся.

— Да ну, старичок, — хрипит Мальчик, — не вытащить тебе меня. Еще сам вместе со мной сверзишься.

— Глядишь, и получится, — отвечает старик тихим голосом.

«Что ж, попробую, — решил Мальчик, — старичокХтожилистый». Только за крюк уцепился — и уже на твердом месте стоит. А старец говорит ему не строго и не ласково: «За мной иди». И скоро так стал в гору взбираться. Мальчик едва за ним поспевает.

Самой вершины достигли. Там — стена каменная. А в стене — деревянХ ная дверка. Постучался старик, дверь тотчас распахивается, и оба они в дверку заходят. За дверью — поляна, бурой травой заросшая, а посреди нее дом стоит, резной весь, с крышей черепичной. И еще стоят — двое молодХ цов. Один — верзила, усы ниже подбородка свешиваются. Другой — и вовсе без усов, молоденький. Оба в белых курточках, белых порточках, кушаком подпоясаны.

Только старца увидали, большой крикнул: «Здравствуй, Учитель!». И оба они на землю повалились, бритые свои макушки в пыль уткнули, еще и кулаками по земле стукнули. ФуХты нуХты, какая честь! Это Мальчик подух мал.

— Третьего вам братца привел, — говорит старик, когда те двое встали и пыль с себя стряхнули.

— Здравствуй, братец, — старший сказал. Подходит он к Мальчику и в обе щеки его целует.

«Телячьи, — Мальчик подумал, — нежности». И тыльной стороной руки щеки обтер. Затем младший к нему подходит и тоже в щеки его лобзает, но не говорит ничего, только смотрит ласково, по рукаву поглаживает. «Немой он, с рождения», — старший объяснил.

Рису они вчетвером пожевали. Потом выходит старик посередь двора. Одну ногу впереди себя на цыпочку поставил, и палка в руке. Просит Мальчика:

— Бей меня.

— За что ж мне бить тебя, дедушка? Ты мне жизнь спас.

А старичок к нему, подпрыгивая, приблизился и — пырь в живот палкой. Так и согнулся Мальчик, дыханье у него захватило. «Ну, — собрался, — сейХ час врежу!». Плюнул он в кулак. А кулачище у него — во какой вырос!

Размахнулся Мальчик во всю ширь и врезал. Только не по деду, а по чистому воздуху. Закрутился он волчком и задом наземь плюхнулся. Вскочил Мальчик, от злости замахал руками мельницей и на старика несется. Только мимо все попадает, да мимо. А старик его своим крюком под ногу поддел, раз — и опять Мальчик на земле. Спинай ударился, затылок ушиб.

«Ну, хватит», — старик говорит. Подняли Мальчика братцы, отряхнули, тихонько по спине похлопали и в домик спать пошли. А старец на землю сел, ноги скрестивши, и не шевелится. То ли спит так, а, может, молится.

Хотел, было, Мальчик подальше убраться от тех психов, но куда денешься? Мама-папынет, Розку потерял, и земля чужая. Покапал Мальчик следами, хотя большой уже стал парень, и храбрый. Потом лег на землю и заснул, сам не заметил как.

Глава 15. Наставления Учителя

Поутру Мальчик на старца и глядеть не хочет, чашку с рисом от себя отставляет. Сильно обиделся. А старик ему говорит: «Что ж ты, юноша, квеклый сидишь? Ну ничего, сейчас братцы тебе развлечение устроят». И братцам: «Покажите, что умеете».

Берет старший братец тугой лук, через плечо надевает колчан со стрелами, а младший ему глаза черной тряпицей прикрыл. Натянул старший братец свой лук, и стрелу в дерево пускает. Еще достает он стрелы из колчана, и одна в другую десять стрел вонзил.

Тут и младший свое умение показывает. Из ограды кирпич достает обоженный, рукой его сжимает, а другой тихонечко в него тюкает. Раз — и напололам кирпич.

Дивится Мальчик, но виду подать не хочет. Говорит: «Небось, он трухлявый». Тогда братец другой кирпич из оградки вынул и Мальчику протягивает. А сам глядит кротко. Сложил Мальчик обе руки кувалдой. Бьет, бьет, только руки себе расшиб.

Захотелось Мальчику сильным стать, а то перед братцами стыдно. Теперь он весь день по скалам носится, словно горный козел. По деревьям, как обезьяна лазает. На шею бревно положит и, как лягушка, с ним прыгает. Ух, каким стал здоровым: плечи — горой, ноги — столбы, руки — полена. А старичок мудрый посмеивается — кирпич где бросили, целый лежит.

Однажды, день пришел, берет он Мальчика за руку, ведет к малому пруду. Он за домом был вырыт, каменюгами по краям обложен. Рыбки там плавали — золотые и красные.

— Что видишь в пруду сем? — старец молвил.

Поглядел Мальчик в пруд:

— Небо, — говорит, — вижу.

— А еще что?

— Облака, — говорит, — вижу.

— Еще, — спрашивает, — что?

Мальчик пригляделся:

— Себя, — говорит, — вижу.

Мудрец прутик взял, воду им пошевелил.

— А теперь, что видишь?

— Теперь, — говорит Мальчик, — ничего не вижу.

И тут старец произнес слова замечательные:

— Твоя, — говорит, — рука знает, что делать.

— Твоя, — говорит, — нога знает, что делать.

— Твоя, — говорит, — душа знает, что делать.

— А твоя, — говорит, — голова не знает, что делать. Сердце свое успокой, воды свои умири, и свой лик там увидишь. И небо там отразится.

Сказал так и ушел. Сел Мальчик, ноги скрестив, у прудика. Стал думать над стариковой мудростью. И ты о ней подумай, юный мой друг.

День сидит. Два сидит. Не ест, не пьет. И воды его успокоились, и небо в них отразилось. Тогда встал Мальчик, кирпич отыскал, ткнул его тихонько, тот — надвое.

Тут младший братец к нему подходит, поклон ему отдает, и начинается меж ними сражение. Порхают друг против друга, как бабочки. Один другого в своей зеркальной глади отражает. Бились они до вечера. И так — день за днем.

Глава 16. Злыдень уродский

Как-то дарит старец Мальчику меч деревянный. Удивился Мальчик — в точности он похож на тот, что позабыл в разбойничьей избушке. «Пусть удар твой, — старик молвил, — будет, как мысль, точен». И научил с мечом управляться.

Не расстается Мальчик теперь с мечом, все по воздуху узоры чертит. Живет он у старца мудрого со своими братцами — и не тужит. Так Мальчик с ними сроднился, что им уже слов не надо — мысли друг друга чувствуют. Теперь он тоже ходит в белых штанах и курточке, кушаком подпоясанный.

Однажды пошел Мальчик окрестные места поглядеть. По тропинке вниз спустился. Полями идет, лугами. Добрался до другой горы высоченной. Вершина ее снежная на солнце блестит, а пик дымком в небеса покуривает. Угрюмая гора, недобрая. Мальчик думает: «Заберусь-жа я на гору, с верхушки на мир Божий погляжу и назад спущусь».

Стал он в гору взбираться. Лезет, лезет, а все далеко до вершины. Кругом утесы мрачные, а потом льды пошли — глаза слепят, вот-вот в пропасть сверзишься. Встал Мальчик на карачки и вверх ползет, за каждый выступ цепляется. Так и добрался до вершины. Там дом стоит, и диски черные над ним в воздухе парят.

А солнце уже на закате. «Переночую, — подумал Мальчик, — в доме, а завтра вниз спущусь». Только дом — недобрый, и диски траурные над ним летают. Сам он квадратный, на кубик похож, какими Мальчик в детстве играл.

Подходит Мальчик к стеклянным дверям, те сами перед ним распахиваются. За ними — залы просторные, но нет в них людского говора.

Только механизмы одни стоят, огоньками подмаргивают, плачут тоненьХко. В самый большой зал пришел Мальчик. Там пол блестящий, все в нем вверх тормашками отражается. Только отражаться нечему — пусто вокруг.

Тут шаги раздаются тяжелые. Мальчик за оконную штору спрятался. Глядит в щелочку: вошло существо мерзопакостное. Голова, словно котел, в ней четыре глаза посверкивают. Уши торчком стоят, на руках по три пальца. Одним оно в носу ковыряет. А ты, случаем, не ковыряешь в носу, юный мой друг? Смотри, а то сломаешь палец.

Тут к окошку черный диск подлетает. И лучик оттуда — прямо уроду в ухо. Голос металлический раздается, противный:

— Говорит Гренгаутар, Император Вселенского Зла. Точка. Со звезды альфа Единорога. Точка. Как слышно. Вопросительный знак.

Злыдень хрипит в ответ:

— Хорошо слышно. Восклицательный знак.

И опять металлический голос:

— Расскажи, злыдень уродский, как Земле вредишь.

Тот мнется, заикается: порошок, мол, научил людей делать маковый. Кто его понюхает, дурнем становится, а дурень сам себе лоб расшибет. Передатчики, мол, такие завел — на мозги людям капаю, чтобы они кроХ вопийц себе в начальники поставили. А те войны затевают, глядишь, и всю Землю погубят. Аж взвился поганый Гренгаутар на своей звезде.

— Не стану, — кричит, — ждать, пока люди лбы себе порасшибают и перестреляют дружка дружку! Велю тебе, — приказывает, — злым дыхаХнем Землю разом с лица Вселенной стереть.

Сжался злыдень весь, скукожился, а тот сулит:

— Справишься, Пояс Ориона тебе пожалую, с алмазами. А коль нет, по винтику тебя, урода, разберу и в антимиp закину.

Злыдень на колени падает.

— Повинуюсь, — кричит, — слушаюсь! Только ты, — просит, — зла мне побольше подкинь. Своего не хватит.

— Держи, — говорит металлический голос, — потом отчитаешься.

Стал тут злыдень уродский как лягушка, раздуваться. А потом смрадХную свою пасть разинул, и облако зеленое оттуда изошло, вонючее. В форточку его все выдуло. Смотрит Мальчик, к окну припал: просторы кругом широкие, а вдали — другая гора стоит, где стариков дом резной. Туда и несет злое облако. Повисло оно над домиком, где старец живет, и вмиг рассеялось, как не было.

Злыдень стал по полу кататься. «Убью, — кричит, — старого хрыча!» МальчикХо понял, о ком речь. Урод вопит, слюной брызгает: сколько, мол, зла попусту растрчено.

Не стал Мальчик дальше его слушать. Щеколду на окне отодвинул, через подоконник перепрыгнул, по скользкому льду на спине съехал. И вот уже стоит перед старцем, о злыдне ему рассказывает.

Глава 17. Бой с невидимками

Пошел старший братец за луком своим тугим, за колчаном со стрелами. Младший братец по стенке обеими руками колотит — к битве готовится. Только мудрый старик себе в усики посмеивается. «Готовь, — советует Мальчику, — к бою свой меч деревянный».

Смотрит Мальчик — сидит его старший братец у прудика. Камешки туда сбрасывает, кругами любит, и на лице его — забота. Спрашивает Мальчик:

— Неужто тебя, братца моего старшего, страх обуял?

— Нет, братец мой, — отвечает, — страха не ведаю. Но опасен наш враг. Тому злыню черные невидимки служат.

— Подумаешь, — говорит Мальчик, — и сам я был невидимкой.

Тут разбойный свист раздался, ноги затопали, словно большое воинство наступает, а вокруг — не видать никого. «Вот они и невидимки пожаловали», — говорит старший братец. Лук свой берет, стрелу в него закладывает. Вжик — стрела, и на воздухе красное пятно расплылось. А меньшей братец по двору носится, бабочкой порхает. Машет кулаками по чистому воздуху. Вдруг железный кругляк в него летит, зазубренный. Раз — и палец у него на руке отрубил.

Вывалил Мальчик деревянный меч, туда бежит, откуда кругляк прилетел. Чует — существо некое вокруг него вьется, само — невидимое. Чертит Мальчик мечом узоры по воздуху. В голове словно гладь водная — не видит он врага, но чувствует. Всякий удар деревянным мечом отбивает. Взмахнул им, и — стон тут раздался звериный, невидимое тело наземь повалилось. Глядит: младший братец тряпицей рану перевязал и опять по двору вьется бабочкой. Старший братец стрелы одну за другой из колчана берет и в пустой воздух пуляет. А повсюду железные кругляки летают, вертятся.

Только старец один сидит недвижим, ноги скрестив. Взгляд свой впеерд устремил. Даже круги железные его дугой минуют. Видит Мальчик: из очей старца исходит луч светлый. Как меч он пространство пронзает, достигает горы, где злыднев дом стоит. Словно гром могучий грянул. Верхушка горы вулканом вспыхнула, горячая лава по склону вниз потекла. Смотрят трое братьев — нет уже на той горе злого дома. И тучи в небе разошлись, солнце всю сверкает. И враг бегством спасается.

Глава 18. Мальчик теряет Учителя

Опять день за днем катится. Только почти совсем перестали заходить к старцу люди добрые, мудрости поучиться. Они ведь и еду приносили. Видно крупинки злого облака с росой на травы осели, в землю впитались. Потом со злаками взошли, попали в пищу. И ожесточились людские сердца.

«Ничего, — Учитель говорит, — сами прокормимся». Тут вспомнил Мальчик ту книгу премудрую, что ученый агроном написал. Отыскал он

фасолинку, зарыл в землю, а рядом тычинку воткнул, чтобы вокруг нее росток вился. Немного времени прошло, а тычинки уже не хватает. Побольше палочку воткнул. Вскоре и ее всю фасолька обвила. Тогда отыскал совсем длинную палку — и ее стебель обвил. Наконец Мальчик шест нашел длиннющий. Скоро и его не хватит. А стебель толстый, словно корабельный канат. И весь фасолинами усеян.

Ухаживает Мальчик за фасолькой, как та книга велела, и она все ввысь прет. Потому, я думаю, что в горах солнце ближе, а оно корни греет.

Живет Мальчик — не тужит, за растением своим ухаживает, мечом фехтует. Но как-то поутру приходят злые люди. В дверь ломаются, кричат злобыми голосами, старика требуют.

Старший братец за колчан берется, говорит: «Невидимок побили, с этими, что ль, не справимся?»

— Нет, — промолвил Учитель, — то судьба моя. Предамся им в руки.

— И мы с тобой, — Мальчик говорит.

— Нет, — опять молвил Учитель. — Ваша судьба вас другой дорогой ведет. Велю вам от них спастись.

Жалко братцам Учителя, но послушаться нельзя. Тот шагнул к деревянной дверке. Младший братец на колени падает, к ногам его прижимается. Отстранил Учитель брата рукой, за ограду вышел, дверь за собой тихонько прикрыл.

Смотрят братцы в дверную щелку, видят: Учитель стоит, а перед ним люди злобные. Головы у них красными тряпками повязаны, глаза у всех безумные. Тычут они в него пальцами, в лицо плюют, кричат: «Шарлатаны, бездельники!» Учитель спокойный стоит, а они, как псы, брешут.

Затем снимает старец сандалии, и на голову себе положил. Те глазают на него, рты разинули. Потом еще пуще принялись ругать. Главарь их веревку ему на шею накинул. И увели Учителя. Тот идет, на голове сандалии рукой поддерживает.

Ты спросишь, мой юный друг, зачем он положил сандалии на голову? Может, и знаю, но не скажу, сам попробуй сообразить. Ведь Учитель был, как водное зеркальце: дурак туда поглядит — дурака и увидит. А мудрый — увидит мудрость.

«Теперь, — старший братец сказал, — исполним завет Учителя, от злодеев спасемся». Покивали братцы головами, но легко сказать, а как следовать? Те на тропе своих дозорных оставили.

Думали братцы — ничего не надумали. Вдруг младший пальцем куда-то показывает и немует по-своему. Глянули братцы, куда младший указывал. Видят — фасолька-то вымахала огого! С высоченного шеста свешивается. Срезали они ее под корень, заднюю стенку перемахнули. Там дерево пригнулось прямо над обрывом. Привязали они к стволу фасолевый стебель, а другой конец — с кручи сбросили. Мальчик свой меч за кушак заткнул. И спустились братцы вниз по стеблю один за другим.

Глава 19. Старые знакомцы

А куда братцам идти? Кто? Решили — пойдём, куда ветер дует. Ветры в тех краях сильные веяли. Как подует ветерок в спину, ноги сами бегут. Идут братцы и день, и два и третий. Вдруг голубка белая к ним летит, а в клюве несёт записочку.

Над старшим братцем покружилась, и падает листок прямо ему в руки. Прочитал он письмишко и сразу опечалился.

— Матушка, — говорит, — моя помирает. Напоследок повидаться зовет.

— И мы с тобой пойдём, — сказал Мальчик.

— Нет, братцы, — тот отвечает. — Вы идите, куда ветер дует, а я матушке своей закрою глаза и вас нагоню.

Младший братец губами шепчет, старшего по спине гладит. Обнялись братцы все трое и разошлись в разные стороны.

Идут младшие братцы, куда ветер дует. По долинам, по взгорьям. Поля рисовые переплывают, рыбу там ловят. Это потому, юный мой друг, что рисовые поля заливают водой — так рис лучше родится.

А города они стараются стороной обходить. Зашли в один — едва ноги унесли. Там стены домов все черными надписями испачканы. И люди по улицам ходят бешеные, не по одному, а кучками. Красными тряпками на шесте размахивают, кричат грубо и толкаются. А то и подерутся. Все глаза у них вращают безумными, и слова безумные же выкрикивают зычным голом. Их послушай, так они всем людям хотят добро сделать, а тем-то чего хорошего от их ругани?

Дошли братцы до самой Великой стены, что среди безлюдной равнины тянется. В обход ее идти — сто верст крюка давать. Сложил Мальчик свои руки горстью. Младший братец на ковшик ногой ступил. Мальчик его — раз, и вверх подбросил. Тот в воздухе перекувырнулся и вот уже на стенке стоит. Потом кушак свой развязал и братца наверх поднял. Спрыгнули они наземь и пошли дальше.

Наконец добрались до самого морского берега. Там — город богатый. Корабли туда товар со всего света привозят. Дома стеклянные небо верхушками подпирают. Машины бикают, мотоциклы трещат, людей множество и — говор на всех наречиях. Совсем братцы в городе запутались. Заходят в чайный домик. Хозяин в черной шапочке им вежливо кланяется, приносит две чашки. В них лепестки цветочные колыхаются.

Там еще человек один сидит, как лимон желтый. Перед ним поднос уставлен чашками, и к ним — фарфоровый чайничек. Вдруг орава в дверь заходит. Все в жилетках черных, в брюках черных и в ботинках лакированных. Морды — злющие, усы у всех топорщатся. И в черных шляпах все.

Хозяин к ним — с поклоном. Они его отталкивают. Один идет прямо к желтому и чашку чая ему выливает на голову. Потом другой чашку чая берет и — тоже тому на голову. Так поднос опорожнили. А последний уже весь чайник из носика ему на голову вылил. Вот какие хулиганы. Наверно, зуб на того имели. Небось, в своих темных делишках не поладили.

Сидит желтый, с лица чаинки смахивает. Тут младший братец встает и усатого за рукав тихонько трогает. «Тебе, — усатый спрашивает, — чего надо,

калека?» Это он про его палец отрубленный. И размахнулся братца ударить. Увернулся младший братец — усатый с размаха кувыркком через стол полеХ тел.

Другой усатый к нему кинулся. Подпрыгнул братец до потолка и ногой с него шляпу смахнул. Тут уж все на него набросились. Братец пляшет, уверХ тывается, усатые друг дружку колотят. Главный — ножик достал. Мальчик к нему подбегает и мечом — раз, под руку! Ножик по самую рукоять в дереХ вянный потолок вонзился. Лежат усатые на полу, все побитые, в синяках, шишках. Хозяин к братцам подходит. Складывает руки на груди, кланяется. И еще чаю приносит.

Желтый последнюю чайнку с лица смахнул и Мальчику кричит: «Ну, кудряш, теперь с меня должок!» Глядит Мальчик — атаман перед ним сидит. Лицо не его, а он. Мальчик спрашивает:

— Чего ж ты желтый такой, и глаза узкие?

— Скучно, — отвечает, — с одним лицом всю жизнь ходить. Здесь, — говорит, — такие доктора, что хоть негром тебя сделают. Только плати денежки. — И спрашивает, а глаза — хитрые: — У васХго, ребята, видать, плохо с денежками?

Переглянулись братцы, плечами пожали, руками развели. «Тогда, — предлагает, — айда за мной, работенку вам подыщем». Встал и в дверь вышел. И братцы — за ним.

Знает Мальчик, какая работенка у разбойника, да надо ему о Розке спросить. А спросить — боязно. Вдруг скажет — померла она. Пулей застреХ лили, в реке утопла.

Пришли они к морскому берегу. Садятся в лодку моторную. Атаман мотор заводит и — по волнам понеслись. Доплыли до острова. На острове — дом железный, окошка — ни одного. Подходит атаман к двери, дырочку там нашел. Пальцем повертел, и открылась дверь.

Идут они коридорами, по лестницам вверх поднимаются. На полу везде пушистые ковры уложены — шагов не слышно, ни звуков никаких. Подходят к железной двери. Атаман фонарик из кармана достает и ей посигналил. Открывается дверь. Там вместо стенки — огромный экран. Еще раз атаман мигнул фонариком. Экран загорелся и чудище на нем явилось. Глядит Мальчик — да это ж злыдень уродский! Четырьмя глазами подмарХ гивает и, как тогда, в носу ковыряет. Значит мерзкий император злыдня помиловал. Выходит, он все же довольно Земле навредил.

— Вот, хозяин, — говорит ему атаман, — привел тебе охранников.

— По виду, — говорит урод, — они шуплые.

Обиделся атаман:

— Куда там до них твоим невидимкам! Они банду Усатого вдвоем переХ колошматили.

— А люди надежные?

— Этот вот, немой вовсе, не протреплется, — ответил атаман. — А тот вон, как сын мне. Еще капельным его знал. Он мне порошком твоим помогал торговать.

— Ладно, — говорит злыдень, — беру в охранники. Сигнальные фонариХ ки им вручи.

И пропал.

Достаёт бывший атаман из кармана фонарики, братцам их в руки даёт, а потом говорит Мальчику:

— Что ж ты про свою названную сестренку не спрашиваешь?

— Розка жива?! — воскликнул Мальчик громким голосом. По дому железному эхо прокатилось.

— Ну жива. ОратьХтозачем? — атаман отвечает. И вот что рассказал: — Когда лягавые нас обложили, — говорит он своими разбойничьими словами, — я — Розку в охапку и к лодке побежал. В лодку сели, плывем. Вдруг слышу — большая рыба за бортом плещется. Руки в воду сую, ее из реки вылавливаю. И что ж, думаешь, за рыба оказалась?

— Откуда мне знать? — удивился Мальчик.

— Учитель твой оказался, — атаман хохочет, — который закорюкам тебя учил. Думаю: не бросать же его обратно в реку, пускай мне прислуживает. Так и доплыли вдвоем до берега, а тут уж добрые люди помогли.

«Такие же, как и ты, разбойники» — подумал Мальчик и спрашивает:

— А РозкаХтогде?

— Неподалеку. Эх, — атаман губами причмокнул, — какая красавица сделалась. Я учителей для нее нанял, чтобы языкам заграничным учили, танцам и манерам обучали. Она теперь невеста моя.

Заколотилось у Мальчика сердце, но он виду не показывает. Спрашивает:

— И любит тебя твоя невеста?

— Еще как любит, — атаман в ответ. — Пылинки сдувает. Да ты, — обеХщает, — сам увидишь. Я, парни, вас в гости приглашаю. Прежние денечки вспоминать будем.

Глава 20. Мальчик находит свою Розу

Подходят братцы с атаманом к домику. Стенки у него бумажные, проХсвечивают. Атаман башмаки снимает, и братцев разуться заставил. Затем дверцу раздвинул — та на колесиках — и в дом они заходят.

Комната пустая почти. Столик стоит низенький, на нем вазон стеклянХный. Там зеленые светляки огоньками мигают. И девушка рядом сидит на коленях, чудной красоты. Она в халате шелковом, в черных волосах — череХпаховый гребень торчит. Одной рукой она цветастым веером обмахивается, другой — деревянными палочками лапшу из чашки выбирает.

Подходит атаман, кладет перед ней лаковую коробочку. Девушка до полу ему кланяется. «Благодарю, — говорит, — хозяин».

— Гляди, — атаман гордится, — какая покорная.

— А где же Розка? — Мальчик спрашивает.

— Вот, — бывший атаман отвечает, — она и есть Розка.

Присмотрелся Мальчик — правда, Розка. И та приглядывается, вспомХнить хочет, да не может никак.

— Я, — говорит атаман, — в лавочку за чаем сбегаю.

И ушел.

— Здравствуй, — Мальчик говорит, — Розка.

— Здравствуйте, господин, — та отвечает. И, как дурочка, головой тудаХ сюда кивает, веером обмахивается.

— Не узнаешь меня, что ли? — спрашивает Мальчик.

— Как пожелаете, господин, — отвечает. Тут отставляет она чашку с лапХшой. Берет лаковую коробочку, порошок из нее себе на руку высыпает и обеими ноздрями вынюхивает.

«Должно быть, — Мальчик подумал, — это и есть порошок, от которого дурнями становятся». Вырывает он у Розки коробочку, на пол бросает и ногой растаптывает. Затем к Розке кидается, за плечи ее трясет, даже по щекам тихонько шлепает. А та смотрит глупо и говорит: «Простите, госпоХдин, если что не так сделала».

Тут младший братец здоровой рукой Мальчика отстраняет, на другой руке не пораненный палец выставил. И — пырь Розку прямо в лоб. Потом у виска — пырь. Потом в шею два раза ткнул и еще оба уха ей ладонями потер.

Оглядела тогда Розка комнату, как в первый раз, и Мальчика тотчас узнала. А узнала, аж от радости взвизгнула, по обоим коленям руками захлопала. Потом на шею ему кинулась. «Теперь, — говорит, — бежим поскорее». Тут желтый человечек в дверь заходит. «И меня, — просит, — с собой возьмите». Тот самый, что Мальчика иероглифам обучил. Но здороХваться им некогда. Выбежали друзья из домика и по улице побежали.

К морю они бегут, и как раз на последний ночной корабль успели. Тот уже трап поднимать собрался. К ним капитан подходит в белом кителе. «Какие, — спрашивает, — изволите каюты?» А у братцевХто в карманах пусто. У Розки — и карманов нет. Человечек желтый на ладошке медяки посчитал — только на одну каюту хватило, самую плохонькую.

Тогда капитан, золотым брелком поигрывая и в даль глядя морскую, проХизносит задумчиво: «У меня тут двое кочегаров занедужило. Несвежих лягуХшек поели». (В некоторых странах, ты знаешь, юный мой друг, лягушки — первое лакомство). Сказал это капитан и снова задумчиво вдаль глядит.

А что, молодымХто парням уголек покидать? Спустились братцы в брюхо пароходное, лопатами шуруют. Человечек им помогает, чем может. И корабль на всех парах несется. Другие корабли обогнал, первым в порт приХбыл.

Сошли друзья наши на берег. Тут к ним машина подъезжает блестящая. За рулем атаман сидит. КакимХто манером раньше них успел добраться. Думаю, на самолете. Открывает атаман дверцу, одной рукой Розку в машиХну втаскивает, другой — ей ко лбу пистолет приставил. Дверь захлопнул и умчался.

Видят друзья — мотоциклетка рядом стоит. Сел желтый человечек за руль, братцы коеХкак сзади уместились. И помчались следом. Догоняют атамана, рядом несутся. Тот из пистолета в них целит: бах, бах, но все мимо. Розка ему стрелять не дает, под руку толкает. Хотел он мотоцикл с дороги столкнуть. Вильнул своей машиной, но человечек скорости поддал. Атаман в кювет и кувyrкнулся.

Слезают друзья с мотоцикла, на дороге стоят. Розка из опрокинутой машины выпархивает, к Мальчику подбегает, за руку его берет. Потом и атаман оттуда на четвереньках выполз, кричит Розке: «Тварь неблагодарХ

ная! С голодранцем связалась!» А Розка покрепче за Мальчика держится, и пальцами нос атаману показала. РозкаХтопрежней осталась.

«Ах, так?! — атаман кричит. — Тогда я всех вас перестреляю!» И пистолеХ том прицелился. Тут подъезжает машина грузовая, люди из кузова выскаХ кивают и заламывают атаману руки за спину, пистолет у него отбирают. А главарь их ему под ребра кулаком ткнул. «Что, — радуется, — попался, банХ дюга? Давненько тебя выслеживаем».

Как ни смел Мальчик был, как ни силен, а и ему страшно сделалось. И братец его меньшей — бледный стоит. Те самые перед ними оказались рожи, что их Учителя на веревке увели. Мальчик за рукоять меча взялся.

Главварь к нему подходит, смотрит яростно.

— А ты, — спрашивает, — кто таков?

— Да мы, — Мальчик спокойно отвечает, — кочегары с иностранного парохода.

Глядит главарь на братцев, а у тех лица в корабельной саже перепачканы. Улыбнулся главарь во весь свой шербатый рот, по щеке Мальчика рукой потрепал. Потом белый платочек из кармана достал и руку себе обтер. Мальчик спрашивает:

— А этого куда ж теперь, в тюрьму, что ли?

Отвечает главарь:

— В нашей стране, товарищ трудящийся, не наказывают, а перевоспитыХ вают. Пускай он для народа поработает.

Другой добавил еще:

— Мы, — говорит, — великую нашу стену до горизонта хотим протянуть. А он камни будет подтаскивать.

И третий еще добавил:

— Как закончим — сразу отпустим, гуляй на свободе с чистой совестью!

Затем они атамана бывшего в спину толкнули да подзатыльник влепили. Сказали: «Шагай, тунеядец». И увели.

Тогда Розка спрашивает:

— А мы теперь чем займемся?

Мальчик подумал и отвечает:

— Надо нам злыдня уродского проучить.

Продали они побитую машину старьевщику, на мотоцикле обратно в порт приехали и там, где взяли, его оставили. Билеты купили, на корабль сели. Поплыли назад.

Глава 21. Битва со злыднем уродским

Вернулись друзья в прежний город. Нашли на берегу моторную лодку и на остров приплыли. Находят в двери дырочку. Мальчик пальцем в ней вертит, а дверь не открывается. Человечек советует: «Ты сначала на закат два раза крутни, потом — на восход покрути три раза». Так Мальчик и сдеХ лал. Распахнулась дверь.

Ведет их желтый человечек по мягким коврам прямо к уроду. ОнХто здесь все знал. Вдруг видят друзья — стенка стеклянная, а за ней — комнатХ

ка. Там стол стоит весь уставленный склянками. За столом мужчина сидит. Белый халат на нем одет, с пробирками и колбами возится.

Постучал Мальчик по стеклу. Человек от стола голову поднял и — как на стенку стеклянную кинется! Мальчик тоже к стеклу припал. Это ж его отец был. Прижались они к стеклу по обе стороны — целуются. Тут меньшей братец ногой топнул, в воздух как птица взмыл и обеими ногами в стеклянную стенку ударил. Устояла стена — ни трещинки. Мальчик своим деревянным мечом по стеклу бабахнул, он ведь не расставался с ним никогда. Стоит стенка, как была, а Розка по ней кулачками колотит.

Тут человечек опять советует Мальчику: «ПроведиХкапо стенке накрест фонариком». Отыскал мальчик в кармане фонарик, который ему прежде атаман дал, и лучом наперекрест по стеклянной стенке провел. Пало стекло, осколки во все стороны брызнули. И вот уже папа с Мальчиком обнимаются, наглядеться друг на друга не могут. Розка папу в заросшую щеку чмокает. Младший братец лбом об его плечо трется, а человечек — руки на груди скрестил и кланяется.

Нарадовались друг на друга и снова злыдня побежали искать. Человечек их к двери приводит. Открывают они ее фонариком, а там — машина огромная, помаргивает, поскрипывает, попискивает. А перед нею урод стоит и всеми своими шестью пальцами на кнопки нажимает. Оборачивается он к нашим друзьям. Ушки свои топорщит, зубы скалит, и палец опять в нос засунул. Кричит: «Предали вы меня, неверные мои охранники! За измену жизнью заплатите!»

«Это мы еще поглядим», — подумал Мальчик. Подходит он к злыдню уродскому и меч свой над ним заносит — голову с плеч ему хочет срубить. Но меч деревянный от уroda отскакивает.

Нажимает урод на кнопку, и прямо из машины — луч тонкий, горячий. Шарит луч по комнате, железные стенки от него плавятся. ВотХют друзей наших напололам разрежет.

— Бежим скорее! — кричит Розка.

А папа вспомнил:

— Тут на крыше самолет стоит. Сядем в него и улетим.

Выбегают друзья из комнаты, видят — лесенка. Взобрались по ней на крышу. Там и впрямь самолетик, но рядом с ним урод сам, — и скалится. «Сейчас, — обещает, — мои невидимки вам покажут».

Налетело тотчас множество невидимок. Меньшой братец руками машет, Мальчик мечом размахивает — от врагов отбиваются. Розка сняла с ноги туфельку — колотит каблучком по пустому воздуху. Да невидимок так много, что не справиться.

«Вот бы, — думает Мальчик, — сюда старшего братца». Только подумал, видит — вертолет летит. Сбрасывает веревочную лесенку, а по ней старший брат спускается. Ты удивлен? Но ведь братцы друг друга без слов понимали, мысли на расстоянии чувствовали.

Берет старший брат свой тугой лук и стрелы пускает без промаха. Только красные пятна по воздуху расплываются. А последней стрелой в урода целит. Тот стоит и посмеивается, свой нос рукой трехпалой прикрыл. И попадает стрела ему прямо в сердце. Он стрелу из своего сердца вытаскиваХ

ет, желтыми зубами ее перекусывает. Как же справиться с уродом бессмертным?

Тут Мальчик сообразил: «Что это он все в носу ковыряет?» Поднимает свой деревянный меч и — бац! — злыдню прямо по носу. Урод наземь брякнулся и надвое развалился. Из него — шарики, пружинки, колесики, разные проводки. А в носу — красная кнопка. Вся его сила в ней была.

Братцы один другого тискают. Потом Мальчик желтому человечку говорит: «Сколько уж раз ты мне помог». И рассказал про фасольку. Папа торохпит:

— Давайте в самолет поскорей садиться. Места всем хватит. Улетим в другие края.

— Не полечу я с вами, друзья дорогие, — говорит старший братец. — Вернусь на ту гору, где мы жили со старцем премудрым. Буду людей учить его мудрости.

— И я с тобой, — человечек говорит, — стану фасоль растить, пропитаемся.

Младший братец ничего не сказать не может, только Мальчика по плечу гладит, и слезы у него из глаз капают. Понятно, что и он не хочет свою страхну, какая ни есть, покидать.

Обнялись друзья все по очереди. Трое в самолет садятся и в небо взлетают. Трое в моторную лодку уселись и в даль унеслись морскую.

Увидел Мальчик — в самолете лежит пакет со взрывчаткой, бечевкой перевязан. Взял он его и сбросил вниз через люк. Гром тогда грянул, пыхнуло пламя высокое. Запылал остров свечкою, искры в небеса полетели. Потом могучая волна нахлынула, и скрылся остров в морской пучине.

«Теперь, — отец говорит, — расскажу вам свою историю».

Глава 22. Папина история

Как-то поздним вечером стучат в нашу дверь трижды. Заходят люди хмурые. Говорят: «Главные правители вас к себе требуют. Берите бутылку с микробом и за нами следуйте».

Привозят в черной машине к дворцу здоровенному. По мраморным залам меня ведут и в самый большой приводят. Там белые колонны потолок подпирают. Стоит длинный стол, а за ним — главные правители. Один лысикну почесывает, другой усы покручивает, третий — брови черные хмурит. Перед каждым по серебряной чарочке и ломтик черного хлеба на блюде.

«Наливай, — говорят, — нам своего микроба». Налил я до полна чарочки. Как раз вся бутылка вышла. Выпили они, потом взяли хлеба ломтики и понюхали. Только выпили, сразу стыд и совесть потеряли.

Лысый говорит: «Что нам Бога теперь бояться, если мы бессмертные?»

Другой шамкает: «Что нам людей теперь стыдиться, если мы бессмертные?»

Усатый говорит: «А сами люди, зачем нам теперь?».

Я и понял, что ни с кем правители бессмертием делиться не захотят. Тут они про меня вспомнили. Лысый говорит:

— Давайте решим, что делать с нашим умником. Это архивно.

Усатый произносит неторопливо:

— Я полагаю, его следует расстрелять, чтобы он опять микроба не вывел. А то ведь кто угодно бессмертным сделается и страх перед нами потеряет. — Сказал и трубкой пыхнул.

Хмурый еще больше брови нахмурил, медальками звякнул и говорит:

— Всех бы тебе расстрелять. А работать кому?

Лысый на усатого прищурился: «Как он вас, батенька?» Порешили меня в лес отвезти, чтобы я там дрова рубил. И охрану приставить.

Отвезли меня в лес, в полосатое всего одели, чтоб с охраной не перепутать. Стал я дрова рубить, а таких, как я, там видимо-невидимо. И все дрова рубят.

Теперь ты понял, юный мой друг, куда это люди пропадать стали? Вот и Мальчик сообразил. А папа тем временем дальше рассказывает.

Началась война. Сперва всех здоровых и сильных побили. Потом пожилых и болезненных. Затем нас на поезд сажают и воевать везут. Привозят на войну. Рядком выстраивают. Генерал приезжает на грузовой машине. А в кузове — железные ножницы кучей лежат.

— Там, братцы, — генерал говорит, и рукой указал, — вражеский окоп, видите? Перед ним — железная проволока. Вы колючку железную ножницами разрежете, на врага наброситесь, победу над ним одержите и все героями станете. А если кто, — генерал пригрозил, — от врага бежать посмеется, так за тем вон холмом наши автоматчики спрятались. Враз скосят. — И раздает всем ножницы.

Бегу я к вражескому окопу, железную колючку разрезал. Передо мной враг стоит, в рогатой каске, в меня ружьем целит. Но и у меня ружье, и я в него прицелился. Тут бомба рядом ахнула, и оба мы наземь повалились.

Очухался. Сажу я в комнатке, передо мной стол стоит. За ним мужчина — тоже в рогатой каске, погонах позолоченных. На столе бумажки перекладывает и кричит на меня: «Открой, — требует, — мне тайну, государственную или военную!»

Я военной тайны вовсе не знаю, а государственную знаю одну, да режь — не открою! Чтобы враги не стали бессмертными. Устал рогатый кричать. «Ладно, — пообещал, — бросим тебя в тюремную камеру. А поутру застрелим». Позвал двух молодчиков. Те меня — под руки, и бросили в тюремную камеру. Там люди вповалку лежат и спят тревожно — шевелятся, вскрикивают. Прилег я в уголке, тоже поспать собрался. Тут вдруг кто-то меня за ногу дергает.

Передохнул папа, а потом дальше продолжил.

Глава 23. Папина история (окончание)

Человек ко мне подползает.

— Ты, товарищ, чей? — шепчет.

— Я, геноссе, свой, — отвечаю. — А ты — чей?

— А я, — шепчет, — чужой.

— Что ж, — спрашиваю, — ты в тюремной камере делаешь?

И подальше от него отодвинулся. «Доносчик, — думаю. — Их еще “наседками” называют». Но потом вижу — вроде личность знакомая. Подумал я, припомнил, потом, как закричу. Аж часовой своим ружьем звякнул.

— Тащи, — кричу, — профессор, торт кремовый!

Тот ко мне пригляделся, даже лицо рукой пощупал, и — тоже как закричит (тут уж часовой в дверь прикладом стукнул):

— Нет, это ты, академик, неси торт кремовый!

Я старого друга повстречал. Мы с ним на Брудершафтском всенаучном конгрессе поспорили, кто раньше жизненного микроба выведет. На торт кремовый.

Рассказал он мне свою историю, но я повторять не буду — очень уж на мою похожа. Сделал он своим правителям бессмертного микроба. Они тогда профессору орден вручили, а потом посадили в тюремную камеру. И со всем миром войну затеяли. ИмХточего бояться? Они ведь бессмертные.

Закончил профессор рассказ, грустно так улыбнулся и говорит: «А нас с тобой, академик, теперь на одном суку повесят. И поделом». Да ночь впереХди длинная, принялись мы с ним про научное разговаривать. Каждый стал своим микробом похвастаться.

Профессор кусочек известки нашел и на стенке циферками и буквами все про своего микроба написал. Гляжу я на его цифры, буквы и говорю ему поХнаучному: «АшХдваХтХдХнХкаХпиХрХквдратХдрвинХрезент. Не бессмертный твой микроб. Всех микробов победит, а гриппозный микроб с ним сладит».

Почесал тот в затылке. «Эге, — произнес, — забирай свой торт кремоХвый». Тут я стал своим микробом хвалиться. А профессор отвечает: «ЦеХоХдваХмХиХкквдратХрХнХкаХндельХмрган. И твой микроб не бессмертХный. Будут твои правители жить вечно, пока ангиной не захворают».

Вижу — прав он. «ДаХа, — говорю, — и мне сегодня не суждено тортом полакомиться». Тут засов дверной звякнул, и увели профессора. Оглянулся я вокруг: в тюремной камере уж нет ни души — всех до единого увели, пока мы с профессором спорили. Стою один посреди тюремной камеры — своей участи жду. Опять засов звякает. «Вот и конец», — подумал.

Вдруг заходит огромный такой негр. В зеленой пилотке, в башмаках высоких на шнуровке. Своими белыми зубами скалится и по плечу меня хлопает так, что я на пол сразу повалился. И говорит поХиностранному: «Окей олрайт карасчо враг капут».

Потом он от радости меня к груди своей прижимает, как ребенка. Из тюремной камеры наружу выносит, а туда уже ладные какиеХторребята приХкладами рогатых загоняют. Сами все в пилотках зеленых, в башмаках на шнуровке.

Ведет меня негр в прежнюю комнату. Там за столом уже другой человек сидит, но тоже военный. Бумажки разбирает. Мне он не как негр обрадоХвался, а поменьше, но руку жмет, смотрит вежливо. И произносит: «Героические, — говорит, — союзные наши с вашими войска, — говорит, — доби́ли подлого противника в его собственном логове. Теперь миру — мир». Снова руку жмет и отпускает на все четыре стороны.

Вышел я на волю. Хотел, было, профессора найти, про микроба доспорить. Может, не успели его убить рогатые. Но вдруг неизвестные люди мне пыльный мешок на голову накидывают, веревками всего скручивают. На самолет грузят и везут неведомо куда. Привозят... ну, к этому...

— Злыдню уродскому, — подсказала Розка.

— Ужасный злыдень, — кивнул папа, — и урод такой. Говорит: «Давно я, умник, за тобой охочусь. Нужен ты мне». Гляжу я на него с удивлением: зачем — не понимаю. Тогда он газетку достает, как из воздуха, разворачивает и в мое фото всеми своими шестью пальцами тычет. «Если ты, — сипит, — живого микроба придумал, то мертвого уж подавно выведешь. Я им все реки и моря отравлю». И потом еще говорит: «А тебя пока посажу в стеклянную клетку, чтобы я смотрел, как ты моего микроба делаешь».

Пытался я отговориться и так, и сяк, но он даже слушать не стал. Схватили меня невидимки и посадили в прозрачную комнату. Сажу — микроба изобретаю. Но не смертельного, а слабительного. От него вреда никакого — только живот поболит. Почти уж изобрел, а тут вы подросли.

Так закончил папа свою историю.

Глава 24. Остров

А самолет летит тем временем над океаном бескрайним. Папа на кнопки жмет, рычагами шурует. Ты спросишь, мой юный друг, где он летать научился? Да я и сам удивлен. АХа, вспомнил! Он еще в прежнюю войну был боевым летчиком. И награды имел.

Мальчик уже прикорнул под рассказ отцовский, от сражений своих умахавшись. Сон ему приснился удивительный: будто сам он стал тихим прудиком, воды его мирно плещутся, деревья склоненные, его своими листьями ласкают. Облака по нему плывут, покой его не смущают. Небо в нем синее отражается. Подходит к пруду дева красивая и грустная. На голове ее венчик из роз сплетенный. Склонилась дева к воде. Образ ее светлый в прудике отразился. Тогда заплакал Мальчик во сне от любви и жалости.

Тут начал самолетик трястись, дергаться, в воздушные ямы носом тыкаться. Проснулся Мальчик. Отец говорит: «Горячее у нас кончается. Поглядим, нет ли островка вблизи». Достает он из-под сиденья небольшой компьютер. Пошелкал кнопками, на экране буквы вспыхнули. «Есть, — говорит, — остров неподалеку». И опять кнопками шелкает. «Островок, — говорит, — маленький. Замок там один стоит. И церковка одна. И человек один живет — из той церковки священник. Остальные все на заработки уехали, да пока не вернулись».

— А голодать нам не придется? — это Розка спрашивает.

Папа еще немного кнопками пошелкал. Отвечает:

— Живности там немало: коровы дикие, овцы дикие, козы дикие. Все без человека одичали. И земля, — говорит, — плодородная. Даже голую палку в землю воткнешь — тотчас она листьями покроется.

Тут островок показался, как со дна морского на свет Божий вынырнул. Покачал самолет крыльями и на землю сел. Глядят друзья наши: замок на

пригорке стоит, стены мхом обросшие, вьюнками все обвитые. На башнях флажки железные под ветром тудаХода вертятся, поскрипывают. И оказаХлись друзья наши среди сада дивного, цветами благоухающего. Рядом — церковка белая.

Воткнул Мальчик в землю свой меч деревянный, и сразу он листвою покрылся. Потом берет Мальчик Розку за руку, и они втроем по ступеням в церковку поднимаются. А ступеньки — древние, в трещинах. Из них трава зеленая пробилась.

Заходят они в церковь. Навстречу им — старец в ризах праздничных. Голова длинная, посередь лба одна прядка свешивается. Протягивает он вперед руки свои и возглашает громким голосом:

— Венчается раб Божий Николай рабе Божьей Марии.

Вот какое у МальчиХа тобыло имя. Вот как Розку назвали при рождеХнии. И стали они все трое жить на том острове. Долго они жили, да и сейчас живут.

Все, юный мой друг. Прощай!

Об авторе

Родился в 1953 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор книг прозы «Апокриф или сон про ангела», «Повесть о безымянном духе и черной матушке», «49 дней с родными душами», «Три шага к себе...», «Свидетель жизни» и др. Переводчик французской литературы. В его переводах публиковались произведения А. Рембо, Г. Аполлинера, Ж. Превера, М. Турнье и др. Избранные переводы: «Французская поэзия от романтиков до постмодернистов». Проза, публицистика, переводы печаталась в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир», «Иностранная литература» и др. Был одним из основателей и руководителей редакционноиздательской группы «Весть» выпустивший одноименный альманах (1989) — первое в СССР независимое издание. Затем возглавлял издательство «Весть». Был главным редактором издательства «Прогресс». С 1992 издает культурологический журнал «Комментарии».

Александр Смирнов

Пять шагов

1

За окном забрезжил тусклый рассвет. С трудом пробивая утренний туман, солнечные лучи оставляли зеленоватые следы на металлическом полу комнаты. На этой планете зеленым было все: рассветы и закаты, буйство джунглей и заросшие вековой тиной озера. Временами казалось, будто сам воздух начинал отливать зеленью. Единственное, что выделялось из равномерного, однотонного пейзажа — это земная база: сероХгальная полусфера, установленная на расчищенной площадке посреди джунглей под защитой силового поля.

Сейчас база только начинала просыпаться. Первым, как всегда, был Николай — командир экспедиции, пятнадцатилетний опыт космолетчика приучил его затрачивать минимум времени на сон. К тому же, текущие дела не позволяли расслабиться ни на минуту.

Умывшись, Николай отправился в пищеблок, перешагнув через солнечХные блики на полу — он до сих пор не смог привыкнуть к их неестественной зелени, и ему было неприятно наступать на эти пятна.

После завтрака на Николая сразу же навалилась куча дел, каждое из которых требовало неотложных решений, так что только к полудню он сумел в очередной раз встретиться с пленным инопланетянином.

Инопланетянин стоял посреди комнаты и, не мигая, смотрел на Николая. За все время нахождения на базе — а прошло уже около месяца — инопланетянин не промолвил ни слова. Более того, он ни разу не притронулся к еде, отказывался и от воды, и было непонятно, откуда он черпает энергию для своей жизнедеятельности — по заверениям биологов, в течение всего периода наблюдения вес аборигена оставался неизменным.

Инопланетянин был невысокого, около метра двадцати, роста гуманоидом. Все его тело покрывала гладкая зеленая кожа, представлявшая собой чтоХтовроде защитной оболочки. Она не была кожей в строгом смысле этого слова, скорее это было нечто среднее между кожей и одеждой, способной согревать тело и предотвращать повреждение органов гуманоида. Кроме того, ее цвет позволял легко укрываться в джунглях от преследования. Исследователям не удалось найти на планете какихХлибо крупных хищников, так что, поХвидимому, способность к мимикрии носила атавистический характер. Помимо прочего, должен был существовать механизм,

позволяющий инопланетянину на время «выходить» из защитного кокона хотя бы для удовлетворения естественных потребностей организма, но определить его пока не удалось — сам абориген демонстрировать подобное умение, похоже, не собирался, а проводить над ним эксперименты биологам не позволяли морально-этические нормы, поскольку инопланетянин явно был разумным существом.

Поймать аборигена удалось совершенно случайно. На второй неделе экспедиции сенсоры базы зафиксировали крупный движущийся объект вблизи защитного поля, и автоматика заблокировала дальнейшее его движение при помощи силового кокона. Поднятая по тревоге группа быстрого реагирования нашла внутри кокона этого гуманоида. Тот не стал сопротивляться пленению, и был препровожден на базу. С тех пор большинство разведывательных групп отправлялись в джунгли с единственной целью, однако ни одной из них не удалось обнаружить и следа собратьев арестованного аборигена.

В то же время не прекращались попытки установить контакт с пленным инопланетянином. Попеременно это пытались сделать едва ли не все члены экспедиции, однако все их старания пропадали втуне.

Теперь инопланетянин неизвестно в какой по счету раз стоял перед Николаем. За время их одностороннего общения командир экспедиции перепробовал, казалось, все, но гуманоид одинаково реагировал на любые попытки добиться его ответной реакции — он просто тупо смотрел на Николая, не мигая и не двигаясь с места, пока его снова не уводили в камеру. Порою Николаю казалось, что инопланетянин не столь уж и разумен, однако заключения биологов, наблюдавших за ним двадцать четыре часа в сутки, убеждали его в обратном.

Тем не менее, контакт нужно было устанавливать, причем на это осталось дней пять, от силы неделя — с Земли вот тут должен прибыть второй корабль. Если до этого времени общение с аборигеном не начнет налаживаться, его заберут на Землю, и уже другим людям достанется честь быть первыми, кто установит контакт с внеземной цивилизацией.

— Что, так и будем молчать? — поинтересовался Николай у инопланетянина. Тот продолжал смотреть на него, не отрываясь. — Ну, чего ты уставился на меня, как баран на новые ворота? Лучше бы пролопотал что-нибудь по-вашему? Ведь несложно, а?

Лопотать по-вашему в планы инопланетянина, похоже, не входило. Николай вздохнул.

— И что же мне с тобой делать? Может, ты путешественник в душе, на Землю хочешь съездить? Смотри, погулять тебе там особо не дадут. Запрут в лаборатории, и баста. А... ладно, — Николай махнул рукой. — На, хоть музыку послушай, может, проймет... Станцуй чего-нибудь, танец дождя, или что вы там танцуете? Ты хоть танцевать-то умеешь? — Николай показал, как надо танцевать.

Танцевать инопланетянин тоже не пожелал. Играла музыка, а он все так же неподвижно стоял и смотрел на Николая. Николай же откинулся в кресле и разглядывал джунгли за окном.

Ему вдруг вспомнился выпускной экзамен пятнадцать лет назад. Тогда

межзвездные перелеты уже не были в диковинку, что, впрочем, не уменьшало притягательности профессии космолетчика для многих миллионов людей. На пути их мечтаний мог встать не только огромный конкурс в Космическое Училище, но даже самый рядовой экзамен в процессе обучения там. Вытягивать неудачников никто не собирался. Исключением не был и выпускной экзамен. Он состоял из пятидесяти вопросов, причем не только по профильным дисциплинам, таким как космонавигация. Например, там содержались вопросы по созданию благоприятной психологической обстановки в экипаже и даже по правилам установления контакта с внеземной цивилизацией (это при том, что к тому времени не удалось встретить ни одной). Экзамен проводился в письменной форме, и результат должен был стать известным через два дня после сдачи.

Однако уже на следующий день после написания экзамена Николая вызвал к себе пожилой профессор, декан факультета. Войдя в его кабинет, Николай увидел свою работу на столе. Подтвердились его самые худшие ожидания — все дело было в ней.

— Я хотел поговорить с вами насчет вашей работы, — сказал профессор, надевая очки. — В целом она производит хорошее впечатление, ответы четки и ясны. В общем, работа подтверждает ваши оценки в предыдущие годы учебы. И все-таки поставить за нее «отлично» я не могу.

— Но почему? Если все правильно? — невольно вырвалось у Николая.

— Все-то да не все, — парировал профессор. — Что касается профильных дисциплин, то тут претензий нет. Да и с практическими занятиями вы все-таки справлялись успешно, так что это неудивительно... Но вот в вопросе «перечислите основные правила поведения при первом контакте с инопланетным разумным существом» у вас ошибка. А на этот случай мне даны достаточно жесткие инструкции. Вот вы перечисляете: «не показывать оружие, говорить спокойным голосом, попытаться определить какие-то общие понятия доступным для инопланетянина способом». И так далее, и так далее...

— Ну да...

— Но вы забыли самое главное! Надо дать ему понять, что мы пришли с благими намерениями!

2

Рабочий день закончился, и толпы людей, уставших от дневной суеты, выплеснулись из дверей разнообразных фирм и фирмочек. Людская река растеклась по асфальту деловой части города, разделяясь на широкие — к метро и остановкам общественного транспорта — и более узкие потоки.

Николай всегда ощущал себя потерянным и одиноким в этой толпе. Вокруг мелькали сотни одинаковых равнодушно-безразличных лиц, внешне появляясь и мгновенно растворяясь в мельтешении часа пик. Нити судеб на мгновение перекрещивались и тут же разъединялись, не оставляя друг на друге и следа.

Николай двигался в своем потоке по направлению к метро. С раннего

детства метро внушало ему какой-то смутный, суеверный страх, и сейчас, в двадцать три года, он так до конца и не избавился от этого ощущения. Метро представлялось ему чем-то вроде живого существа, флегматично пережевывающего свою пищу. С механическим клацаньем турникетов оно проглатывало очередную порцию людей, проталкивало ее по пищеводу эскалатора туда, к поездам, которые уносили свои жертвы вглубь огромного тела этого подземного монстра.

Привычно работая локтями, Николаю удалось пробраться в середину вагона и встать на относительно удобное место в вечерней давке.

По мере удаления от центра вагон пустел — насытившись, метро выплевывало наружу, на свежий воздух недопереваренных, помятых в сутолоке людей. За несколько станций до дома вагон освободился настолько, что Николай смог найти себе сидячее место. До конца пути оставалось еще минут десять, и он раскрыл книгу, чтобы скоротать время дороги. «Мы пришли с благими намерениями», — начал читать он.

3

Разговор с профессором затянулся тогда надолго, но, в конце концов, тот позволил Николаю дописать строчку о благих намерениях, тем более, место на стандартном экзаменационном бланке еще оставалось.

Когда Николай вышел из здания, был уже полдень, и летняя жара плавила город. Листья на деревьях, казалось, пожухли и свернулись от зноя, но Николай не чувствовал жары, а только лишь невероятную усталость, как следствие нервного напряжения. Близость провала после пяти лет безуспешной учебы высосала все силы Николая.

Эти самые благие намерения запомнились ему на всю жизнь, вот и сейчас он вспомнил о них. По инструкции требовалось внушить аборигену, что он находится в безопасности, но как это сделать, если он не желает идти на контакт? Да даже если бы и шел, попробуй-ка убедить его! Только сейчас Николай знал всю глупость ситуации. Гулял себе абориген по джунглям, никого не трогал, вдруг его схватили и приволокли на базу, а потом еще пытаются объяснить, что это для его же пользы. Какие уж тут благие намерения! Контакт в таких условиях невозможен, понял Николай. «Мы сами себя загнали в пат».

Инопланетянина увели в его камеру, а Николай отправился в обход по базе. Он прошел по этажам, заходя в многочисленные лаборатории, интересуясь ходом исследований. За этим занятием как-то незаметно подкрался вечер, болотными сумерками накрывший планету. Вскоре стемнело окончательно. Наступила ночь.

Выспаться Николаю, однако, в эту ночь было не суждено. Едва он закрыл глаза, как его разбудил пронзительный сигнал интеркома. Звонок шел из биологического сектора. В это время все лаборатории уже закрыты, следовательно, произошло что-то чрезвычайное. Николай нажал кнопку приема. На экране появилось лицо Аманды — главного биолога. В этот неурочный час она была в белом лабораторном халате с вышитым значком

биологической службы, и только часто моргающие глаза выдавали то, что она была так же недавно разбужена. Не тратя времени на приветствия, оно коротко сказала: «Гуманоид исчез».

— Как исчез? — опешил Николай. Сонливость с него словно рукой сняло. — Куда?

— Неизвестно. Пятнадцать минут назад датчики зафиксировали его исчезновение. Камера показывает пустую комнату.

— Понял. Через пять минут буду, — сказал Николай и выключил интерХком. Он вышел из комнаты и повернул красный рычаг у двери, объявляя общую тревогу. Тоскливо завывла сирена.

Когда Николай прибыл в биологический сектор, все ученые уже были в сборе. Связавшись с мобильными группами и направив их на поиски аборигена по базе, он отменил общую тревогу, сам же, прихватив с собой Аманду и еще нескольких биологов, отправился к камере инопланетянина. По пути он выяснял подробности произошедшего.

Инопланетянин исчез в половине первого по времени базы. Камера зафиксировала, что до этого он, как и обычно, сидел неподвижно на стуле у стены. Затем на пять секунд наступило затемнение, будто бы внезапно вырубился свет. Когда картинка проявилась, комната была уже пуста. Примечательно, что в записях показаний всех датчиков, следящих за узниХком, также обнаружились лакуны. Иначе говоря, исчезновение инопланетянина стало в буквальном смысле тайной, покрытой мраком.

Осмотр камеры гуманоида также ничего не дал — дверь комнаты, спешХно переоборудованной в тюрьму, была заперта, замки нетронуты, а внутри — никаких следов инопланетянина.

Взбужденная база успокоилась только к утру, когда поисковые групХпы прочесали все здание и ближайшие его окрестности.

На следующие несколько дней жизнь на базе замерла — все земляне ломали голову над загадочным исчезновением инопланетянина, подозриХтельные взгляды ощупывали зелень зарослей за окном, а обычная работа шла побоку.

Ситуация изменилась только после прибытия земного корабля, чье появление отвлекло внимание людей от бегства аборигена. К тому же, с момента происшествия прошла уже почти неделя, и эта загадка успела всем наскучить, так что она с легкостью была переведена в разряд неразрешиХмых.

4

Николай жил на окраине города, к тому же, довольно далеко от метро, поэтому домой он пришел в восьмом часу, когда на улице начало смеркатьХся, и зажглись редкие фонари, которым повезло остаться неразбитыми. Николай вошел в подъезд параллелепипедаХмногоэтажки, в которой он обитал, и проверил свой почтовый ящик со смятой, незакрывающейся дверцей. Ящик был доверху набит газетным спамом, рекламирующим все и вся. Среди рекламной пестроты с трудом обнаруживались затесавшиеся

туда счета за квартиру и телефон. Вытащив их из общей кучи, Николай оставил газетный мусор сверху на ящиках и направился к себе.

Пока разогревался ужин, Николай еще раз просмотрел счета. Без рекламы не обошлось и здесь — под нее была отведена обратная сторона обеих квитанций. Причем и там, и здесь все место занимало объявление одной фирмы. «ООО «Спите с нами», — гласили крупные буквы. — Любой сон по желанию заказчика. Вам надоели серые будни? Жизнь потеряла для Вас смысл? Мы поможем Вам! ООО «Спите с нами» — мы сделаем Ваши мечты реальностью!» Ниже был указан адрес и телефон.

Своевременно ребята подсустились, подумал Николай. Сейчас, когда люди замкнулись в ритме муравейникаХмегаполиса, как в колесе сансары, возрождаясь каждое утро для очередного прохода по циклу и забываясь на ночь во сне без сновидений, сейчас услуги этой фирмы, поХвидимому, будут иметь спрос. Николай саркастически усмехнулся и отложил счета в стороХну. В это время сковородка, еда на которой уже успела пригореть, решила напомнить о себе недовольным шипением, и Николай бросился на кухню к плите.

5

В тишине раздался резкий противный звук сигнала к пробуждению. В тот же момент комнату залил тусклый, мертвенный свет.

— Доброе утро Николай, — произнес до боли знакомый, лишенный всяких эмоций металлический голос.

— Уже утро?

— Шесть часов. Завтрак через пятнадцать минут.

Николай сел на кровати. Вокруг была привычная обстановка его комнатыХячейки, квадратного помещения размером три на три метра с однотонными стенами неопределенноХсерого цвета, без окон, зато с двумя дверями друг напротив друга. Одна дверь вела в санузел, другая — наружу. Также в комнате имелся крохотный деревянный стол с единственным стуХлом, которые занимали все место между узкой койкой и входной дверью, а также серая металлическая конструкция у свободной стены.

Это был божок, своего рода искусственный интеллект, единственный собеседник Николая на протяжении вот уже многих лет. Сконструирован он был весьма необычно: две массивные стойки в форме спрямленной буквы «С» соединялись горизонтальными балками на верхнем и нижнем концах. К верхней балке крепился шарообразный блок памяти. Между верхХтиральными частями стоек был установлен «мозг» божка — прямоугольный черный блок, снабженный микрофоном и динамиком. Возле правой стойХки располагался желоб с двумя старыми, архивными блоками памяти. Каждый из них был рассчитан на четыре года, в течение которых он накаХпливал информацию. По истечении этого срока появлялся роботХремонтник с новым блоком. После замены божок мог использовать архивы только для чтения информации, интерпретировать же он был способен только данные из активного блока.

Кто и зачем придумал такую машину, Николай не знал, сам же божок также не смог дать ему ответа на этот вопрос. Тем не менее, разговоры с божком составляли единственное занятие Николая — больше в тесной комнате делать было просто нечего.

Бесшумно отворилась дверь, и робот-разносчик принес завтрак — какую-то пресную, но питательную баланду и напиток яркого оранжевого цвета со странным вкусом. Насытившись, Николай начал очередную бесконечную беседу:

— Божок, зачем я здесь? — этот вопрос уже стал традиционным. С него начиналось практически каждое утро.

— Мне недоступен ответ на этот вопрос.

— Где я был, прежде чем попал сюда? Что я там делал? Я не помню ничего, кроме этой комнаты.

— Моя память содержит данные за одиннадцать лет. Все годы ты находился здесь. До этого меня не существовало. Наверное, тебя не существовало тоже.

— Так не бывает. Ведь не из воздуха же я взялся!

— Мне недоступен ответ на этот вопрос. Если хочешь, я могу воспроизвести тебе наш первый разговор. Может, он будет тебе полезен.

— Нет уж, не надо. А то зависнешь опять на полдня, как в прошлый раз, так мне здесь совсем скучно станет... — Он помолчал, потом глянул с усмешкой на робота. — Божок, а почему ты называешься божком?

— Мое полное наименование — божок ЛР351ХА стационарный. Можешь называть меня так, если тебе это будет удобней.

— Да я не о том. В чем смысл такого имени? Ведь бог — это высшее существо, а божок — идол, его изображающий. Какое высшее существо ты олицетворяешь, а?

— Вопрос твой весьма странен для меня, Николай. Я не знаю, о каком высшем существе ты толкуешь. Насколько мне известно, все существа равны.

— Не знаешь? Что ж, другого я от тебя и не ожидал. Но я, пожалуй, скажу тебе. Я долго думал и понял, что именно ты олицетворяешь. Ты олицетворяешь идею. Идею несвободы.

— Но ты свободен.

— Где ж свободен, если я сижу здесь взаперти вот уже одиннадцать лет в этой... клетке?! И ты, божок, приставлен ко мне сторожем. Что же тогда есть свобода?

— Свобода — это то, что ты сам понимаешь под этим словом. Ты считаешь, что свобода — это возможность выйти за дверь. Твоя проблема в том, что ты сам не хочешь сделать свои пять шагов до свободы. Клетка существует лишь в твоей голове, ты сам загнал себя в нее. Фактически, ты свободен, и одиннадцать лет назад ты был свободен. Но по-настоящему свободным ты станешь лишь тогда, когда сам осознаешь это в полной мере и ни секундой раньше.

Николай не нашелся, что ответить. Он никак не ожидал от машины подобной проповеди. Хотя произнесена она была ровным механическим голосом, эффект речь божка произвела колоссальный.

Повинуясь какому-то безотчетному импульсу, Николай вскочил на ноги и в два прыжка оказался у выхода. Он рывком распахнул дверь...

Вверх и вниз и во все стороны простиралась голубизна неба, сияющая и ослепительная, уходя в бесконечность по всем направлениям. Чистоту небесной беспредельности нарушали лишь редкие эфемерные облачка, да два ряда серых прямоугольников дверей, одной из которых была дверь комнаты Николая...

6

Корабль с Земли привез новых ученых и дополнительное оборудование — планету признали перспективной, и ее исследования расширялись, — одна из главных целей его прилета был инопланетянин. Узнав о его исчезновении, командир корабля попытался даже затеять собственное расследование сопутствующих обстоятельств, но быстро убедился в тщетности этого занятия и прекратил свои изыскания. Через неделю корабль отправился в обратный путь, и жизнь базы начала входить в привычное русло.

На третий день, однако, случился очередной сюрприз. В середине дня, когда Николай только вернулся из северной части купола, где он наблюдал за подготовкой экспедиции океанологов, отправляющейся к океану на обратной стороне планеты, его опять вызвала по интеркому главный биолог Аманда.

— У нас гости, — сказала она.

— Кто?

— Десяток аборигенов у границы защитного поля, на северо-западе базы.

— Что они делают? — Николай, как и подобает командиру экспедиции, говорил спокойным и уверенным голосом.

— Ничего. Стоят и, по-видимому, ждут, когда мы их впустим.

Николай вывел картинку с внешней камеры на монитор. Десять аборигенов действительно стояли возле силового поля, построившись в треугольник, и терпеливо ждали, не пытаясь ничего предпринять. Оружия у них, похоже, не было, лишь передний инопланетянин держал в руках небольшую черную коробочку, но она, скорее, напоминала какой-то научный прибор, нежели что-либо другое. После минутных сомнений Николай решил пустить гостей внутрь. Как только в силовом поле образовалось окно, они синхронно, будто роботы, двинулись вперед. Николай в этот момент даже подумал о коллективном разуме.

Пройдя половину расстояния до базы, аборигены остановились, ожидая ответных действий землян.

Атмосфера планеты была земного типа, поэтому выход наружу не требовал дополнительной подготовки, так что вскоре группа землян отправилась навстречу делегации аборигенов. Впереди всех шел Николай, сразу за ним следовали ведущие ученые экспедиции, а поодаль на всякий случай маячили скрывающие оружие охранники.

Приближаясь к инопланетянам, Николай разглядывал их, пытаясь

определить, есть ли среди них бывший пленник. Сделать это было весьма затруднительно — лица аборигенов мало отличались одно от другого, рост же и комплекция и вовсе были одинаковыми.

Вскоре делегации сошлись, и предводительствующий абориген издал звуки, отдаленно напоминающие человеческую речь, однако фонетически более богатую. Договорив, инопланетянин шелкнул каким-то невидимым переключателем, и коробочка, которую он держал в руках, произнесла:

— Здравствуйте, посланцы Земли! Мы пришли, чтобы установить контакт, как вы это называете. Находясь в вашем куполе, я понял, что вы достойны этого. А теперь я прошу вас следовать за мной.

— Простите, но почему и куда должны мы идти с вами? — удивился Николай.

— У нас мало времени. Портал далеко и вот он уже закроется. Я прошу вас поверить мне. Я все вам расскажу по дороге.

— Но мы могли бы воспользоваться вездеходом. Тогда путь отнимет гораздо меньше времени.

— Возле Портала не действуют никакие устройства, даже мой переводчик будет там бесполезен. Прошу вас, пойдемте, мы только лишь зря теряем время. И пожалуйста, не надо охраны — мы как и вы руководствуемся благими намерениями. Вы ведь сами пытались мне это внушить.

Договорив, абориген опустил руку с переводчиком вниз, показывая, что разговор окончен. Подождав с минуту, делегация инопланетян развернулась и отправилась прочь. Николай быстро переглянулся со своими спутниками. Большинство ответило на его взгляд утвердительным кивком, и земляне поспешили за удаляющимися инопланетянами.

7

— Божок, зачем я здесь?

— Мне недоступен ответ на этот вопрос.

Начинался очередной день. Накануне Николай так и не смог перебороть себя и переступить порог. И дело было даже не в боязни провалиться в пустоту — Николай понимал, что пустота иллюзорна, ведь удавалось же роботам перемещаться там, не падая, — страх неизвестности не пускал Николая наружу. Здесь он заранее и наверняка знал, что его ждет завтра, и через неделю, и даже через год, знал, что здесь он всегда будет обеспечен баландой и однотипными разговорами с божком. Там же, за дверью, его ожидала абсолютная неопределенность, шагнуть в которую он так и не решился.

— Божок, неужели я буду сидеть здесь вечно?

— Что есть «вечно» в твоём понимании?

— До конца жизни... Почему я не могу освободиться?

— Ты сам должен дать себе ответ на этот вопрос. Свободным снаружи ты станешь только тогда, когда освободишься внутри, я уже говорил тебе.

— Когда же это произойдет?

— Мне недоступен ответ на этот вопрос.

В бесплодных беседах прошел весь день...

Этой ночью Николаю не спалось. Он лежал на спине и вглядывался в темноту. Она давила непроницаемостью — искусственное освещение выключалось с сигналом отбоя, а естественному в закрытой комнате взяться было неоткуда.

Николай вспоминал все свои неудавшиеся попытки освободиться, коих за последние одиннадцать лет накопилось немало, вспоминал, как стоял на пороге, не в силах сдвинуться с места, и как раз за разом он всеХтаки закрыХвал дверь и оставался в комнате. Стать свободным внутри, чтобы освободиться и снаружи — была своя правда в этих словах. А может быть, настал момент?

Николай встал с кровати и подошел к двери. За время сидения взаперти он настолько хорошо изучил помещение, что темнота не составляла для него препятствия. Он распахнул дверь — за ней было светло как днем, и уходило в бесконечность голубое небо. В этих условиях мрак комнаты практически ощущался кожей — вопреки всем законам физики в помещеХние не проникало ни лучика света. Николай зажмурил глаза и шагнул впеХред. Ничего не произошло: земля не разверзлась, небо не обрушилось, а под ногами ощущалась привычная твердость.

Николай открыл глаза и едва не закричал — под ногами сверкала пустоХта; визуально казалось, будто он завис в небе. Николай присел на корточки и ощупал то место, где, как он предполагал, должен был находиться пол. Пальцы ощутили сухую шероховатость бетона.

Успокоенный, он встал и обернулся назад. Из черного провала двери, казалось, тянуло какимХто сверхъестественным холодом. Никогда он не думал, что комната, которую он считал самым спокойным и безопасным местом в мире, может выглядеть вот так.

Переборов страх, он протянул руку в темноту и, нащупав гладкую ручку двери, с силой захлопнул ее, отсекая ставшую чужой комнату от коридора. Хлопок двери прокатился громом и исчез, оставляя Николая наедине с тишиной и ощущением свободы.

8

Зазвенел будильник, возвещая новый день. Быстрый завтрак и вниз — к метро, туда, где офис, компьютер, телефон, бегодня и суета... Новый день — всего лишь очередной виток жизненного цикла, слабо отличимый от того, что был вчера, или от того, что будет завтра. Эта мысль свербил в мозгу у Николая все то время, что он ехал на работу. В течение дня ее вытеснили из сознания другие мысли, порожденные круговертью дел, но Николай знал, что не сегодня, так завтра она обязательно вернется.

Рабочий день, тем не менее, пролетел незаметно, как бывает всегда, когда есть, чем заняться, и Николай отправился домой уставший, но в хорошем настроении.

Уже спускаясь в метро, Николай вспомнил, что днем ему позвонил школьный приятель и пригласил его после работы на свой день рождения.

Николая приглашение удивило — с этим человеком они в последние несколько лет виделись крайне редко, но он пообещал прийти.

Добравшись до нужной станции, Николай по пути к приятелю зашел в магазин, чтобы купить какой-нибудь символический подарок. Пока он находился внутри, на улице начал накрапывать мелкий дождик, когда же Николай покинул магазин, дождь зарядил со всей веселой молодецкой удачей, свойственной летнему ливню. Воздух был теплый, и дождевые капли не холодили — прогуляться под ними было даже приятно. Тем не менее, к концу пути Николай промок уже насквозь, впрочем, та же участь постигла и других гостей.

На дне рождения было шумно илюдно — из знакомых Николаю людей пришло несколько одноклассников, большинство же гостей он вообще в первый раз видел.

Николай не любил подобных массовых сборищ, он предпочитал встречаться более узкой компанией, где можно было спокойно пообщаться. В таких же ситуациях все, как правило, начинали говорить разом, и понять что-либо из общей беседы представлялось весьма проблематичным, поэтому Николай в ней обычно не участвовал, ограничиваясь разговорами с ближайшими соседями по столу.

В этот раз слева от Николая сидела незнакомая ему темноволосая девушка лет двадцати пяти, справа же стояла кадка с фикусом.

— Аманда, — представилась девушка, когда Николай решил с ней познакомиться.

— Необычное имя, — ответил он.

— Так уж родители назвали, — улыбнулась она.

Постепенно Николай и Аманда разговорились и даже перешли на «ты». В ходе беседы выяснилось, что работает она в фирме, реклама которой была на вчерашних счетах — ООО «Спите с нами».

— И чем занимается твоя фирма? Действительно любой сон сооружает по заказу, или это так, для отвода глаз анонсировано?

— Действительно. Для клиентов у нас специальные капсулы — они подключаются к мозгу и создают соответствующие иллюзии.

— И что, есть желающие?

— Достаточно много. У нас даже постоянные клиенты имеются.

— Но тогда получается, ваша капсула — что-то вроде наркотика.

— Ну, не знаю. Люди ищут свободы, и мы ее им даем...

— Но разве это свобода? — Николаю тянуло пофилософствовать на эту тему, благо выпито было к тому времени уже изрядно. — Ведь ты сама говоришь, что вы создаете иллюзию. А иллюзия свободы — это далеко не свобода, это порой может быть даже хуже рабства! Люди приходят к вам, чтобы избавиться от чего-то...от проблем, от рутины, не важно, от чего. Но через час, или сколько там у вас длится сеанс, они снова попадают в те же проблемы, в ту же рутину. Это ли не удар? Сильный человек, конечно же, плюет на это и больше не придет, для слабого же это может стать страшнейшим наркотиком, слезть с которого ему не удастся за всю оставшуюся жизнь. Нет ничего более жестокого, чем наркотик свободы!

— Ты слишком категоричен, видишь только черное и белое. А что, если

этот глоток свободы раз в неделю помогает людям выживать под грузом их проблем? Подумай над этим! А вообще, тебе не помешало бы прийти и самому убедиться, что все не так страшно, как ты себе малюешь.

— Нет уж, спасибо. Мне, конечно, многое не нравится в моей жизни, но добровольно менять ее на иллюзию, суррогат я не намерен. Тут мы к соглашению не придем, только поругаемся, так что давай как сменим тему.

День рождения затянулся до глубокой ночи, и Николай с Аmandой успели поговорить еще о многом. К теме свободы они, однако, в этот вечер больше не возвращались.

9

Николая переполняло ощущение свободы: он был свободен делать, что хочет, он был никому неподконтролен и мог идти, куда угодно, однако первые несколько минут он стоял неподвижно посреди коридора, привыкая к новому для себя статусу.

Было время сна, но спать ему совершенно не хотелось, значит, надо идти. Николай огляделся: по обеим сторонам «небесного» коридора тянулись ряды дверей, между которыми, очевидно, находилась стена, так что возможных направлений движения оставалось всего два. Не озабочиваясь по поводу выбора одного из них, Николай просто пошел вперед мимо череды совершенно одинаковых дверей.

Коридор закончился через пять минут — нога провалилась в пустоту, и Николай едва кубарем не покатился вниз — это началась лестница. С предельной осторожностью спустившись по ней, Николай увидел еще один коридор, точно такой же, как и предыдущий. Сквозь небесный потолок двери верхнего яруса были не видны, что, впрочем, ничуть не удивило Николая, однако он постарался пройти этот новый коридор побыстрее. Лестница в конце его, вопреки ожиданиям, вела наверх. Подъем вслепую занял времени даже больше, чем спуск. И вновь — коридор, причем, не совпадающий с первым — лестница не делала поворотов.

Тут нервы Николая не выдержали, и он побежал. Он потерял счет коридорам и лестницам, на которых он запинался, падал, вставал и снова бежал, и которым не было конца. Он бежал, пока совсем не обессилел. В висках бешено стучало, и Николай опустился на пол, чтобы успокоить пульс. Пол оказался холодным, но встать уже не было сил, ни физических, ни моральных.

Николай лег на пол и уснул тяжелым беспробудным сном.

Проснувшись наутро, Николай решил не паниковать и оценить ситуацию трезво. Впервые, он окончательно заблудился. Во вторых, если бы и не заблудился, это бы ему ровным счетом ничего не дало. И, в третьих, он очень хотел есть, и не меньше — пить. Следовательно, первоочередная задача — раздобыть пропитание.

По ощущениям Николая сейчас был как раз час разноски пищи, значит, надо было всего лишь поймать робота-разносчика и позаимствовать у него немного еды. На практике все оказалось гораздо сложнее — роботы со своими

ми тележками ловко уворачивались от Николая, когда он заступал им путь, двери же в комнаты они открывали ровно настолько, чтобы пройти самим и не пропустить Николая. Когда он попробовал подкараулить разносчика на выходе, тот не появлялся, пока Николай не сдался и не отошел от комнаты. Он даже пытался открыть некоторые двери, но те не поддавались, словно были заперты, хотя он видел, что роботы спокойно проходят внутрь, не встречая сопротивления.

Вскоре час разноски закончился, и Николай остался голодным. Весь день он бесцельно бродил по этажам. Под вечер, подойдя к одной из дверей, он вдруг заметил на серой краске слабо различимую надпись «ЛК027ХА» почти того же цвета, что и сама дверь. Подобная надпись обнаружилась и на соседней двери, и на всех остальных. Номера образовывали возрастающую последовательность. Дойдя по ним до номера ЛР351ХА— номера своего божка, — он толкнул дверь. Она на удивление легко поддалась. Внутри за его столом сидел лысый пожилой человек. Он ошарашено уставился на Николая, и тот захлопнул дверь.

На третьи сутки от голода пустой желудок скручивало болью, а во рту пересохло так, что Николай едва мог пошевелить языком. Он сдался и уже не пытался никуда идти — просто сидел, привалившись к стене, решив тихо и спокойно умереть.

Внезапно в конце коридора возникло темное пятно и стало приближаться. Галлюцинации, подумал Николай. Когда пятно увеличилось настолько, что приобрело конкретные очертания, стало понятно, что это девушка, одетая в черные джинсы и черную же кожаную куртку, застегнутую на «молнию» до горла. Длинные темные волосы были собраны в хвост.

— Привет, — сказала девушка, подойдя. — Меня зовут Аманда.

10

Уже больше часа продолжалось путешествие через джунгли. Привычные к таким условиям инопланетяне быстро и ловко пробирались сквозь заросли, и земляне, отбиваясь от веток, норовящих заехать им по лицу, едва поспевали за ними. Отстать было нельзя — с расстояния аборигены становились совершенно неразличимы среди зелени.

Когда на пути попадались менее заросшие участки, Николай беседовал с инопланетянином, у которого имелся переводчик. Вопросов было море, а время поджимало, поэтому разговор получался несколько сумбурным.

— Почему вы не отвечали на наши попытки установить контакт, когда находились на базе? — спрашивал Николай.

— Мне необходимо было определенное время, чтобы оценить вашу цивилизацию, к тому же, у меня отсутствовал переводчик, а общаться с помощью маловразумительных жестов недостойно представителей двух развитых культур. Кстати, можешь обращаться ко мне на «ты», похмему, раньше ты так и делал.

— Хорошо. Но как тебе удалось исчезнуть с базы?

— Я мог бы тебе ответить, но ты все равно не поймешь — ваша цивилизация

зация еще не доросла до этого. Просто прими как должное, что мы можем быстро и легко перемещаться в пространстве. Сейчас мы могли тоже прийти прямо на вашу базу, а не ждать у внешнего периметра, но решили, что подобное вторжение будет невежливым. Однако вы долго нас не впускали, и теперь надо торопиться — до закрытия Портала остается очень мало времени.

— Кстати, что это за Портал? Ты говорил, что возле него не работают никакие приборы. Но мы в свое время тщательно обследовали территорию вокруг базы и с подобной аномалией не сталкивались.

— Вы и не могли с ней столкнуться. Портал открывается раз в столетие, во время большого парада планет, и закрывается ровно через сутки. Мы сами не знаем, по какому принципу он устроен, но предполагаем, что его оставила какая-то древняя цивилизация, побывавшая на планете еще до нашего появления. Пока Портал открыт, через него может пройти одно разумное существо. Тогда ему откроется особое знание, связанное с проблемами его цивилизации.

— Если только одно существо может воспользоваться Порталом, то почему вы уступаете это право нам?

— У нашей цивилизации нет проблем.

— А у нашей, получается, есть?

— Есть.

— И какие, если не секрет?

— У вас множество проблем. Я, конечно, не успел изучить все — слишком недолго я пробыл на вашей базе. Но очевидно, что основная ваша проблема — это проблема свободы.

— Неужели? И в чем же она выражена?

— Да во всем! Вы просто не желаете этого замечать. Вот посуди сам: вы прилетели на планету, которую считали необитаемой, навезли с собой целую армию охраны и, в довершение всего, спрятались от окружающего мира внутри силового кокона. Кого и от кого надо так охранять?

— Но это простая предосторожность!

— Какая предосторожность? Вы охраняете себя от себя же. Вы сами ограничиваете свою свободу, но не желаете это признавать. Но что толку спорить — скоро один из вас пройдет через Портал, и вы сами во всем убедитесь.

Вскоре Николай не смог больше общаться с инопланетянином — у того отказал переводчик. Еще через час путники достигли Портала.

Портал располагался на небольшой поляне и вполне оправдывал свое название. Это была высокая белая арка с ребристой, как у древних колонн, поверхностью. Внутри арки словно повисла дымка — очертания предметов, находящихся за ней, размылись и выглядели нереальными.

Рассматривая сооружение, земляне обошли его кругом. Стоящие поодаль инопланетяне делали приглашающие жесты, напоминая о том, что надо поторапливаться.

Земляне пару минут посовещались, и Николай шагнул в арку. В тот же миг его поглотила тьма...

11

На следующий день Николай проснулся в двенадцатом часу. Голова расХкалывалась, а горло саднило, будто бы он накануне накричался гдеХнибудь на футбольном матче.

«Столько пить нельзя», — подумал Николай и решил прогуляться, провеХтриТЬ тяжелую голову, тем более была суббота, и время его не ограничивало.

Завтракать не хотелось, и после длительного умывания холодной водой, которое, однако, не помогло, Николай пошел на улицу.

На улице было жарко — июнь, и голова не проходила, а наоборот, забоХлела еще сильнее. Теперь мысль о том, чтобы забыться в искусственном сне, уже не казалась крамольной — по крайней мере, во сне головная боль не будет ощущаться. К тому же, в кармане обнаружилась визитка Аманды, «старшего оператора морфеокапсулы», с указанием адреса фирмы, и Николай подумал, а почему бы один раз не попробовать?

Он добрался на метро до центра и, поплутав, нашел серое здание со скромной, неприметной табличкой «ООО «Спите с нами»». Справившись об Аманде и узнав, что она сегодня работает, он прошел в ее кабинет.

— Ты же вроде был против любых иллюзий? — удивилась Аманда его появлению.

— Ну... я подумал, что от одного раза еще никто не умирал, — смущенно ответил Николай.

— И какой же сон ты хочешь посмотреть?

— Даже не знаю... — замялся Николай. — Не думал об этом. Подбери какойХнибудь на свой вкус.

— Хорошо, — Аманда пробежала пальцами по клавишам компьютера. — Проходи в соседнюю комнату к капсуле.

Капсула представляла собой металлическую конструкцию в форме сигаХры, окрашенной в белый цвет. Сверху на ней была крышка, открыв котоХрую, человек мог попасть внутрь. Голова фиксировалась с помощью некоего подобия оплетенной проводами каски. Рядом с капсулой находился небольшоХшой пульт, от которого к ней тянулся довольно толстый кабель.

— Готов? — спросила Аманда. — Тогда залезай.

Николай послушался. Аманда закрыла крышку и, сказав чтоХто вроде «включаю», нажала широкую кнопку на пульте.

Николай провалился в сон...

12

— Найти тебя было непросто, — произнесло привидение, назвавшееся Амандой.

Николай попытался сказать чтоХтов ответ, но пересохшее горло смогло исторгнуть из себя лишь невнятный хрип.

— Ты, наверно, голодный? — сказала Аманда. — Ничего, тут недалеко. Ты идиХтохоть можешь?

Николай утвердительно кивнул и поднялся на ноги. Аманда повела его за собой по коридорам, уверенно преодолевая невидимые лестницы, словно вовсе их не замечая, и Николаю с трудом удавалось не отстать. В итоге они остановились у двери с совсем уж неразличимой надписью «Служебная лестница».

Аманда открыла дверь и стала спускаться, Николай последовал за ней. Теперь идти стало легче — эта лестница уже не была невидимой. Она состояла из многочисленных пролетов в пять железных ступеней, в конце каждого из которых располагалась узкая площадка, на которой лестница делала поворот.

Спустившись вниз, Николай и Аманда оказались в длинном помещении с каменными стенами, в котором над огромными чанами сутились сотни роботов. Судя по запахам, тут находилась кухня.

— Готовая пища в дальнем конце, — сказала Аманда. — Возле чанов обычно достаточно черпаков. Иди и ешь, а потом возвращайся сюда, я тебя буду ждать. Этих роботов не бойся — они только повара и тебя не тронут, если же появятся другие, маленькие — сразу же беги. Постарайся управиться побыстрее — у нас мало времени.

Наконец-то Николай чувствовал себя сытым. Он поел впервые за последние дни, и теперь его клонило в сон. Однако Аманда ему расслабиться не дала и вновь потащила за собой по каким-то мрачным сырým подвалам и переходам.

Монотонность помещений притупляла восприятие, и тем неожиданней оказалось открытое пространство, резанувшее солнечным светом по глазам, когда Николай и Аманда все-таки вышли из здания после долгих блужданий.

Вскоре зрение адаптировалось к новым условиям, и Николай смог оглядеться вокруг. Откуда-то из глубин памяти стали вдруг всплывать подзабытые понятия: луг, деревья, трава, ветер. Николай понял, что когда-то давно он все это уже видел.

— Теперь мы выбрались, и можно не спешить, — сказала Аманда. — Вижу, ты потрясен. Спрашивай, если хочешь что-то узнать, может быть, я смогу тебе ответить.

— Что это за место? — спросил охрипшим от волнения голосом Николай.

— Земля, — пожала плечами Аманда. — А ты думал, что мы на другую планету попали?

Немного помолчав, он спросил:

— То место, где я был, что это?

— Это Дом с большой буквы. Может, он имеет какое-то более осмысленное название, но мы привыкли называть его именно с большой буквы. Когда мы отойдем подальше, ты увидишь, насколько он огромен — его стены скрываются за горизонт.

— Но зачем он нужен, этот Дом?

— Вопрос непростой... Кому-то свое время показалось, что нужен. Это было что-то вроде глобального эксперимента. Земля тогда страдала от перенаселения, и объединенное правительство планеты решило провести своеобразную селекцию. По всему миру были построены подобные Дома, и в них заключили все население Земли. Прежде, чем заточить человека в

его ячейке, ему стирали память. Те, кому удавалось освободиться, оставались жить на воле, остальные же обрекались на смерть в плену Дома без права на потомство. Чтобы система не рухнула до появления первых освобожденных, было построено огромное количество роботов — от поваров до божков, — поддерживающих ее функционирование. Управление Домами поручили специальным компьютерам — Оракулам. Оракулы также предназначены для возвращения памяти освобожденным.

— Но неужели те, кто создал эту систему, не понимал, что она бесчеловечна?!

— Понимали. Только кого это волновало?

— И многим удастся освободиться?

— Увы, нет. Большинство просто не находит выхода, и их водворяют обратно, стерев повторно память. Поэтому мы и стараемся помочь тем из них, до кого успеваем добраться.

— Мы это кто?

— Мы — это люди, живущие в городе там за лесом, — показала Аманда направление. — Многие из нас освободились уже давно, кто-то совсем недавно. Нам удалось добыть карту Дома со всеми техническими переходами, и мы теперь можем перемещаться по нему незаметно для Оракула. Ты тоже будешь жить в нашем городе, но сначала нам нужно сходить к Оракулу, чтобы он вернул тебе память и признал как поселенца. Так что вставай, путь неблизкий.

Камера общения с Оракулом располагалась на высоте примерно пятидесяти метров на массивном столбе, подпертом с трех сторон внушительными наклонными балками, а с четвертой — крутой узкой каменной лестницей без перил. Сама же камера напоминала большую зеленую тыкву с двумя серыми створками раздвижных дверей.

— Иди, — сказала Аманда. — Чем скорее ты закончишь, тем скорее мы отсюда уйдем. И старайся не смотреть вниз, а то голова закружится.

Николай осторожно начал подъем. Через пять минут он был наверху. Двери раздвинулись, когда ему оставалось пять ступеней. Остановившись на пороге, чтобы отдышаться, он оглянулся назад. Аманда, увидев это, что-то крикнула ему снизу. Николаю показалось, что это было слово «заходи», и он зашел.

В комнате за столом сидели двое. Один, помоложе, был одет по-летнему — в светлые штаны и рубашку с коротким рукавом. Тот, что постарше, был облачен в форму. Несмотря на разницу в возрасте, они походили друг на друга как братья, и черты их лиц казались Николаю смутно знакомыми.

Двери за спиной закрылись...

13

— Все, капсула закрылась. Теперь они нам для наблюдения недоступны, — сказала Аманда, снимая мнемощлем. В ступившейся темноте выделялись оранжевые круги света от настольных ламп, да тихо гудело оборудование.

— Долго они будут совещаться? — спросил один из ассистентов.

— Не знаю. Возможно, до утра. Главное, что мы угадали с мотивом своих боды, и нам не придется начинать процесс заново. Необходимые данные у них есть, так что все должно получиться.

— Аманда Васильевна, но ведь это — Нобелевская премия! — воскликнул второй ассистент.

— Поживем — увидим. Все. Я пошла домой. Знаете, это весьма утомительно — находиться сразу в трех местах... и в трех возрастах. Наблюдайте за пациентом. Если что-нибудь случится — сразу звоните.

— Как ты думаешь, кто из них останется? — спросил первый, более худой ассистент, когда Аманда закрыла за собой дверь.

— Мне кажется, капитан. Он — наиболее сильная личность из трех, — ответил второй.

— А мне кажется, житель города. Он ближе всех к реальности.

— Пари?

— Нет уж. Давай без этого...

Три Николая сидели за столом, присматриваясь друг к другу и ничего не говоря. Перед каждым из них лежала бумажка, сообщавшая, что они — три личности одного человека.

«По последним исследованиям, — также было написано там, — отдельно взятая личность одного человека, будучи изолированной от реальности, создает свой собственный, наиболее подходящий для нее мир. Если человек, страдающий множественностью личности, находится без сознания, то подобную операцию можно провести со всеми его личностями. При определенном вмешательстве в миры каждой личности, апеллируя к их определенным общим чувствам, можно добиться того, что все личности встретятся в одном месте...»

— Ночь длинная, а делать все равно нечего, пока эти не договорятся... Может, в картишки?

14

Николай проснулся в залитой солнечным светом одиночной палате. Часы на стене показывали девять. Он потянулся и сел на кровати. Через секунду открылась дверь, вошла Аманда.

— Доброе утро, — приветливо сказала она.

— Как вы? — удивленно выдавил он.

— Я ваш доктор. Как вы себя чувствуете?

В это время за стеной первый ассистент с волнением проговорил:

— Слушай, мы оба были неправы.

— Ты о чем?

— Ну... насчет личностей. Это не капитан и не горожанин.

— Но не может же...

— Сам посмотри, если не веришь.

А Николай слышал то, что не могла слышать доктор: «Заикание неестеХ

ственно». — «Будь натуральной». — «Они должны думать, что ты остался один, иначе нам отсюда не выбраться». — «Да отстаньте вы, не мешайте! Помню я все!»

— Что, простите? — спросил Николай, будто бы не расслышав обращенных к нему слов.

— Я говорю, как вы себя чувствуете? — повторила Аманда.

— Ах. Я чувствую себя отлично, — ответил Николай и беззаботно улыбнулся.

Об авторе

Родился в 1986 году в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Там же закончил аспирантуру, защитился и работает в настоящее время.

Писать начал в 6 лет. Печатается с 2007 года. Имеется около 70 публикаций в разнотипных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Финляндии («Знание и жизнь», «Фантастика», «Очевидное и невероятное», «Экология и жизнь», «Юность», «Нива», «Журнал поэтов», «Русский литературный журнал в Атланте. На любителя», «Черновик», «Второй Петербург», «Жемчужина», «Введенская сторона» и др.).

Александр Белл

О пользе самодельных табуреток

Стояло мягкое бабье лето, но среди ночи я проснулся от холода. Куда-то подевалось одеяло. На пол, что ль, свалилось? И с какой стати я совершен-но голый? Вроде бы не пил, а уж учудил, так учудил.

Включив свет, я закрутил головой. Да, грабанули! Телевизор, ноутбук, мобильник, скатерть и даже постельное белье подо мной — все бесследно исчезло. Я вскочил с дивана и вознамерился хотя бы прикрыть наготу, но и одежды не было. Кому понадобились мои тряпки, и какой должен был быть сон, чтобы не чувствовать, как тебя раздевают?

В шкафу, где вещей поубавилось, нашелся старый спортивный костюм и стоптанные ботинки. Поспешно одевшись, я обошел свой домишко и много чего, включая холодильник, не досчитался: жулики потрудились. Хорошо хоть им не достало ума забрать самые ценные вещи: икону 16 века и две китайские фарфоровые вазы.

Вспомнив о своей машине, я обречено выглянул в окошко, но «жигуле-Хнок» преспокойно стоял во дворе. Естественно, такую рухлядь сейчас не воровуют. Давно пора ее заменить, да все как-тоне наскребается средств.

Вдруг из сарая выскользнула какая-то тень. Решив, что жулики еще здесь, я выскочил на порог и чуть не столкнулся с неким первобытным существом. Его толстые руки и ноги были голыми, волосы на голове стояли дыбом, а туловище прикрывалось бесформенным серым одеянием.

Однако, присмотревшись, я узнал в чудище своего деревенского соседа Петю по прозвищу Пупс, которому вздумалось натянуть на себя холщовый мешок с тремя дырами для головы и рук. Мое незавидное положение не помешало мне зайти в безудержном смехе. Складываясь чуть ли не вдвое, я никак не мог остановиться.

— Прекрати ржать как дурак, — обиженно пробубнил Пупс, но мне стало еще смешнее.

Петр моложе меня года на четыре. В детстве он, как и я, летом жил у своей деревенской бабушки и лип к нашей компании. Против малолеток мы ничего не имели, но Пупс был патологическим ябедой и выдавал взрослым все наши секреты: и как мы на речку бегали без разрешения, и как яблоки воровали, и как пробовали курить. До сих пор не понимаю, как мы терпели этого юного пакостника.

Повзрослев, Пупс быстро пошел в гору. Теперь он был сказочно богат,

надут и со своих заоблачных высот не замечал малых мира сего, вроде меня. У него не было недостатка в квартирах, машинах, загородных особняках, но и в нашей, заброшенной людьми деревеньке, он построил себе трехэтажный особняк, уродливо возвышающийся над небольшими ладными домиками. И вот этот важный деляга, который без охранников нигде не появлялся и, наверное, пешком ходить разучился, стоял передо мной в неприлично нелепом виде. Сквозь смех, я выдавил:

— Что случилось?

— Ничего, — пробурчал Пупс, разводя в стороны волосатые руки.

— Раз ничего, почему ночью в мешке разгуливаешь?

— Нет ничего! — рявкнул Пупс. — Вообще ничего! Ни дома, ни машины, ни вещей.

Ошарашено взглянув в сторону его дома, я действительно увидел лишь голый пустырь с огромной ямой посередине.

— Впусти меня в дом — холодно! — как в детстве, капризно потребовал Пупс.

Проведя гостя в комнату, я отыскал дырявые тренировочные брюки, шерстяную кофту моей умершей бабушки, и галоши с меховой опушкой. Переодеваясь, Пупс давал мне указания:

— Немедленно звони в мой банк — пускай высылают машину с адвокатом, одеждой, едой и, конечно же, охранниками: я, как назло, на сегодня их отпустил.

Я огрызнулся:

— Сам звони. У меня, между прочим, тоже много чего пропало, и в том числе телефон.

Пупс передернулся от раздражения.

— Тогда хотя бы накорми меня!

— С чего тебе ночью есть приспичило?

— Если б с тобой случилось такое, неизвестно, чего б тебе приспичило. — Пупс упорно отказывался замечать чужую беду.

На месте исчезнувшего холодильника в куче каких-то продуктов я раскопал сковороду с едой и разогрел ее. С жадностью поедая пищу, Пупс брюзжал:

— Что ж ты меня, как скотину, пустой картошкой кормишь?

Я точно помнил, что картошка была изрядно приправлена тушенкой, но сейчас мясом даже и не пахло. Насытившись, Пупс сказал:

— С тобой только время зря тратить. Пойду звонить к соседям. Только кому?

В деревеньке, кроме нас, обитало сейчас всего четыре человека. Я и сам хотел зайти к Василию с Тamarой, поэтому вместе с Пупсом подошел к их калитке и с удивлением обнаружил ее отсутствие. С участка неслись встревоженные голоса, а супруги в каких-то подтопных пальто топтались возле открытого гаража. Увидев меня, Тамара, привлекательная рыжеволосая толстушка, начала жаловаться:

— Машину у нас украли, а сигнализация не сработала.

Василий, крепкий обстоятельный мужчина, с голубыми, по-младенчески чистыми глазами, дополнил жену:

— И еще кучу вещей унесли. А автомобиль совсем новенький, наездитьХся не успели.

— АХаХа!— отчаянный вопль Тамары огласил пространство.

Проследив за ее испуганным взглядом, я увидел освещенную лунным светом деревянную решетку крыши дома.

— Надо же! И железо умыкнули, — растерянно пробормотал Василий, а Тамара ткнулась в его плечо и зарыдала.

— Подумаешь, железо. Было бы изХзачего убиваться. У меня вообще дом исчез, — тон Пупса выражал неудовольствие.

Тамара притихла и искоса воззрилась на незваного гостя, а Василий подозрительно спросил:

ХКак это исчез? А ты куда глядел?

По холеному лицу Пупса скользнула тень растерянности.

— Понятия не имею. Лег спать, а проснулся стоящим в голом виде посреди своего опустошенного участка.

— ПоХмоему, он пьян, — неодобрительно проговорила несколько успоХкоившаяся Тамара, но вдруг ее лицо застыло в гримасе ужаса: по дорожке к нам подплывала высокая белоснежная фигура. Ни дать — ни взять, привиХдение.

Я едва успел испугаться, а Тамара уже осознала ошибку и с удивлением вскричала:

— Наташечка, что это ты так вырядилась?

Наташа, еще одна моя соседка, отдыхавшая в деревеньке, и впрямь, выглядела необычно. Воздушное платье с рюшами, кружевами, оборками, словно белое облако, окутывало ее стройную фигурку. Девушка походила на прекрасную царевнуХлебдь.

Наташа мне нравилась. Думается, что именно изХзанее весь свой отпуск я проводил в глуши. Правда, отношения наши близкими не были. Мы лишь встречались на улице, коротко беседовали и расходились по своим углам. Девушка, несмотря на приветливость и мягкость, казалась неприХступной. Сколько раз я собирался пригласить ее хотя бы на речку, но, не находя предлога, откладывал предложение.

На вопрос Тамары Наташа рассмеялась, и ее чистый холодноватый смех прозвучал аккомпанементом падающему на землю свету полной луны.

— Представляете, — заговорила она недоуменным тоном, — меня обоХкрали — унесли всюХнюю одежду. Хотя голышом разгуливай, хорошо хоть сберегся свадебный наряд мамы.

Девушка заскользила взглядом по собравшимся, задержалась на Пупсе и прыснула.

— А вы почему все такие?

Пупс поддернул на груди кофту моей бабушки и поведал невероятную историю о пропавшем доме и собственной телепортации. Остальные тоже рассказали о своих потерях, а, высказавшись, замолчали в страхе перед явлениями, которые никто не мог и даже не пытался объяснить. Вспоминая фильмы о нашествии пришельцев, я предложил:

— А не послушать ли нам радио? Что если во всем мире происходит неладное?

Идея была принята на ура, но оказалось, что приемники и телевизоры у всех пропали, и тогда нам вспомнилась баба Тоня — старейшая и, в отличие от остальных, безвыездная жительница деревеньки. Ее хибарка была темной, но мы всем скопом подошли к ней и принялись вначале осторожно, а затем уж без оглядки на приличия стучать в некрашеную покосившуюся дверь. Спустя несколько минут, показавшихся нам едва ли не вечностью, на пороге возникла взлохмаченная согбенная баба Тоня. Не похгарушечьи зорко глядя на нас снизу вверх, она недовольно проворчала.

— Ишь, разбарабанились. Али помер кто? Да нет, вижу, все живых здоровы.

— У вас ничего не украли, бабулечка? — нетерпеливо спросила ее Тамара.

— А чего у меня красть? Кто? Разве что меня, девяностолетнюю, — развеселилась старуха.

— А приемник у вас есть?

— Как же, как же! Почти новенький: внучок на семьдесят лет подарил.

Никто не надеялся, что невидимые жулики пощадили имущество бабы Тони, однако она завела нас в хибару и с гордостью включила старомодный, но качественный приемник. Превратившись вслух, мы принялись рыскать по волнам, на которых звучала одна и та же дисгармоничная музыка. И хоть бы кто слово вымолвил. Нет: не прорезалось ни вестей, ни даже песен. Но вот то ли женский, то ли мужской бездушный, почти автоматический голос объявил:

— Люди! Убедительное требование! До передачи важного сообщения сохраняйте спокойствие.

А потом снова заиграла музыка, и мы, если до сего момента питали надежду, что все как-то образуется, в единый миг уверились в необратимости несчастья.

Пока герои пребывают в томительном бездействии, автор попытается приоткрыть завесу страшной тайны. С незапамятных времен между силами Света и Тьмы идет борьба за сердца человеческие. Но как ни стараются противники, победа никому не достается: люди и света не чураются, и тьмою пленяются. Чтобы не затянуть изнурительное сражение до бесконечности, стороны договорились время от времени предоставлять друг другу по десятилетию неограниченной власти. При том было оговорено, что если по истечении очередного срока правления более половины населения отдаст свои души властителям, то противникам зачтется поражение, и они в кратчайший срок уберутся с планеты. Состязания проводились уже неоднократно, но людям всегда чего-то не хватало, так что ни Светлые, ни Темные желаемого результата не добивались.

Последнее десятилетие Тьмы отличалось неординарностью. Обычно в стремлении показать преимущество собственной системы, властители изливались избытком благ: темные — материальных, светлые — духовных, но на этот раз людей, хоть и не держали в черном теле, но сверхмеры и не закармливали.

Светлые даже не сразу поняли, на что противник делает ставку, а когда разобрались, пожалели, что принятыми правилами не допускалось сообщать

шать населению не только о шагах темных, но даже о самом факте их правления. Пришлось обходиться намеками. Только человечество и прямые указания почти не воспринимает, а уж намеки — и подавно.

Однако со временем немало людей догадалось, что дело нечисто, но разглашать открытие было не в их интересах, и они помалкивали. Оно и понятно. Будет ли, к примеру, директор обувной фабрики кричать направо и налево о загадочном появлении на его складе большой партии готовой продукции? Разумеется, не будет. Ведь без каких либо забот и план выполнения, и в личном кармане денег прибавилось. И, как понимаете, этот склад не был единственным: по всему миру, как бы сами собой, возникали разнообразные товары, которые только и оставалось, что продать. Ну а при пополняющемся без всяких усилий изобилии товаров производители не нужны. Они и вывелись. Практически все земляне работали или в сфере услуг, или в офисах, а то и в банках. Существовала, правда, армия строителей, но материалы, ими используемые, тоже возникали из ниоткуда.

Короче говоря, никто не создавал ничего реального, а, тем не менее, многие получали неплохие деньги, которые мертвым грузом, естественно, не лежали. По необъятным гипермаркетам сновали деловитые покупатели с огромными тележками, доверху наполненными товарами — созидатели стремительно переходили в разряд потребителей. Казалось, что суетливому, но материально благополучному существованию ничего не грозит, но в последний день правления Тьмы была проведена намеченная акция, и мир затрепетал. А как ему было не затрепетать, когда из него в единый миг исчезло все то, что в течение целого десятилетия темные материализовали из вакуума.

Это действо, а точнее, антидействие катастрофически сказалось на жителях планеты. Сколько же случилось пропаж, сколько огорчений! Благо еще, Темные учли настоятельное требование противника и приняли меры по недопущению смертельных жертв: где надо, отключили газ, свет, воду, а главное, телепортировали людей из опасных мест. Каких? Попробуйте представить ситуации! Человек находится на десятом этаже дома, а дом этот мгновенно распадается на неосязаемые составляющие. Или кто-то мчится в автомобиле, а автомобиль — раз, и как небывало. Или кто-то прогуливается по морозцу и обнаруживает, что на нем нет не только шубы с валенками, но даже и нижнего белья. Впрочем, хоть людей и избавили от смерти, но синяков и ушибов им досталось в изрядном количестве. Даже внезапное исчезновение стула из-под сидящего человека как приятным ему не покажется.

Итак, мир утратил часть своего объема, а земляне замесились как шальные, не в состоянии понять, что происходит. И вдруг все, включая тех, у кого не оказалось старенького приемника, услышали высокомерный, подчеркнуто хитро-небрежительный голос, оглашающий потрясающее умы, сногшибательное сообщение.

— Подданные! Говорит один из ваших повелителей, ранее пребывавший в тени. Вы все кое-чего лишились, но утраченное никогда вам не принадлежало. Это мы — ваши господа, делали вещи из тонкой субстанции и на время предоставляли их вам. Теперь мы забрали свое назад. Вы паникуете, но с какой стати? Все ваше — при вас, а за пользование нашим

мы даже не требуем платы, хотя могли бы. Так что выражайте нам низкий поклон и благодарность. Хотя мы можем обойтись и без благодарности, а кроме того, вернуть вам забранное, да и добавить немного сверху, но на этот раз небескорыстно. Однако не пугайтесь, не пугайтесь, с вас мы возьмем самую малость — ваши души. И имейте в виду, что если большая часть из вас согласится на обмен, мы на веки вечные утвердим на Земле свое правление, и никто нам помешать не посмеет. И еще об одном. Вас интересует вопрос, что мы сделаем с несогласными? Ничего. Пусть прозябают в убожестве да подыхают с голода, только к нашему добру не тянутся. А теперь перехожу к конкретным рекомендациям. На размышление вам дается шесть часов, а потом прозвучит наш сигнал, и каждый, кому дорого благополучие, пусть произнесет в пространство: «Я, такой-то, такой-то, добровольно вручаю свою душу теперешним правителям». И не волнуйтесь: каждый голос будет строго учтен, каждая душа оприходована. Время пошло. Решайте свою судьбу, а ошибетесь, пеняйте только на себя.

Выслушав не уместившееся в рамках реальности сообщение, мы не могли произнести ни слова, пока наконец не прорвало Тамару:

— Господи, за что нам такая напасть? И что же теперь делать?

Расстроенный, но по обыкновению обстоятельный Василий отвечал:

— Да уж, во всяком случае, не продавать души нечистой силе.

— Но как быть? Люди привыкли жить хорошо и не пожелают остаться ни с чем: подумают-подумают и предоставят навеки вечные власть этой отвратительной силе. А она всех непокорившихся изводить начнет. Так что же делать, что делать?

— Бороться, — севшим, не совсем уверенным голосом проговорил Василий.

— Как бороться? С голыми руками против танков?

— Почему с голыми? — удивленно возразила баба Тоня. — У меня в подвале ружье припрятано: с войны осталось. Муж мой тогда партизанил.

— Ружье! — простонала Тамара. — А кто из этого ружья стрелять будет?

— Как это кто? — возмутился Василий. — Я же два года в армии служил.

— А я — десять, в отставку майором вышел, — увидев проблеск света во тьме, подхватил я.

— Вы все с ума сбрендили, — вытаращив налитые кровью глаза, набросился на нас Пупс. — Карге так и эдак скоро загибаться, а молодым нужно достойно существовать, а не в землянках отсиживаться да с ржавым ружьишком бегать.

— И вовсе не ржавым: я его каждый год смазываю, — распрямляя согбенную спину, с чувством собственного достоинства возразила старушка.

— А ты сам что намерен делать? — спросил я Пупса.

— Что, что? К нормальным людям податься да при раздаче благ своего не упустить. У тебя, Глеб, машина сохранилась — отвези меня в город, я заплачу.

— Нечего, пешком топай, — озлился на Пупса обычно добродушный Василий. Тамара же, словно не слыша пререканий, опять вернулась к насущному.

— А жить-то мы где будем? Дом-то уже негоден.

Мне захотелось успокоить паникующую соседку:

— Отремонтируем, я на стройке через все операции прошел.

— А железо! Думаю, его нигде уже не достанешь.

— Зачем железо, когда есть солома. Я ей в войну крышу крыла, теперь-то наверх не заберусь, а научить — научу, — бодро прошамкала баба Тоня, но Тамара не унималась.

— А есть что будем? Огород вспахать нечем: наш мини-трактор сгинул, и лопат приличных не осталось.

— Ну уж, — покачал головой Василий. — Я же хороший механик, а ста-рые колхозные трактора, поди, целы. Что-нибудь, да восстановим.

— А одежда? Ничего же почти не осталось!

— Ты же и шьешь, и вяжешь, — осадил жену Василий.

Тамара вроде бы иссякла, но вспомнила еще об одном:

— А лечиться? Здоровых-то сейчас нет, а все лекарства, наверняка, испарились, новых же никто не даст.

— Вылечимся! — Наташа, до сего момента понурая и безучастная, вскинула породистую головку и блеснула взглядом черных живых глаз. — Я врач, после института в глухой деревне работала, всему научилась: и травки собирать, и зубы лечить, и раны зашивать, и даже аппендицит сама вырезала.

— А шприцы?

— Да что же ты Тамара? — не выдержал Василий. — Неужели нечистой силе душу собираешься продавать?

Тамара пошла красными пятнами.

— За кого же ты меня принимаешь, Вася? Будут резать, я на такое не пойду, но нужно же про наше дальнейшее житье-бытье поговорить.

Василий с почтением и даже умилением взглянул на свою бойкую рыжую женушку, и я понял, за кем в этой семье остается последнее слово.

Воспользовавшись паузой, Пупс пошел в наступление:

— Нет, у вас точно у всех крыши съехали. Зачем базарить, когда нужно лишь своевременно произнести несколько слов, а потом жить припеваючи. И я с вами здесь время трачу. Отвези меня, Глеб! А если желаешь и дальше здесь безумствовать, дай мне машину напрокат. За это я тебя к себе водителем возьму.

— Дай ему машину, Глеб! Зачем он нам такой? — поморщившись, сказала Наташа, и я обрадовано согласился:

— Забери! Ключи возьмешь в сарае на полочке.

Набывшись, Пупс встал с лавки, но уходить не поспешил, а уставил на девушку тяжелый взгляд и напористо заговорил:

— Знаешь, Наташа, они все здесь неудачники. Один — солдафон-строитель, чужую собственность охраняет, второй — хваленый механик, мешки на своем горбу таскает. Ты же — женщина умная и красавица. Поехали со мной: будешь, как сыр в масле кататься.

Потупившись, Наташа смолчала, а Пупс, довольный тем, что ему не возражают, продолжил уже с игривостью:

— ПоехалиХоехали. С такими нежными ручками не в гнойниках же ковыряться. А если у нас с тобой отношения сложатся, я, может быть, и женюсь на тебе потом.

Наглец здорово разозлил меня. Сорвавшись с места, я с силой схватил его за грудки. Пуговицы с бабушкиной кофты посыпались на пол, а струхХнувший аникаХвоин вжал голову в плечи и выпятил раздражающе пухлую нижнюю губу. Сквозь зубы я процедил:

— Немедленно извиняйся, а иначе твоя душонка вылетит раньше, чем ты продашь ее хозяевам.

Подошедшая Наташа оттащила меня в сторону.

— Оставь его, Глеб. Дай ему с глаз долой скрыться. И учти: я бы и сама с ним разобралась.

Девушка уже не выглядела недоступной, а все же я не позволил бы себе держаться с ней панибратски: мне захотелось опуститься на колени и почтительно поцеловать белую свадебную туфельку, так красиво облегаХщую стройную ножку.

Пупса давно и след простыл, а мы впятером сидели вокруг молчащего радио и обсуждали, как будем жить в суровом мире, где нечистая сила матеХриально ублажает своих подданных и пытается уничтожить несогнувшихся. Получалось, хоть и тяжело, но вроде бы неплохо. Мы собирались держаться вместе и отдавать все свои знания и умения на общую пользу.

Вначале речи наполнял энтузиазм, но постепенно разговор становился все более вялым, и вот баба Тоня, привалившись спиной к печи, принялась всхрапывать, Тамара, уютно пристроив рыжую головку на плече мужа, приХкрыла глаза, да и сам Василий вроде бы задремал. А я любовался Наташей в белоснежном свадебном наряде и думал: «Вот моя невеста, только жених сейчас уж больно затрапезен». Словно прочитав эти мысли, девушка мягко улыбнулась и под села ко мне поближе. Я собрался сказать ей чтоХтохороХшее, но на улице резко затормозила машина, и в комнату ввалился большой раскрасневшийся Пупс.

— Что это ты притащился? Никак дороги разобраны? — Василий уже не спал и в упор смотрел на вошедшего.

Глаза Пупса закосили.

— С дорогамиХо как раз все сносно, но я... посчитал нужным вернутьХся. — Видя наше недоумение, он объяснил. — По пути я обдумывал полоХжение и понял, что правители нас кинут: заберут души, а в конце концов отнимут и благополучие.

— Ну, хоть какоеХо время попользуйся, — предложил я.

— Спасибо! Чтоб потом остаться и без благополучия, и без души.

— А на кой тебе сдалась душа, Пупс?

— Сам не знаю, но раз вы все так цепляетесь за свои, то и мне на чтоХнибудь, да сгодится. Решил остаться с вами.

— А ты нам здесь не нужен, — светлые глаза Василия сделались колкиХми, словно льдинки.

— Да что ты, Василий, — вступила с увещеваниями баба Тоня. — Человек душу хочет спасти, а ты его гонишь.

— Душу спасти! А когда с нами здороваться гнушался, о душе почему-то не вспоминал. А когда деньги на новые фонари собирали, сказал: «У вас свой свет, а у меня — свой», да еще нахамил.

— Подумаешь, рыжей клушей меня назвал — велика важность, — усмехнулась Тамара.

Василий слегка смутился.

— Не это главное. Мы все здесь что-то умеем, а у него один талант: дутые банки создавать, да честных людей грабить. Нам такие специалисты без надобности.

— А может быть, он еще что-нибудь умеет, — придвигаясь ко мне, предложила Наташа.

Плечом ощущая ее теплое упругое плечо, я даже захотел, чтобы у Пупса обнаружилась какая-никакая способность, но Василий не смялся.

— Ничего он не умеет.

Как оправдывающийся двоечник, Пупс буркнул:

— А может, умею.

— Не умеешь.

— Умею!

— Что?!

Пупс затянул: «Эх...» — и вдруг расплылся в самодовольной улыбке: — Табуретки делать!

Он не врал. Двадцать лет назад в течение целого лета вся наша деревенька, тогда еще населенная, следила за тем, как одиннадцатилетний Пупс делает табуретку. Общество помогало ему советами, но дело от этого лучше не шло. Перепорченного материала хватило бы на хорошую топку печи, а готовая табуретка подошла бы для кунсткамеры, так уродливо она выглядела. Ночью, втайне от Пупса, мой дед привел ее в божеский вид, после чего она стала хотя бы безопасной для сидения.

Тем не менее, я засвидетельствовал утверждение липового столяра. Все, будто бы только того и ждавшие, вздохнули с облегчением, а Тамара даже обрадовалась:

— Вот хорошо, табуретки нам пригодятся.

Возражать ей не стали — Пупса вроде бы оставили, но сказать об этом не успели, потому что прозвучал неведомо откуда исходящий, напоминающий комариный писк, до внутренней дрожи неприятный, громкий звук. Мы одновременно взглянули на ходики с шишками и поняли, что настало время решающего выбора. Нечистая сила жаждала человеческих душ, но собравшиеся покрепче сомкнули уста, дабы, не дай Бог, не прохормотать что-нибудь помимо своей воли. Один Пупс слегка шевелил губами, но даже он нашел в себе силы и промолчал.

Время, отведенное на произнесение рокового обещания, наверняка, давно истекло, но мы в боязни сболтнуть лишнее хранили молчание до тех пор, пока не заговорило радио. Снова послышался голос того же теневого правителя, но на этот раз он был полон гнева и досады.

— Грязные тупые ослы! Из необъяснимого упрямства вы отказались от плывущего в ваши руки блаженства. Мы могли дать вам очень много.

Теперь пользуйтесь лишь результатом собственных трудов, а работать вы не любите, да и не умеете... Глупо. До победы не хватило одного человека. Всего лишь одного ничтожного человечешки...

Словно бы захлебнувшись, радио умолкло, а баба Тоня, кряхтя, встала:
— Чего зря сидеть? Рассвело уже — пойду козочку покормлю.

Об авторе

А. Белл — это содружество двух авторов: Людмилы Хохловой и Наталии Поповой.

Людмила Владимировна Хохлова, 1954 года рождения, родилась в посёлке Салтыковский Московской области, образование высшее.

Наталия Алексеевна Попова, 1956 года рождения, родилась в Москве, образование высшее.

После окончания институтов обе работают в оборонной промышленности. Публиковать свои работы стали с 2006 года в газетах «Тайная сила», «Шестая раса», «Необъявленный визит» и журналах «Наука и религия», «Дельфис», «Чистый источник», Донецкий рериховский вестник «Орифламма». В 2010 году в издательстве «Лотос» вышла книга «Лазейка для Иуды».

Николай Скрицкий

Пришелец

Он плюхнулся на двор почти в полдень. Старуха ойкнула и присела от неожиданности, а Старик нажал не на ту клавишу компьютера, который отозвался негодующим писком.

И было чему удивляться. Нечто, возвышавшееся на утопанной мноХими поколениями площадке перед домом, больше всего напоминало гигантский сапог, пригодный для тридцатиметроворостого великана. Не было видно ни отверстий, ни швов. Да и упал этот «сапог» с неба без рева двигателей: будто его ктоХто поставил либо бросил на землю.

Несколько минут длилось молчание. Две пары глаз рассматривали невероятного пришельца. А тот стоял так спокойно, что даже не верилось, будто совсем недавно его не было. Разбежавшиеся куры уже спокойно клевали чтоХто совсем близко от «сапога».

— Ну, Старуха, и дела, — промолвил Старик.

Старуха, обычно говорливая, на сей раз промолчала. Два месяца назад они поселились на ферме, в доме, оставленном прежними хозяевами. Двое надеялись пожить вдаль от шумных городов с толпами людей и автоХстрад, заполненных автомашинами. Старик хотел завершить работу над книгой, а его подруга — просто отдохнуть от жизненной суеты.

Здесь, в лесу, была тишь и благодать. Новоиспеченные фермеры вернуХлись к натуральному хозяйству. Огород давал первые плоды, куры исправХно несли яйца. Скоро должны были пойти ягоды и грибы. ЧтоХто давали рыбалка и охота. КоеХто из провизии двое привезли с собой. При необХходимости можно было включить сеть доставки и заказать все необходиХмое из города. Но пока такой необходимости не возникало. И Старика, и Старуху пугала даже мысль о том, чтобы столкнуться с внешним миром, особенно с рекламой, которая назойливо врывалась в глаза и уши. По радио и телевидению, со стен домов и щитов реклама предлагала, рекоХмендовала, советовала, настаивала... Двое даже отключили информациХонные экраны, оставив только канал связи компьютера с библиотечной сетью. Несколько опомнившись, Старик оглянулся, проверяя, на месте ли ружье. Ружье висело на стене. Однако «сапог» вел себя так спокойно, что братья за оружие казалось излишним.

Тут, наконец, ожила Старуха. Она подошла вплотную к окну и внимаХтельно рассматривала «сапог». Его трехметровые голенища и головки блестили как лакированные.

— Слушай, дед, может быть, сообщить в город. Кто его знает, откуда он прилетел.

— Нет уж. Если такая удача выпала нам, грех ею не воспользоваться. Давай сами зафиксируем все возможное, раньше прессы. Неси видеокамеру.

Сам Старик взялся за бинокль. Он как раз писал о явлениях, связанных с инопланетянами, и появление «сапога» воспринял как подарок судьбы. Через четверть часа на подоконнике возник наблюдательный пункт. Под рукой стояли диктофон и компьютер. Старик продолжал внимательно рассматривать пришельца, а Старуха снимала «сапог» на пленку.

Вскоре им это надоело, ибо объект по-прежнему не подавал признаков жизни. Он стоял, как потерянная обувь, и, казалось, не шел на контакт. Минуту еще полчасу. Старик уже решил выйти на двор, когда «сапог» объявил о себе сам. Его вершина раздвоилась, и из щели посыпались... разные сапожки, вполне человеческого размера. Падая на землю, они вновь распугали кур. Это могло бы напоминать высадку десанта. Однако сапог, упав на площадку перед домом, не шевелился и стоял со вполне мирным видом. Вся картина напоминала эпизод из детского кукольного фильма.

Видеокамера непрерывно стрекотала, фиксируя происходящее, когда из «сапога» раздался голос:

— Фирма «Реклама для Вас» внедряет новую форму обслуживания. Теперь мы прибудем с нашими предложениями и образцами товаров всюду, где Вы, уважаемые потребители, живете! Каждый лично может примерить нашу обувь и убедиться в ее качестве!

Далее прозвучал код, по которому следовало сделать заказ. Старик выключил видеокамеру. Сцена вторжения превратилась в обычный рекламный фарс. Вместо пришельцев в их уединение назойливо, без разрешения вторгся город. Теперь люди лишались последнего убежища.

К плечу прижалась, всхлипывая, Старуха. И тогда Старик протянул руку за ружьем.

Об авторе

Родился в 1946 году под Москвой. Окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Работает инженером-испытателем.

Писать начал в еще в детстве. Первая публикация состоялась в 1976 году. Увлекается морской тематикой, прежде всего биографиями великих флотоводцев и кораблестроителей. Опубликовал по этой тематике свыше 200 статей и 11 книг. Параллельно с этим пробовал себя в фантастике. Опубликованы рассказы «Контакт» (журнал «Чудеса и приключения») и «Покорение реки (журнал «Чудеса и приключения» — детский).

Владимир Семенякин

Интересный вывод

— ...Итак, уважаемые коллеги, если посмотреть на окончательный результат, замечаем, что чистую двойку в ранее рассматриваемом уравнении следует считать некорректной. Из этого следует, что в релятивистской формуле существует ошибка и...

Анатолий Фёдорович замолчал, в рассеянности рассматривая измазанные мелом пальцы. Потом глянул на доску, подчеркнул последнюю строку и кивнул:

— ...Что и требовалось доказать.

Он еще раз осмотрел доску и оглянулся в зал.

— Извините, если мое выступление показалось вам слишком амбициозным... — Анатолий Фёдорович бледно улыбнулся. — Как видите, все налицо... Прошу задавать вопросы.

Зал безмолвствовал. Профессора, академики, членыЖкорреспонденты замерли с выражением паники на лице. КоеЖто поглядывал на докладчика с ужасом, некоторые, спрятав пышные бороды в ладонях, недоверчиво морщились. КтоЖто страдальчески шурился, недоверчиво шевеля губами.

Сидевшие в передних рядах яростно сверкали очками и с откровенной ненавистью пожирали глазами исписанную формулами доску.

Присутствующие с трепетом осознали, что физика — самая прикладная из наук — угрожающе покачнулась и вотЖвот рухнет. И виноват во всем этот маленький болтливый старичок, который все уничтожал и ничего не предлагал взамен...

— Вы не могли бы повторить последнее звено рассуждений? — Наконец сдавленно сказал какойЖто морщинистый ученый из четвертого ряда.

На него оглянулись с сожалением, как на смертельно больного, напрасно хватающегося за жизнь.

Анатолий Фёдорович повторил.

— Вы уже напечатали ваши исследования? — Спросили докладчика, когда он замолчал.

В зале послышался возмущенный ропот. От подхалима с отвращением отвернулись.

Анатолий Фёдорович ответил.

— Есть еще у когоЖнибудь вопросы? — спросил Анатолий Фёдорович, снова положив на кафедру корректуру своей статьи.

Научный мир угрюмо молчал. Анатолий Фёдорович пожал плечами и, взяв в руки тряпку, пробормотал.

— Тогда я, может быть...

— Погодите, так что же это?! — Вдруг взорвался криком кто-то в заднем ряду.

Тряпка вернулась на свое место.

— У Вас есть вопрос?

Человек из заднего ряда что-то сказал.

— Извините, не можете повторить громче?

— Но как тогда существуют ядра?! — Взволнованно воскликнул человек.

Он сел, но тут же снова вскочил. Крикнул что-то и, расталкивая сидящих перед собой, направился к проходу. Зал наполнился гулом. Все лица обратились на задавшего последний вопрос. Тот шел прямо к сцене.

— Это же... Господи... Это же что получается... — Лихорадочно шептал он.

Наконец, взбежав по ступенькам, он крикнул.

— Выходит, что электроны нестабильны на своих орбитах!

Гул в зале перерос в базарный гам.

Вышедший на сцену обернулся к доске и напряженно вчитался в вязь формул.

— Да! Каким образом тогда могли связываться вместе ядра и электроны?

— Как могут проходить термоядерные реакции в звездах? В ядерной физике многие выводы основаны на опытах! Значит... Значит существует противоречие в самом Мироздании!

Едва он это произнес, как в зале стало очень тихо. Так тихо, что жужжание ртутных ламп показалось громоподобными раскатами.

Анатолий Фёдорович, нахмурившись, посмотрел на стоящего рядом с ним человека, потом на доску. Он задумался.

— А я и не заметил раньше... — Наконец негромко сказал он. Потом, усмехнувшись, добавил. — Интересный вывод... Очень интересный...

Это было последнее, что он сказал.

В следующий момент Вселенная прекратила свое существование.

Об авторе

Родился в Запорожье. Студент Киевского Политехнического Института, факультет прикладной математики. Живет в Киеве.

Первая публикация — 2006 год, областной литературный альманах «Соборы наших душ». В 2008 году вышла публикация в альманахе «Полдень XXI век» (рассказ «Вкус спелой ежевики»). Имеет публикации во всемирной сети (интернет-журнал «Магия ПК»). Рассказ «Последнее желание» был опубликован в «Знаниеюила: Фантастика» № 1 за 2010 год.

Игорь Харичев

Крапивное семя

Не люблю чиновников. Мерзкая публика. Сволочи. Крапивное семя. Они все делают только исходя из своих интересов. На людей им наплевать. Взятки и откаты. Откаты и взятки. Лишь это их интересует. Создавать нам, простым людям, проблемы — их естественное состояние.

Поэтому я был в числе тех, кто горячо поддержал введение электронной вертикали власти. Хорошее дело. Все, как нам говорили в телевизоре главные руководители страны: законы по-прежнему принимают депутаты, живые люди, а для того, чтобы исполнять принятые законы, вовсе не нужен человек. С этим компьютер должен справляться. А он взяток не берет. И коррупция исчезнет.

Короче, наставили специальных компьютеров, уволили всех чиновников, и началась у нас новая жизнь. Скажем, у тебя проблемы на районном уровне. Выходишь на сайт районной управы, заполняешь соответствующее заявление, компьютер районного уровня тут же принимает решение, и тебе остается только ждать его исполнения. Или, скажем, проблема на городском уровне. Опять же, лезешь на городской сайт, заполняешь соответствующее заявление, городской компьютер в несколько секунд принимает решение, и ты, полный счастья, ждешь результата. Короче, удивительная жизнь началась для нашего народа. Небывалая. Никаких тебе чиновников, никаких очередей, никаких унижений, никаких взяток. Рай, да и только.

Случилось как-то мне одну проблемку заиметь. Захотел я, чтобы перед домом цветник разбили. А то выходишь из подъезда, а напротив скучный газон. Пожухлая травка. Никакого эстетического наслаждения.

Как водится, я заполнил заявку, надавил курсором надпись «Отправить». И принялся ждать. Секунд через пять на экране появилась надпись: «Решение отрицательное».

Мне отказали. Вот свинство. Компьютер не хочет, чтобы у нас был цветник. Видать, такой закон приняли городские депутаты. Засранцы.

В субботу, когда мы с Васей, соседом сверху, пили пиво, я пожаловался ему на депутатов.

— Не хотят, чтобы у нас перед домом красиво было, — подытожил я.

Сосед обдумал мои слова, потом глянул на меня загадочно:

— Отказали? Это можно решить.

— То есть... как решить?

— Просто. Компьютеры принимают решения. Но обслуживают их программисты. — Тут Василий понизил голос, перешел на заговорщический

тон. — Они могут что-то там подправить. И будет нужное решение. Не за так. Нужно заплатить.

Я оторопел. Потом пробормотал:

— Сколько?

— Ну... это смотря какой вопрос надо решить.

— Цветник, — напомнил я. — Да хотя бы клумбу перед подъездом

— За клумбу тысячи хватит, — уверенно изрек он.

— Рублей? — с тревогой попытал уточнить я.

Он со знанием дела кивнул:

— Рублей.

Это было по-божески. Такую сумму я готов был заплатить сам. Не ходить же по квартирам и собирать деньги. Лучше сам заплачу, но за это попрошу, чтобы клумбу разбили чуть левее нашего подъезда, тогда бы она точно располагалась под моими окнами. Подходишь к окну, а она там, внизу.

Короче, во вторник я выкроил время и поехал туда, где располагалась районная управа.

— Вы к кому? — строго поинтересовался упитанный милиционер, сидевший на входе. Теперь его следовало называть полицейским.

Я растерялся: не знал, что сказать? Но и молчать было нельзя.

— Мне это... к программисту надо, — промямлил я.

— А вас вызывали?

— Вызывали, — не слишком уверенно подтвердил я.

— Фамилия?

Мне пришлось назвать мою фамилию. Он внимательно изучил список, лежавший перед ним, опять поднял на меня глаза.

— Нету вас.

— Но мне надо, — взмолился я.

— Всем надо.

— Но мне... цветник... Или клумбу...

Выдержав с независимым видом паузу, он тихо проговорил:

— Двести рублей.

— Что, двести рублей? — не понял я.

— За проход двести рублей, — небрежно объяснил он.

Пришлось доставать кошелек.

— Сто пятая комната, — выдохнул он, получив две сотенные бумажки.

У двери с нужным номером стояла очередь из трех человек. А четвертый сидел на единственном стуле. Я молча пристроился к тем, кто стоял. Пришлось подождать около двадцати минут, прежде чем я попал в кабинет.

Программист был шуплый, долговязый, в очках. Стеснительная улыбка гуляла на его лице. Весь его вид говорил о том, что это не чиновник, напыщенный и равнодушный к чужой беде.

— У вас какая проблема? — участливо поинтересовался он.

— Цветник.

— Какой цветник?! — не понял программист.

— Да... — Голос плохо слушался меня. — Перед подъездом. То есть,

перед домом... Я просил, но мне отказали. Ну... компьютер отказал. А ведь красиво, если цветник. Но если цветник — много, пусть будет хотя бы клумба. Только тогда перед моим подъездом... Чуть левее. Это если от дома смотреть. На клумбу...

Его лицо приняло сосредоточенный вид.

— Пять, — выдохнул он.

— Тысяч? — ужаснулся я.

— Тысяч — подтвердил он.

— Да вы что!? Это же всего лишь... цветник... Или клумба... — голос мой совсем увял. — Это для всех.

Он протяжно вздохнул.

— Я тоже не только для себя. Мне отдавать надо. — Он глянул куда-то вверх. Помолчав, осведомился. — А пожившему, сколько?

— У меня всего лишь тысяча на это...

Поразмыслив, он решительно произнес:

— Давайте.

Я конфузливо сунул ему в руку тысячную бумажку.

Через полтора месяца перед нашим подъездом появилась клумба. Веселенькая такая. Красивая. И ровненько под моими окнами. Посмотришь — душа радуется.

И вот на третий день, в очередной раз насладившись видом клумбы, я подумал: а почему бы не решить проблему с гаражом. В конце концов, человек я или нет? Почему бы не обеспечить нормальное стойло для моей машины? В том гараже из желтого кирпича, который высился неподалеку от моего дома. Покупать место по обычной цене я не собирался — чересчур дорого. А вот если бы получить его со скидкой, как для ветеранов Великой отечественной, это гораздо дешевле будет. Конечно, по возрасту мне до ветерана далеко. Но могу же я проходить как сын ветерана, пожизненно оформить гараж на отпрыска?

В общем, прихватил я денюжат и в один из дней недели подскочил в управу. И что вы думаете? Около милиционера стояла очередь из пяти человек. Вход стоил теперь пятьсот рублей. Программист успел перебраться на второй этаж. Очередь в нужную комнату насчитывала человек тридцать. Пришлось отстоять около двух часов, прежде чем я смог попасть внутрь.

Это был совсем другой программист — полный, не слишком интеллигентного вида, с брезгливым выражением лица, он больше походил на классического чиновника. Несколько смутившись, я изложил ему суть моей просьбы. Он держал себя куда более самоуверенно, чем прежний.

— Значит, хотите задешево гараж получить? — небрежно уточнил он.

— А что делать? — я развел руками. — За полную стоимость я не осилю.

— Тридцать тысяч, — бесстрастно определил новый программист.

Ровно столько я взял с собой — больше в записке у меня не было. И хотя, направляясь в управу, я намеревался поторговаться, тут я понял: бесполезно. Этот не уступит.

Тридцать тысяч перекочевали к программисту.

— Мне в тот гараж, который ближе к моему дому, — напомнил я, поднимаясь.

— В тот. — Он вяло кивнул.

Месяц пролетел быстро. В положенный срок приперлась осень, зачастили скучные дожди. А я все оставался без места в гараже. Потом начали опадать листья. И пришло понимание того, что решение моего дела слишком затягивается. Следовало подсуетиться.

Мне пришлось пожертвовать пятьюстами рублями, чтобы проникнуть в управу. И вновь отстоять около двух часов. Программист в комнате на втором этаже был тот же, что и в прежний раз. Однако, выглядел он куда более значительно.

С волнением я напомнил ему о моем деле.

— Да? — чуть заметно оживился он. — Место в гараже задешево... Понимаете, выявились обстоятельства, осложняющие решение вашего вопроса.

— Так что, ничего не получится? — испугался я.

— Ну почему?... Но не все так просто... — Он старался не смотреть мне в глаза.

Я сделал единственное, что мог сделать в тот момент: достал кошелек и протянул ему три тысячи рублей.

— Больше у меня нет, — упавшим голосом выговорил я.

Будничным движением он забрал деньги.

— Я предприму все необходимые усилия, — заверил он. — Предприму.

На этот раз сработало. Уже через неделю меня вызвали в правление гаража, сказали, что прибыли документы на получение стояночного места на льготной основе. Сумма, которую я должен был заплатить, устроила бы любого, даже последнего бомжа.

Насколько приятнее жить, сознавая, что не только у тебя, но и у твоей машины есть дом. А как приятно забираться в машину, стоящую под крышей, зимой, когда на улице стужа, и все засыпано снегом. Садись и едешь. И никаких лишних забот.

Я наслаждался жизнью полгода. А потом начались проблемы: наша фирма не смогла найти финансирование в нужном объеме. Нам грозили перебой с зарплатой. А в перспективе — банкротство. И попробуй, найди потом хорошую работу.

В поисках спасения, мы попытались получить подряд через конкурс, но проиграли его, хотя предложили лучшие условия. Генеральный директор Петр Николаевич был в отчаянии. Но я сразу понял, что делать.

— Триста тысяч рублей найдется? — деловито осведомился я.

— Зачем? — испуганно спросил он.

— Чтобы исправить результаты конкурса. В нашу пользу.

Он думал недолго.

— Для этого найдется.

На следующий день мы отправились в управу. Проход стоил теперь семьсот рублей. Мне с трудом удалось уговорить милиционера обойтись этой суммой, потому что мы шли по одному вопросу. Программист располагался уже на третьем этаже. Он обзавелся приемной и миленькой секретаршей. Она выясняла, с какой просьбой пришел посетитель, и определяла, кому ждать в приемной, а кому идти в другую комнату. Когда

мы подошли к ней, Петр Николаевич замялся, и я взял инициативу в свои руки:

— Мы не согласны с результатами одного конкурса по определению подрядчика.

— Нужные аргументы при вас?

— Разумеется.

Благожелательно кивнув, она приказала нам с Петром Николаевичем дожидаться в приемной. Сидеть пришлось долго. Наконец нас пригласили в кабинет.

Это был совсем не тот программист, которого я видел в последний раз. Настоящий барин: важный, величественный. Как холодно он смотрел на нас. Сколь большим и роскошным был его стол. Петр Николаевич сразу ступешался, но я не стал медлить. Четко изложил суть нашей просьбы.

— В общем, надо изменить результаты конкурса, тем более, что наши условия на самом деле были лучше, чем у других участников.

Программист никак не отреагировал на мои слова. Будто я и не говорил вовсе. Тогда я дал знак Петру Николаевичу. Пухлая пачка появилась на столе.

— Триста, — ласково пояснил я, преданно глядя на программиста.

Он кивнул, сдержанно и весомо, произнес одно только слово:

— Сделаем. — И деньги тотчас исчезли со стола.

Сразу полегчало на душе, ибо в ней поселилась надежда.

Потом потекли обычные дни. Прошел месяц, другой, а ничего не менялось.

Как-то Петр Николаевич вызвал меня к себе. Он был привычно мрачен.

— Как думаешь, кинул нас программист? — спросил он.

Я и сам пришел к такой мысли. Но признаваться в этом не хотелось.

— Может быть, забыл? К нему каждый день сотни просителей приходят. Надо ему напомнить.

Утром Петр Николаевич и я отправились в управу. Милиционер на входе содрал с нас тысячу четыреста рублей. Мой довод, что мы идем по одному вопросу, на этот раз не подействовал. Программист по-прежнему принимал на третьем этаже. И секретарша у него не сменилась. Только вот выслушав нас, она порекомендовала нам пройти в другой кабинет.

— Почему? — изумился я.

— Потому что вы повторно. — Сколь милой была ее улыбка.

Мы с Петром Николаевичем отправились в указанный кабинет. Мужчина, который там обнаружился, вызвал у меня большие сомнения. Он был молод и выглядел совершенно легкомысленно.

— Простите, вы программист? — пристально глядя на него, спросил я.

— А как же, — бойко отвечал он. — Программист второй категории. Что у вас за вопрос. — Он указал на два стула, стоящие по другую сторону письменного стола.

Мы с Петром Николаевичем уселись, и я принялся рассказывать нашу историю. Послушав некоторое время, программист постучал по клавишам и что-то там увидел на экране новенького монитора.

— Так вы по поводу конкурса? — Он даже обрадовался. — Вам отказано.
 — Да, нам было отказано, — охотно согласился я. — Но мы сюда затем и приходили, чтобы изменить результат конкурса.

— Нет. — Он прямоХаки с удовольствием покачал головой из стороны в сторону. — Вам отказано повторно.

— Быть того не может! — воскликнул я. — Мы деньги дали.

Программист смотрел на нас честными глазами.

— Другие дали больше. Так что нечего удивляться, что вам отказано.

Эти слова не хотели уместиться в моей голове.

— Послушайте... вы... не ошиблись?

— НеХет. — Он размахисто махнул рукой, перечеркивая остатки надежХды. — Как тут можно ошибиться? У нас всем компьютер управляет. Все на высшем уровне.

Мир полетел в тартары.

Об авторе

Родился в 1947 году в Самаре. По образованию астрофизик. В советское время работал в НИИ, с октября 1991 по февраль 1997 года — в администрации Президента РФ, затем — в Конгрессе интеллигенции России. В настоящее время — ген. директор жюри нала «Знаниеюсила». Секретарь Союза писателей Москвы.

Рассказы, повести, включая фантастические, с 80-х годов XX века неоднократно публиковались в журналах «Сельская молодежь», «Литературная учеба», «Новое время», «Кольцо А», «Наука и жизнь», «Дети Ра», а также газетах «Литературная Россия», «Собеседник», «Учительская газета», «Российские вести», «Куранты» и в альманахе «Словесность». В № 2 и 3 за 2006 г. литературного приложения «Знаниеюсила: Фантастика» была опубликована повесть «Будущее в подарок», а в № 2 (11) за 2010 г. — рассказ «Будущее. Россия».

Автор художественных книг, вышедших в 1994, 2000, 2006, 2008, 2011 г.г. (в 2008 г. вышел фантастический роман «Своя вселенная», а в 2011 — новая редакция романа «Кремлевские призраки»).

Союз писателей XXI века

Союз писателей XXI века создан в феврале 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Вице-президент — поэт и культуролог Арсен Аркадьевич Мелитонян.

Председатель ревизионной комиссии — Игорь Александрович Харичев.

Союз писателей XXI века — общественная организация, призванная объединить современных писателей из разных стран, наладить переводческие контакты, содействовать членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «ВестЖКонсалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет пожертвований и членских взносов.

Контакты:

(495) 971 79 25